

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В НАЧАЛЕ ХХІ ВЕКА
Сборник статей, обзоров и рефератов

Москва 2004

ББК 66.2 (45); 66.3 (о)

П-50

Серия

*«Проблемы общественной трансформации в странах
Восточной Европы и России»*

*Центр научно-информационных исследований
глобальных и региональных проблем*

Отдел Восточной Европы

Редколлегия:

канд. ист. наук *Ю.И.Игрицкий* (отв. ред.), д-р ист. наук
Л.С.Лыкошина, канд. филос. наук *Л.Н.Шанишева*

П-50

Восточная Европа в начале XXI века: Сб. обзоров и реф. / РАН
ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глоб. и регион. проблем.
Редколл: Игрицкий Ю.И. (отв. ред.) и др. — М., 2004. — 229
с.

ISBN 5-248-00202-8

Сборник посвящен проблемам политического, экономического и социального развития стран Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы по прошествии первого десятилетия посткоммунистической трансформации. В него включены материалы, относящиеся как к данному региону в целом, так и к отдельным входящим в него государствам. Сборник предназначен для всех интересующихся судьбами региона и процессами системных изменений.

This collection of surveys and digests is devoted to the problems of political, economic and social development of Central Eastern and South Eastern European countries after the first decade of the post-communist transformation. It includes both general issues relating to the region on the whole and particular cases of the relevant states. The edition is oriented toward all who take interest in the current condition and the system change processes in the region.

ББК 66.2 (45); 66.3 (о)

П-50

ISBN 5-248-00202-8

©ИНИОН РАН, 2004

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНА

Предисловие	5
Мюллер К. «Страны транзита»: Пути развития восточноевропейской трансформации	12
Шмигула Д. Центральная Европа и общие интересы ее народов.....	27
Модернизация и трансформация в посткоммунистических странах. (Сводный реферат).....	33
Хайнеманн-Грюдер А. Военные и политика. К вопросу о демократическом контроле над армиями в Восточной Европе	51
Правый радикализм в посткоммунистической Европе. (Сводный реферат)	66
Урбан Дж. Б Посткоммунистические левые: Различные пути, общее наследие	73

ПРОБЛЕМЫ СТРАН РЕГИОНА

Проблемы переходного периода в Болгарии. (Сводный реферат)	84
Карасимеонов Г. Новая партийная система в Болгарии.....	97
Присоединение Болгарии к Евросоюзу: Проблемы и перспективы. (Сводный реферат)	112
Байчинска К. Модернизация и консервативность — две тенденции в системе ценностей современной болгарской культуры	116

Сабо Ф., Боршаньи А. Демографический кризис в Венгрии: Факты и мнения	120
Лыкошина Л.С. Кризис власти в Польше. Левые уходят? (Ана- литический обзор)	129
Макманус-Чубиньска К. и др. Двойственная идентичность по- ляков	140
Лыкошина Л.С. Трудный путь в Европу (О некоторых пробле- мах вступления Польши в ЕС). (Аналитический обзор)	144
Биткова Т.Г. Румынская экономика: Преодоление кризиса и перспективы развития	154
Гуськова Е.Ю. Сербские ученые о демократических процессах в Сербии	177
Щербакова Ю.А. Словацкая республика на пути в ЕС — из XX в. в XXI в. (Аналитический обзор)	190
Глобализация и ее отражение в Хорватии	203
Шимов Я. Политические силы современной Чехии и проблемы европейской интеграции	210

ПРЕДИСЛОВИЕ

Открывая данный сборник, читателю не следует ждать ни подведения итогов процесса перемен в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы к началу нынешнего столетия, ни определения магистральных путей их развития на перспективу. Процесс и развитие сами по себе являются ключевыми словами применительно к тому, что происходит в этом ареале, и одновременно наиболее адекватной метафорой содержания происходящего. Мы читаем и слышим (и сами нередко используем) слова «трансформация», «переход», «транзит», «движение (возвращение) в Европу», «преодоление прошлого», «капиталистическая модернизация» и т.д. и т.п. Нельзя сказать, что они irrelevantны в изучении текущего состояния Восточной Европы, но их релевантность относительна. Все эти термины определенно указывают на доминирование фактора изменений в вековой дуальности изменений и неизменности (точно так же, как еще 15–20 лет назад доминирующей в этой дуальности была неизменность, иначе говоря — застой, стагнация). Но ведь вся человеческая история проходит под знаком развития — этносов, стран, государств, регионов, мира в целом; цикличность, прерывность и законченность развития отдельных элементов мир-целого только оттеняют идею его развития. Поэтому сказать «переход» значит сказать все о доминанте состояния общества в данный момент и одновременно не сказать ничего о содержании этого перехода.

И когда мы пытаемся определить содержание, сущность перемен в том ареале, о котором идет речь, мы сталкиваемся с наибольшими трудностями. Ибо многое меняется, но многое и сохраняется, а о чем-то можно сказать, что оно появляется вновь. Частный (негосударственный) капитализм ушел в прошлом веке из ареала где на 40 лет, а где на 70, — но вернулся со всеми его генетическими атрибутами, ряд которых (слабость государства, несовершенство законов, апофеоз индивидуальной

свободы, растаскивание общественного достояния, теневизация экономики, масштабы криминалитета и коррупции, социальная недозащищенность) были преодолены или существенно минимизированы в странах развитого капитализма во второй половине XX в. Менталитет новых социальных страт (собственников, предпринимателей) формируется под влиянием именно этих атрибутов. В психологии старых страт (крестьян, промышленных рабочих и городских служащих, интеллектуалов) и особенно их старшего поколения сохраняются ностальгия по сильному государству и исходящей от него социальной поддержке, неприятие конкурентной среды, тяготение к внутриклассовой коллективистской идентификации. Возникают новые (по сравнению с периодом 1950—1980-х годов) социальные противоречия, но они, пусть и в более слабой форме, воспроизводят те конфликты, которые существовали в первой половине прошлого века и ранее. Этнонациональные противоречия в одних случаях возрождаются с новой силой, а в других меняют формы и масштабы своего проявления — но верно то, что они никогда не исчезали совсем из жизни восточноевропейских социумов. Национальные государства, терпевающие сильнейшую эрозию на Западе, начинают в наши дни воздвигаться в восточной части континента одновременно с их интеграцией в межнациональное и межгосударственное сообщество, каким является Европейский союз.

Синтез, симбиоз, переплетение (называйте как хотите) «нового» и «старого» еще долгое время будут оставаться ключевыми характеристиками развития посткоммунистических стран. [Опять-таки возникает вопрос: сколь долго можно пользоваться термином «посткоммунизм» за неимением более точного? Что он в сущности означает? Ясно, что не капитализм и не постиндустриальное общество, иначе весь научный мир стал бы дружно употреблять именно эти понятия в отношении рассматриваемого ареала. Но — *еще* не капитализм или уже не капитализм? Еще не постиндустриальное общество или уже не постиндустриальное общество? Если *пост*-что-то является самодостаточной дефиницией, то почему бы не называть советскую систему постсамодержавием? Попутно замечу: мало что меняется от введения термина постпосткоммунизм, это лишь еще один пример бессилия адекватно обозначить то, что есть, и вынужденного отталкивания от того, чего нет — *нет* уже ни коммунизма, ни посткоммунизма].

Под этим углом зрения трудно не согласиться с суждением венгерского социолога Арпада Саколчаи о том, что Восточная Европа давно

находится в перманентном состоянии перехода. «Крушение порядка — трудный вызов и может привести к серьезному кризису, — пишет он. — Ответ может прийти лишь после долгого периода проб и ошибок, а то и вовсе не прийти, как показывает исчезновение многих культур и цивилизаций. Если ответ на кризис не дан быстро, временное состояние перехода может продлиться, и общество или вся цивилизация могут застрять в этом продленном переходе, где временное, переходное, нетипичное, эфемерное, чрезвычайное становится стандартным, нормальным, обычным, принимаемым как должное. Именно так и случилось в регионе Восточно-Центральной Европы» (4, с. 4).

Да и в данном сборнике представлены близкие к этой точки зрения. Немецкий исследователь К.Мюллер в реферируемой статье «Страны транзита» исходит из того, что под «транзитом» понимается переход от плановой экономики к рыночной и от авторитарных режимов к демократическим. Действительно, другое понимание этого термина применительно к посткоммунистическим государствам вряд ли возможно. Но далее автор сам пишет, что «транзит» (т.е. переход) является слишком слабым определением, поскольку указывает лишь направление движения, а не реальное состояние общества.

Примем поэтому как должное кажущиеся противоречия между постоянным достаточно быстрым ростом валового внутреннего продукта практически во всех странах этого региона в 1990-е годы (кроме воевавших стран — наследниц СФРЮ, Румынии и Болгарии) и повсеместным, пусть и разномасштабным, ростом социальной неудовлетворенности; между быстрым созданием демократических институтов и медленным формированием демократической политической культуры; между относительно быстрым вхождением стран региона в Европейский союз и медленными темпами (если не сказать: почти незаметными) их реальной интеграции в структуру европейской экономической, политической и социальной жизни. Эти противоречия должны восприниматься не как загадка, исключение, парадокс, а как совершенно естественное явление в свете того, что крушение «плохого» порядка само по себе не является прочной строительной площадкой для «хорошего» порядка, оно лишь предпосылка для расчистки такой площадки.

Но ведь снова, как и в случаях с «трансформацией», «переходом», «модернизацией», без ответа остаются вопросы, почему надежды людей и искренних политиков-реформаторов не оправдались столь явно, и на что им теперь следует рассчитывать, иными словами, когда завершится

трансформация (если завершится), к чему приведет переход (если приведет), не станет ли модернизация постоянным состоянием общества и вечно ускользающей целью.

Поскольку противоречия между предвкушаемым и реальным всегда коренятся в объект-субъектной взаимосвязи, правомерно полагать, что люди и искренние политики-реформаторы не смогли рациональным и адекватным образом оценить ни ту объективную реальность, в которой они находились в момент начала антикоммунистических революций, ни возможности воплощения возникших надежд и декларированных целей. Об этом хорошо сказал Р.С.Гринберг: «Простое предположение, что из второго мира можно при определенных условиях попасть не в первый, а в третий мир, отвергалось как несерьезное, либо рассматривалось как что-то вроде последнего вздоха какого-нибудь упертого коммунистического пропагандиста... Общественное мышление на востоке Европы оказалось в плену “магического мышления” в том смысле, что необходимость в модернизации стран ЦВЕ совершенно естественным образом воспринималась как потребность в их вестернизации... Запад представлял собой образец сочетания материального благополучия со свободой индивидуального выбора при верховенстве закона. И это обеспечивало ему почти религиозное обожание со стороны восточных европейцев, не имевших ни того, ни другого при коммунистической власти» (2, с. 169–170). В России, подчеркивает исследователь, упование на магию радикальной либерализации было еще более безоглядным, а посему и социальная фрустрация после десятилетия реформ оказалась еще более глубокой.

Что же принесла восточноевропейцам дарованная коллапсом коммунизма свобода политического выбора двигаться в сторону «первого мира» с риском оказаться в «третьем мире»? По мнению автора, именно то, о чем он и говорил: отдаление от желаемых стандартов Запада и известное приближение к развивающимся странам (2, с. 171).

Парадокс ситуации в том (и это, пожалуй, феномен всех ситуаций так называемой догоняющей модернизации), что в широкой исторической перспективе более развитые экономически и более устойчивые политически общества обычно развиваются быстрее тех обществ, которые ориентируются на них, как бы ускоренно ни развивались последние. Относительно низкие стартовые условия революционной смены парадигмы развития нередко объясняют первоначально высокий темп роста, за которым следует замедление. Стимулирующая роль новых ресурсов роста (экономической свободы, капитализации, внешней помощи) в условиях

невысокого уровня сложившейся материально-технологической базы, хозяйственной структуры и инфраструктуры, культуры и квалификации труда снижается до того момента, когда оказывается достигнутым тот более высокий уровень, который видится целью роста. Далее развитие передовых и догоняющих стран определяется в первую очередь состоянием базиса и базовых факторов, которые по-разному складывались десятилетиями и веками. Отсюда отмечаемое исследователями нарастание в Центрально-Восточной Европе дифференциации не только между странами первой и второй волн присоединения к Европейскому союзу, но и между странами первой волны с неодинаковыми моделями экономической политики, структурами хозяйства и экспортными возможностями (1, с. 64–65).

Как бы то ни было, движение (возвращение) европейских посткоммунистических государств и обществ в Европу, олицетворяемую ЕС — процесс закономерный и, думается, долженствующий в более отдаленной перспективе приблизить часть этих государств и обществ, уже в составе «общеевропейской семьи», к некоему *среднеевропейскому* уровню развития, а другую часть вывести на уровень, хотя и ниже среднеевропейского, но не столь низкий, чтобы они чувствовали себя изгоями в этой семье. Может быть, и лучше было бы для них интегрироваться сразу в глобальную, а не региональную экономику, считает А.Д.Некипелов, но выбор уже сделан (3, с. 47).

Глобальная интеграция дает больше возможностей «свободного плавания» с использованием тех или иных национальных преимуществ (природных ресурсов прежде всего); региональная, в данном случае европейская, интеграция ограничивает свободу ее участников необходимостью придерживаться общих правил и норм — но, будучи более тесной, она предоставляет участникам и выгоды кооперации, разделения труда, беспрепятственного передвижения капитала, товаров, услуг, рабочей силы. В глобализирующейся экономике у располагающей хорошими ресурсами страны больше шансов осуществить быстрый экономический скачок, зато в региональной экономической интеграции меньше риск оказаться в состоянии перманентной отсталости.

В предлагаемом вниманию читателя сборнике показано, что интеграция центрально-восточноевропейских стран в Западную Европу может развиваться не только разными темпами, но и разными путями. Если Венгрия была с самого начала более зависима от иностранного капитала и радикальнее всех посткоммунистических государств осуществляла

разгосударствление (доля государственных активов среди всех активов в Венгрии составляет 12%), то в Польше, скорее, формируется «национальный капитализм» с гораздо более масштабным участием государственного и вообще «своего» капитала (см. сводный реферат «Модернизация и трансформация в посткоммунистических странах»).

Деление стран нашего ареала на группы, их категоризация с точки зрения экономических, политических, социокультурных и иных критериев — достаточно сложная исследовательская задача. Далеко не всегда можно выявить измеряемые, количественные показатели процессов, а выявив, — руководствоваться ими; качественные оценки чаще всего субъективны. Материалы сборника свидетельствуют, что при наличии общих проблем и схожих явлений во всех странах ареала существуют и будут существовать особенности развития, обозначаемого как трансформация и «движение в Европу». Поэтому анализ общих проблем и страновой, а также субрегиональной специфики дальнейшей трансформации остается на обозримый период времени приоритетом центрально-восточноевропейских исследований.

Отражение проблематики отдельных стран ареала в сборнике неравномерно. Это объясняется, с одной стороны, неравномерностью поступления литературы этих стран в библиотеку ИНИОН, а с другой стороны, научной и общественной значимостью тематики отобранных для реферирования источников.

Список литературы

1. Глинкина С. Страны Центральной и Восточной Европы накануне вступления в Европейский союз // Россия и Центральная Европа в новых геополитических реальностях. — М., 2002. — С.47–68.
2. Гринберг Р.С. Иллюзии и закономерности переходного периода: Общие черты и российские особенности // Постсоциалистические страны в условиях глобализации. — М., 2001. — С. 168–183.
3. Некипелов А.Д. Глобализация и постсоциалистические страны: Некоторые теоретические вопросы // Постсоциалистические страны в условиях глобализации. — М., 2001. — С. 36–51.
4. Szakolczai A. In a permanent state of transition: Theorising the East European condition. — Florence, 1996.

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНА

К.МЮЛЛЕР

«СТРАНЫ ТРАНЗИТА»: ПУТИ РАЗВИТИЯ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

K.MÜLLER

«Countries in transition»: Entwicklungsfade der osteuropäischen Transformation // Osteuropa. — Stuttgart, 2001. — Н. 10. — S. 1146—1167.

Более 10 лет в документах ООН и международных финансовых организаций выделяется группа реформирующихся государств под названием «Countries in Transition», которая характеризуется не только статистическими индикаторами. Речь идет о группе стран, имеющих общее прошлое, начавших радикальные изменения и ориентирующихся на западные общества.

Под «транзитом» понимается переход от плановой к рыночной экономике, от авторитарных режимов к демократии. «Исходя из этих коннотаций, приобретает свое специфическое значение параллельный термин “трансформация”: переходные страны переживают не просто процессы роста или ликвидации отставания, они приобретают опыт глубоких изменений институциональной системы — тех общественных институтов, которые формируют образ действий» (с. 1146).

Если посткоммунистические страны отличаются, с одной стороны, от развивающихся стран, а с другой — от развитых стран — членов ОЭСР и являются самостоятельной сферой исследований, то соответствующей этому идеальной теории трансформации до сих пор не возникло. «Предлагаемые в последние годы теории транзита и трансформации отмечены в значительной мере комбинацией эмпирических данных, аналитических моделей, теоретических предположений и нормативных точек зрения. Нормативная составляющая этих теорий была не столько де-

фектом метода, сколько в известном смысле реакцией на тяжесть проблем в посткоммунистических странах» (с. 1147).

С конца 1980-х годов большинство восточноевропейских политиков, осознавая необходимость реформ, стало разрабатывать программы действий с помощью западных экономистов и международных финансовых институтов. Рекомендации последних носили зачастую нормативный характер, в них детально определялись бюджетные, налоговые, социально-политические параметры реформ и тем самым оказывалось глубокое влияние на внутреннюю политику государств Восточной Европы.

Общение между посткоммунистическими правительствами и международными финансовыми институтами велось на языке «заявлений о намерениях и внешних оценок». Научные теории трансформации не противопоставлялись нормативным рекомендациям западных советников, не желавших слышать о «жестких фактах» и ссылаках на необходимость создания структурных и институциональных предпосылок демократического перехода. Предложенная социологами перспектива «догоняющей модернизации» тоже не внесла большой ясности в происходящие процессы.

Но центральной проблемой, по мнению К.Мюллера, были не столько «нормативные импликации трансформационных исследований» сами по себе, сколько отсутствие ясной взаимосвязи теоретических гипотез, эмпирического анализа и программных установок.

В экономической, политической и социологической литературе давались разные прогнозы, приводились спорные критерии успешной трансформации и противоречивые рекомендации для политиков. Это мешало интеграции смежных дисциплин и определению четкой перспективы, что привело к бесчисленным ошибочным прогнозам в 1990-х годах относительно хода трансформации.

Разногласия распространялись также на методологическое видение трансформационных исследований. Возникал спор о том, допустимо ли сравнивать посткоммунистический перелом с опытом реформ в других странах мира или он уникален в силу своей радикальности. Можно ли понять переход к рыночной экономике и демократии с помощью универсалистских теорий экономической и политической науки? Или наследие коммунизма требует регионального научного подхода, в том числе и в изучении посткоммунистической реконструкции?

В научной литературе о путях развития Восточной Европы содержится целый спектр не совсем ясных тем. Автор выделяет три группы таких тем.

Во-первых, это касается эмпирических индикаторов и методов изучения. Можно ли оценить рынок действительно как метаинститут посткоммунистических изменений? По каким критериям можно отличить перспективные пути реформ от менее перспективных?

Ко второй группе относятся теоретические гипотезы (предположения) относительно сценариев развития либеральной экономики. Как можно объяснить различные успехи реформ, прежде всего, значительное число промахов? В этой связи автор предлагает две альтернативные концепции: 1) тезис о *state desertion*, то есть ослаблении и уменьшении роли государства как важнейшем показателе, объясняющем неудачи трансформации, 2) основанную на теории демократии комплексную характеристику институциональных, политических и экономических факторов в их взаимосвязи.

В-третьих, речь идет о более глубоком понимании трансформации, базирующемся на вышеуказанной характеристике. Как можно использовать соответствующие ей эмпирические и концептуальные результаты в социологической теории восточноевропейских перемен, которую, по мысли автора, пока «можно обозначить лишь как теорию культурного кода и наведения институционального порядка»?

1. Рыночная политика: Неолиберальный дискурс реформ

Общепринятые критерии, по которым измерялись успехи трансформации прошедшего десятилетия, были сориентированы на экономические показатели. Узловым элементом посткоммунистической политики реформ в начале 1990-х годов было возвращение к стратегии экономического роста. Это является сохраняющейся и по сей день «базисной парадигмой успешного перехода», включающей в себя набор краткосрочных и быстрых мер. Либерализация цен должна была поставить производство в действительную зависимость от спроса, а предприятия перед жесткими требованиями рынка. Ожидалось, что приватизация государственных предприятий и давление со стороны возникшего частного сектора приведут к реорганизации производства. Государству отводилась консолидирующая роль при снижении дотаций, предполагалось, что оно уйдет из сферы денежной политики. Рыночная политика имела

приоритет еще и потому, что она должна была вызвать изменения в других областях, соответствующие либеральной идее.

Автор подчеркивает, что рыночные реформы имеют универсальное содержание, они проводились в разных странах мира и не являются уникальным явлением в посткоммунистический период. И хотя для всех переходных стран открывался путь универсального развития, многое зависело от отличающихся исходных условий, от решимости их правительств и адекватной стратегии реформ.

Успешная политика реформ предполагает определенную цепочку действий, начиная с либерализации цен и заканчивая структурными изменениями. Динамика этого процесса может быть разной. В случае радикальных реформ неизбежные потери могут быть быстрее компенсированы в ходе дальнейшего поступательного развития. В противовес этому политика компромиссов позволяет смягчить шок от рыночных реформ (путем дотаций, социальных трансфертов). Но они создают опасность укрепления прежних структур власти и долгосрочной стагнации.

Радикальная реформа была проведена в 1989 г. в Польше, годом позже – в Чехии, с начала 1992 г. – в России. Венгрия, Словакия, а особенно Румыния, Болгария и Украина шли постепенным путем.

Автор приводит сводные данные о темпах экономического роста в восьми странах региона за 12 лет.

Таблица 1
Экономический рост в трансформирующихся странах. 1989–2001 (в %)
(с. 1150)

Страны	1989	1990	1991	1992	1993	1994
Россия	3,0	- 2,0	-12,9	-19,4	-10,4	-11,06
Украина	4,1	-3,6	-11,9	-17,0	-14,2	-22,09
Польша	0,2	-11,6	-7,0	2,6	3,8	5,2
Чехия	1,4	-1,2	-14,2	-6,4	0,6	2,7
Словакия	4,5	- 0,4	-15,9	-6,5	-3,7	4,9
Венгрия	0,7	-3,5	-11,9	-3,1	-0,6	2,9
Румыния	-5,8	-7,4	-12,9	-8,7	1,5	3,9
Болгария	-0,5	-9,1	-11,7	-7,3	-1,5	1,7

Продолжение табл. 1

Страны	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001
Россия	-4,2	-3,4	0,9	-4,5	3,2	7,5	4,0
Украина	-12,2	-10,0	-3,9	-1,7	-0,4	4,2	4,0
Польша	7,0	6,0	6,8	4,8	4,1	4,1	4,0
Чехия	6,4	3,8	0,3	-2,3	-0,8	3,1	3,0
Словакия	-6,9	6,6	6,5	4,4	1,9	2,2	3,1
Венгрия	-1,5	1,3	4,6	4,9	4,5	5,3	4,9
Румыния	-7,1	3,9	-6,1	-5,4	-3,2	2,0	3,0
Болгария	-2,2	-10,9	-7,0	3,5	2,4	5,0	5,0

Согласно неолиберальной теории трансформации до сих пор успешным считался такой результат, когда была осуществлена макроэкономическая стабилизация, консолидация домашних хозяйств, сокращен государственный сектор, расширена частная инициатива, обеспечены гибкие реальные доходы и дерегуляция рынков труда.

Кроме этой точки зрения, К.Мюллер приводит другие существующие распространенные тезисы.

1. Для объяснения разных успехов в проведении реформ используется такая важнейшая переменная величина, как разная готовность властей насаждать сверху обозначенную «базисную парадигму». Неблагоприятные исходные условия могут быть компенсированы решительной политикой. В соответствии с таким подходом делается вывод, что августовский кризис 1998 г. в России мог быть предотвращен.

2. Чем раньше начинаются реформы, тем быстрее преодолевается разрушение производства. Если учитывать разные исходные условия, первую оценку результатов радикальных реформ в переходных странах по всему спектру нужно определять после трех лет последовательной либерализации. Временное замедление, инфляционные откаты и обслуживание особых интересов наблюдаются чаще всего в тех странах, где старые элиты и руководители государственных предприятий сохранили свои властные позиции.

3. До сих пор не разрешена «дилемма одновременности» рыночных реформ и демократических выборов. Представители рыночного радикального курса указывают на то, что избиратели во многих случаях предпочитают радикальные политические образцы. «Даже там, где были избраны реформаторские правительства, посткоммунисты отказались пересмотреть курс либерализации» (с. 1152).

Экономическая либерализация является решающим фактором, определяющим различные пути реформ в ВЕ. Реформирующиеся страны можно классифицировать по степени либерализации и коррелировать эти группы с теми или иными успехами роста.

С этим можно согласиться, если за основу понятия «трансформация» взять минимальный критерий — дерегулирование частного сектора. Правда, неоспоримый факт состоит в том, что даже самым успешным странам потребовалось почти десятилетие, чтобы преодолеть во всех сферах чрезвычайно глубокие последствия «трансформационной рецессии». По признанию Я.Корнаи, который ввел это понятие, даже он недооценивал масштабы этой рецессии.

Но совершенно другая картина предстает при сопоставлении темпов экономического роста и размеров произведенного социального продукта. На основе приводимых сводных данных за 1989—1998 гг. автор делает вывод о том, что здесь просматриваются четкие разграничительные линии между Центральной Европой, Юго-Восточной Европой и странами бывшего СССР. Поэтому скорее можно говорить об ошибках реформ, нежели об успехах. Тенденции среднего экономического роста для восточноевропейских стран и бывших республик СССР в 2000 и 2001 гг. были на 3% ниже, чем мировые и значительно ниже роста экономики государств Азии.

Еще более разочаровывающими выглядят межрегиональные сравнения по показателю количества социального продукта на душу населения. Чехия и Венгрия находятся на таком же уровне, как Габон, Тринидад и Тобаго; Болгария — на уровне Папуа-Гвинеи; Россия — рядом с Намибией, Польша — с Ботсваной. «Если это должно означать конец трансформации, то действительно возникает вопрос, стоило ли это таких усилий?» (с. 1155).

Таким образом, по мнению К.Мюллера, очевидно, что классификация трансформирующихся стран по экономическим показателям представляется несовершенной и вводящей в заблуждение. «Данные об экономическом росте, стабилизации хозяйств и объемах частного сектора

— это необходимые, но не полные критерии состояния трансформации. Многие сюрпризы последних лет наглядно демонстрируют, что экономические индикаторы являются недолговечными для того, чтобы сформулировать теоретически весомые утверждения о траектории восточноевропейской трансформации. Связанные с ней надежды напоминают фатальным образом об одностороннем взгляде на экономический рост плановой экономики и вытекающую из этого переоценку ее стабильности» (с. 1155).

II. Главенство институтов

Сторонникам либеральной стратегии было известно, что общественная трансформация является в высшей степени комплексным процессом, который отражается во многих измерениях. Рыночные реформы представлялись быстро доступным средством перемен, но не совпадающим с переходом к новой политической системе и изменением структуры общественных классов. Институты рынка и частной собственности насажались как стимулирующие факторы рыночной политики.

Однако быстрое введение рыночных отношений преследовало, прежде всего, политическую направленность: дезорганизовать сконцентрированные в плановых министерствах группы по интересам и обеспечить смену власти. Предполагалось, что с оттеснением государственного сектора реформаторская инициатива перейдет от бюрократии к самостоятельному предпринимательскому классу, по ходу реформ будет уменьшаться коррупция. «Эйфория первого часа» должна была стать своего рода политическим опаравданием для изначально болезненной смены курса.

Осознание глубокого кризиса и ожидание последующих улучшений должно было помочь восприятию радикальных мер населением. Исходя из этого предполагалось, что постсоциалистическому формированию классов будут способствовать рост интереса населения к вновь приобретенной собственности, особенно в частном секторе, многоукладность экономики, а также дерегулирование рынков труда.

Излишняя вера в политические и социальные последствия рыночных реформ послужила причиной «слепоты» в оценке тех внеэкономических факторов, которые играли значительную роль в успехе реформ. Безнадёжное состояние экономики в восточноевропейских странах нельзя интерпретировать как следствие теоретической наивности. Скорее,

это был результат авантюры, направленной на дискредитацию государственных и социально интегрирующих институтов. Вместо формулирования новых позитивных политических задач политике отводилась лишь негативная роль: вытеснение государства из общественной жизни (с. 1156).

Провозглашенная как первоочередная цель приватизация государственных предприятий не помогла достичь ни разгрузки общественного сектора, ни эффективной реструктуризации предприятий. Независимо от избранного пути приватизация и маркетизация, «орыночничество» во всех реформирующихся странах создали смешанную экономику, в реструктуризации и финансировании которой возрастающую роль играет политика. Экономическая перестройка в узком смысле слова требует институциональных инноваций, которые должны привести к реформе социальной политики, правовой системы и образования. В этом смысле за последние годы произошла некая смена перспективы. Теперь решающим критерием успешных реформ считается консолидация институтов, которая снижает неуверенность, стабилизирует ожидания, кодифицирует обязанности. Уже было доказано эмпирическим путем, что экономические успехи посткоммунистических стран тесно зависят от степени институциональной надежности, политической стабильности, правовой обеспеченности и борьбы с коррупцией.

Первопричиной некоторой переориентации в трансформационных исследованиях послужили разногласия в международных финансовых институтах. В частности, представители Всемирного банка допускали, что выбор ошибочных моделей рынка и неверная оценка политических процессов в переходных странах послужили виной разочаровывающего хода трансформации. «Либерализация оборота капитала без недостающих регулирующих его институтов привела в России к массовому бегству капитала, а в Центральной Европе провоцировала спекулятивные атаки, нарушение баланса мощностей и валютный кризис» (с. 1157). Обнаружились негативные последствия приватизации, особенно в России, где так называемая массовая приватизация привела к передаче собственности в руки управляющих и банкиров, которые имели тесные связи с влиятельными политическими чиновниками. Хотя создание рыночной экономики должно было рассматриваться как средство достижения других целей — улучшения жизненных стандартов и демократического развития.

«Многие критические процессы в Восточной Европе можно было вполне предвосхитить, если бы в политике реформ принималась во вни-

мание специфическая предыстория трансформации и вытекающая отсюда институциональная слабость посткоммунистической политики. Многих теоретически ошибочных оценок можно было избежать, если бы использовался региональный исследовательский подход или учитывалось историческое наследие региона» (с. 1157).

Не меньшее значение для успешной трансформации имеют демократические институциональные изменения в политической сфере. Как показывает практика, в регионе переходных стран успешные шаги по либерализации коррелируются позитивным образом с открытостью политической системы. Но успешная реализация реформ больше зависит от локальной инициативы и участия общественных институтов, чем это допускает технократическая выработка политики. Вот почему в последние годы произошел своеобразный поворот — возврат к перспективе, которая обсуждается под девизом «за реформы второго поколения». Демократия участия больше подходит как метаинститут для того, чтобы сделать общество более стабильным, предсказуемым и способным справиться с шоком от экономических мер без ущерба для задуманных реформ в целом. Одновременно это требует более глубокого учета исторических и культурных особенностей региона, чем это свойственно универсалистскому рыночному подходу.

Процесс консолидации новой демократии имеет много измерений, в отличие от рыночной экономики, которая определяет права собственности. С этой точки зрения было заблуждением предполагать, что после 1989 г. «либеральная демократия» будет единственно значимой формой правления. Процедурные критерии проведения выборов не дают полной картины политических отношений в посткоммунистических государствах. Если иметь в виду разные уровни принятия демократических решений, то понятие консолидации требует более широкого рассмотрения. «Наряду с учреждением и укреплением центральных конституционных органов и политических институтов она зависит от степени представительства политики и от соблюдения правил поведения со стороны важнейших акторов. Взаимопроникновение “институциональной”, “представительной” и “поведенческой” консолидации зависит не в последнюю очередь от консолидации политической культуры. Под влиянием этих факторов открываются разные пути посткоммунистического развития: «наряду с идеальным случаем консолидированной демократии по западному образцу существует опасность возврата в авторитарный режим (как мы наблюдаем в Центральной Азии и Белоруссии), застоя в смешанной форме демократических и авторитарных политических образцов (Болгария и

Румыния) и возможность продолжительной не консолидированной демократии (Россия и Украина)» (с. 1160). В последних странах полномочия принятия решений сконцентрированы в руках президентов, которые могут не считаться с парламентским большинством и группами общественных интересов.

О значении институциональных факторов для консолидации рыночных и демократических отношений свидетельствует используемый в политологии индекс «Freedom House». В соответствии с ним посткоммунистические фазы развития можно классифицировать по ряду индикаторов. В их числе независимость СМИ, объем фактической власти правительства, укрепление правового государства (включая статус этнических меньшинств), подверженность коррупции, транспарентность и регулирование способов приватизации, состояние народного хозяйства и предприятий. Исходя из этого страны Восточной Европы разделяются на три группы: консолидированной демократии, переходных обществ и консолидированной автократии (см. табл. 2).

Таблица 2

Типология посткоммунистических режимов по степени демократизации или экономической либерализации¹ (с. 1161)

Страны	Консолидированные демократии					
	Политика			Экономика		
	1997	1998	1990–2000	1997	1998	1999–2000
Чехия	1,38	1,50	1,75	1,88	2,00	1,92
Эстония	2,00	2,05	2,06	2,13	2,00	1,92
Венгрия	1,44	1,50	1,75	1,63	1,67	1,75
Латвия	2,06	2,15	2,00	2,50	2,50	2,50
Литва	2,06	1,95	2,0	2,50	2,58	2,83
Польша	1,44	1,45	1,44	2,00	1,92	1,67
Словакия	3,81	3,65	2,50	3,38	3,58	3,25
Словения	1,88	1,95	1,94	2,38	2,17	2,08

¹ Для измерения используется шкала от 1 до 7, где показателем 1 оценивается высшая степень демократизации и либерализации.

Продолжение табл. 2

Переходные правительства						
Страны	Политика			Экономика		
	1997	1998	1990– 2000	1997	1998	1999– 2000
Албания	4,50	4,75	4,38	4,00	4,50	4,50
Болгария	3,81	3,55	3,31	5,38	4,08	3,75
Хорватия	4,25	4,25	4,19	3,88	3,83	3,67
Грузия	4,75	4,55	4,00	4,13	4,00	3,67
Казахстан	5,25	5,35	5,38	4,38	4,50	4,50
Киргизия	4,75	4,70	4,88	3,75	3,75	3,83
Македония	3,88	3,95	3,44	4,50	4,67	4,58
Молдавия	3,81	4,00	3,88	4,00	4,17	4,00
Румыния	3,88	3,85	3,19	4,63	4,50	4,17
Россия	3,75	4,10	4,25	3,50	3,92	4,33
Украина	3,88	4,25	4,31	4,25	4,75	4,58
Таджикистан	6,00	5,95	5,09	6,13	6,00	6,00

Консолидированные автократии						
Страны	Политика			Экономика		
	1997	1998	1990– 2000	1997	1998	1999– 2000
Беларусь	5,88	6,20	6,44	6,00	6,25	6,25
Туркмения	6,94	6,90	6,94	6,38	6,42	6,42
Узбекистан	6,44	6,40	6,44	6,25	6,25	6,25

Используя приведенную типологию, необходимо учитывать соотношение таких факторов, как: 1) глубина советизации и связи с советской империей; 2) политические и экономические решения последнего десятилетия; 3) вовлеченность страны в международные экономические, дипломатические и военные отношения. Близость этих факторов к географическим критериям позволяет говорить о политической географии восточноевропейской трансформации.

III. Переход, трансформация и европеизация

Узловой проблемой посткоммунистического развития является установление институционального порядка, который мог бы сделать способными дезинтегрированные общества Восточной Европы развиваться дальше. «В этом отношении “переход” (transition) является слишком слабым определением; он лишь подчеркивает направление, которое можно приложить к различным шкалам либерализации и демократизации: переход от авторитарной системы к “чему-то иному”, как это называлось в политологических исследованиях о переходном периоде» (с. 1162).

Если исходить из социологического подхода, то нужен дополнительный критерий для того, чтобы характеризовать успешную трансформацию. Здесь возможно использовать характеристику МВФ о переходных странах как специфической группы. «Но почему мы чувствуем интуитивное несогласие с тем, чтобы поставить Чехию и Венгрию на одну ступень с Тринидадом и Габоном? Потому что считаем, что социалистические общества уже были современными обществами, в которых воплотились многочисленные институты, атрибуты и даже ценностные представления модерна. Несмотря на все кризисы, мы предполагаем, что они могли трансформироваться в связанную институциональную систему, которая могла быть совместима с базисными институтами западно-европейского демократического капитализма» (с. 1162).

При таком подходе на переход к рыночной экономике и демократии выглядит нормативным, поскольку речь идет не о насаждении извне неких норм, а об «ожидаемом горизонте». «Возвращение в Европу» было духовным содержанием перелома в 1989 г., которое могло быть действенным не только как историческая идея, но и как стабилизирующая политическая среда трансформации. С точки зрения социологической теории, «европеизацию» можно понимать, по выражению К.Мюллера, как культурное кодирование¹ трансформации.

¹ Под кодированием понимаются символы и символические традиции, с помощью которых общество в ходе трансформации пытается преодолеть неизбежно возникающие кризисы и разрушения.

Такое понимание позволяет рассматривать в качестве критерия успешной трансформации «европеизацию» Восточной Европы — т.е. переход в пространство политической географии ЕС. Это дает возможность избежать двух распространенных ложных толкований. Во-первых, «европеизация» не является «возвращением». Она является шансом для разрыва с националистической идеологией, решения проблемы национальных меньшинств и пограничных споров довоенной Центральной Европы. Сегодня Восточная Европа может влиться в русло транснациональных процессов в рамках европейской интеграции. Во-вторых, «европеизация» — это не просто вопрос менталитета или политической культуры. Социологи всегда относились скептически к объяснению социальных процессов, исходя из «привычек и обычаев людей». Европеизация подразумевает жесткие меры институционального, правового и экономического принуждения к приспособлению, которое глубоко вторгается в суверенитет реформирующихся государств.

«С точки зрения социологии, эта взаимосвязанная программа трансферта европейской институциональной системы в восточноевропейские страны имеет более дальний радиус действия, чем обнадеживающие экономические преимущества расширенного рынка» (с. 1163).

Страны-кандидаты Центральной и Восточной Европы имеют историческую возможность и должны совместить процесс создания институциональной системы с практикой регулирования, существующей в ЕС. Речь идет не только об экономической стабильности, структурных реформах и дееспособном рынке, но и о критериях использования и охраны окружающей среды, региональном объединении и конкурентоспособности на мировых рынках.

Принадлежность к Европе долгое время была формулой дистанцирования от Советского Союза и стала лучшей гарантией от возвращения в авторитаризм. «Европейская общественная модель» — центральный элемент переговоров ЕС с кандидатами на вступление может служить мостом для перехода к эгалитарной структуре ценностей и универсалистской социальной системе.

Польша, которая является самым успешным трансформирующим обществом как по степени демократизации, так и экономической либерализации, не случайно сохраняет высшую степень равенства доходов. На основе проведенных исследований МФВ пришел к весьма неожиданному выводу: успех Польши базируется именно на том, что там ценности равенства и социальной интеграции ставятся выше дисциплины испол-

нения бюджета. Вопреки либералистической догме это произошло не за счет реструктуризации. Польша, как и Венгрия, имеет наивысшие результаты производительности труда в промышленности. Это контрастирует с положением в России, где передел собственности обострил неравенство в распределении доходов, а государство было не в состоянии выплачивать своим работникам зарплату.

Такие страны как Россия и Украина, являющие ярко выраженную динамику неравенства, по крайней мере вышли на путь динамического роста. После первой волны приватизации образовались картели по интересам, которые противодействуют нормальной рыночной экономике. Но значительное неравенство является препятствием для накопления капитала в руках широкого среднего класса, в то время как обедневшие слои не проявляют вообще никакого интереса к дальнейшей либерализации. По мнению автора, здесь как раз и проходит рубеж трансформации, который отделяет успешные центральноевропейские страны от России и бывших советских республик. Даже при возможности нового сценария радикальной реформаторской политики институциональная реконструкция российского общества придется на далекое будущее. «Надежда на то, что исторически глубоко коренящаяся амбивалентность России по отношению к Западу, и следовательно к Европе, продуктивно используется во второй русской революции 1991 г., на деле оказалась мимолетной иллюзией. Это было скорее поверхностное заимствование западного дискурса реформ узким слоем сомнительно легитимированной элиты — ситуация, которую мы уже наблюдали в третьем мире, включая цинизм по отношению к собственному населению. В действительности разрекламированная “уникальность” российской ситуации в прошедшие годы использовалась националистическими, центристскими и коммунистическими силами для того, чтобы вызвать неприятие слишком настойчивых требований Запада осуществлять реформы» (с. 1165). Причины провалившейся трансформации России коренятся в ошибочных реформаторских экспериментах перестройки. Провозглашенные Горбачевым радикальные реформы имели радикальную антиинституциональную стратегию, приведшую к разрушению структуры министерств и самоорганизации вновь созданных рынков. В этом смысле «шоковую терапию» можно считать не столько следствием диктата международных финансовых институтов, сколько результатом утопического представления о переходе от плановой к рыночной экономике за 500 дней.

Ельцинская стратегия захвата власти привела к подрыву старого советского федерализма. Специфический характер выборов на республиканском уровне создал конкурирующее поле политической легитимности и привел к распаду единой государственной территории. Но так и не был найден ответ на вызов дезинтеграционных процессов. Попытки преодолеть глубокий кризис ценностей российского общества в поисках «русской идеи» показали, что она не содержит дееспособного культурного кода, который мог бы послужить практическим программным руководством для создания взаимосвязанной институциональной системы.

Шансы для новой попытки российской трансформации рухнули. Администрация Путина в первый год своего правления «посылала в высшей степени амбивалентные сигналы». В частности, новая ориентация постсоветской внешней политики говорит о том, что Россия могла бы скорее отстаивать собственную центристскую позицию, чем ориентированную на Европу. В области внутренней политики наблюдается последовательность в поисках идентификационной символики. В декабре 1999 г. Путин подтвердил необходимость поиска «новой русской идеи», способной привести к идеологическому, духовному и моральному обновлению. «При этом на первом плане должна быть не ориентация на Европу, а особенность России, главным образом наличие сильного государства как гаранта порядка и социальной реорганизации» (с. 1167).

В целом можно сделать вывод, что современная политика России переживает характерный для русской истории очередной цикл рецентрализации политических и фискальных ресурсов государства.

Л.Н.Шанишева

Д.ШМИГУЛА
ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЕВРОПА И ОБЩИЕ ИНТЕРЕСЫ ЕЕ НАРОДОВ

D.ŠMIHULA
Stredná Európa a spoločné záujmy jej národov // Mezinárodné vzťahy. —
Pr., 2002. — N 4. — S. 62–77.

Словацкий публицист Даниел Шмигула критически оценивает различные концепции, рассматривающие понятие «Центральная Европа». Он считает, что оно возникло в начале XIX в. вследствие непонимания того, что различия между европейскими странами, цивилизация которых опиралась на традиции христианства в его западном варианте (католицизм, протестантизм), обуславливались отставанием внутриконтинентальной Европы в социально-экономическом развитии от стран, расположенных на европейском атлантическом побережье. Д.Шмигула не исключает также, что появление концепции Центральной Европы явилось определенным выражением фрустрации немецких и славянских интеллектуалов, их стремления отыскать в австрославизме, федерализме или немецком «центрально-европействе» объективное оправдание для своих народов, не сумевших составить достойную конкуренцию англичанам и французам.

Термины «Западная» и «Центральная Европа» представляются автору не вполне подходящими для определения центральноевропейского феномена, поскольку выделяют его географическую характеристику, тогда как существо проблемы лежит в социально-экономической сфере.

«Проблема поиска определения для Центральной Европы решается отказом от взгляда на нее как на статичную неизменную величину. Центральная Европа не существует как самостоятельное и, главное, не-

изменное целое» (с. 68). Концепция Центральной Европы возникла в XIX в. как реакция на то, что восточные территории европейской христианской цивилизации западного типа очевидно отставали в общественном и промышленном развитии от Англии и Франции.

Автор считает, что восточная граница Центральной Европы совпадает с восточной границей европейской цивилизации западно-христианского типа, а западная — с восточной границей группы стран, которые он, используя критерий уровня социальной и экономической жизни, относит к Западной Европе.

С того времени, когда впервые появился термин «Центральная Европа», само понятие Центральная Европа неоднократно меняло свои границы. Эти изменения обуславливались распространением вглубь европейского континента «западноевропейских» черт развития: относительного благосостояния, индивидуализма, демократизма и правового государства. Постепенно частью Западной Европы (в цивилизационном, а не географическом смысле) становились Германия, скандинавские страны, Италия, Испания, Португалия, частично Греция. В настоящее время наступила очередь государств, расположенных в центральной части европейского континента и имевших недавнее общее социалистическое прошлое.

Центральная Европа, в представлении автора, является своего рода «залом ожидания» перед вступлением в Западную Европу, а не альтернативой цивилизационного развития. Ее культурные особенности имеют скорее фольклорный характер (с. 69). В перспективе, предполагает автор, и Румыния, и Украина, и Болгария станут позиционировать себя как центральноевропейские страны. «Никто не хочет быть Балканами или Восточной Европой. Эти названия несут на себе отпечаток пренебрежительного отношения, и тот факт, что народы, населяющие эти территории, от них отказываются, означает, что и они не желают выступать как определенная цивилизационная альтернатива «Западной» Европе. Наоборот, они с радостью стали бы ее частью... Даже русские говорят о себе как о Евразии, а не как о Восточной Европе...» (с. 69).

В перспективе, по мнению Д.Шмигулы, восточная граница Западной Европы совпадет с восточной границей цивилизации христианства по западному образцу. Европейский континент обретет свое социально-экономическое единство (за исключением Восточной Европы и Балкан). И Центральная Европа в определении, данном выше, исчезнет. Однако западноевропейская цивилизация (или субцивилизация) имеет очень вы-

сокую степень атрактивности, и весьма правдоподобно, предполагает автор, что «восточная граница европейской христианской цивилизации западного типа не будет непреступным рубежом. Нынешние религиозные барьеры перестанут существовать. Об этом свидетельствует упорное стремление балканских стран и Украины (последней с некоторыми колебаниями) стать в ряды государств Центральной Европы. Предположительно, функция восточного преддверия новой Западной Европы (которая будет включать в себя Польшу, Словакию и т.п.) перейдет к Румынии, Украине и Белоруссии. Возможно этот регион будут называть не Центральной, а Центральновосточная Европа. Однако эта проблема станет актуальной скорее всего после 2020 года» (с. 69).

Для автора Центральная Европа первой декады XXI в. включает Хорватию, Словению, Венгрию, Словакию, Чехию и Польшу. Из прибалтийских государств он относит к этой группе только Литву, поскольку Латвия и Эстония в большей степени ориентированы на скандинавский регион и имеют весьма специфические проблемы с русским национальным меньшинством. На общность интересов центральноевропейских стран не влияют ни размеры, ни достигнутый уровень экономического развития, ни успехи в трансформации, ни партийно-политическая ориентированность правительств этих стран. И в начале XXI в. проявляются они, по мнению автора, в следующих областях.

— Создание и сохранение такого *политического порядка и системы безопасности* в Европе, которые бы обеспечивали достойное существование для малых и средних государств.

— Сохранение *мирных бесконфликтных межгосударственных* отношений в Центральной Европе, включая совместное участие в решении конфликтов в бывшей Югославии и Молдавии.

— Принятие превентивных мер, направленных на *недопущение внутригосударственных этнических конфликтов*. Современные государства Центральной Европы, за исключением Словакии, представляют собой гомогенные этнические образования. Только в Словакии существует значительное венгерское меньшинство, однако при всех противоречиях и венгры, и словаки (включая словацкое правительство) должны стремиться к недопущению конфликтов (с. 70). Тем не менее проблема бесконфликтного этнического внутригосударственного развития не выглядит окончательно решенной, поскольку в соседних центральноевропейских государствах наблюдаются процессы самоидентификации отдельных этнических групп, например, боснийских мусульман в качестве

современного народа. Теоретически нельзя исключать такие же процессы среди русинов, мораван, кашубов, польских немцев и цыган. Проблема цыганской этнической группы может стать общей для ряда государств Центральной Европы (Чехии, Словакии, Венгрии). «Эта проблема имеет два измерения. С одной стороны, наблюдаются процессы этнической эмансипации и возникновения устойчивого национального меньшинства со своими языковыми, культурными и политическими требованиями. С другой — может возникнуть серьезная угроза неконтролируемого роста неквалифицированной, неадаптированной, полностью зависящей от социальной помощи государства группы, антропологически и культурно отличающейся от основного населения... Учитывая мобильность цыган, эту проблему невозможно решить без взаимного межгосударственного сотрудничества» (с. 70).

— Общие интересы в завершении *социально-экономической трансформации*.

— *Вступление в ЕС и НАТО.*

— Пробуждение совместными усилиями *интереса Западной Европы к Центральной*. У рядового западноевропейца нет очевидных доводов в пользу вступления государств Центральной Европы в евроатлантическое сообщество. Скорее наоборот, этот процесс воспринимается как угроза для сфер занятости и финансов стран ЕС. Для многих британцев и французов их бывшие колонии привлекательнее и интереснее, чем, например, Польша или Хорватия.

— Совместная дипломатическая деятельность и сотрудничество в рамках международных организаций, направленные на *повышение престижа всего региона* в целом.

— Дальнейшее *расширение западноевропейских структур на восток*, за пределы нынешних государств Центральной Европы.

— Создание *единой транспортной сети*, включая транспортировку нефти и газа из зоны СНГ в Западную Европу.

— Более *тесное экономическое сотрудничество* (также входящее в сферу центральноевропейских интересов, однако наталкивающееся на конкуренцию и борьбу за получение зарубежных инвестиций).

— Обеспечение *доступа к мировым источникам сырья* и преодоление препятствий для их экспорта.

— *Модернизация технологий и производства.*

— *Борьба с организованной преступностью.*

— *Противостояние военной угрозе*, которая может прийти с востока в том случае, если в России у власти окажутся радикально-империалистические силы, а ее экономический и военный потенциал стремительно возрастет, или с юга, от недемократических государств третьего мира, получивших доступ к оружию массового уничтожения. НАТО и государства Западной Европы помогут противостоять этим угрозам. В то же время, как показала война в Югославии, НАТО не ограничивается одними оборонительными функциями по отношению к малым государствам, если последние не удовлетворяют его целям и принципам.

— *Отказ от удовлетворения возможных немецких и австрийских претензий* в вопросах о признании незаконным переселения судетских, восточнопруссских немцев, реституции их имущества.

— *Решение экологических проблем.*

Автор считает, что ни в XIX, ни в XX вв. центральноевропейские народы не могли достичь единства интересов. Их государственно-правовое положение, представления политических лидеров о роли и месте собственных народов создавали препятствия для равноправного сотрудничества. «Особенно трагическую роль играли немецкий шовинизм, венгерский и польский «мини-империализм» (частично чешский и сербский). Германия и СССР, будучи сверхдержавами, деструктивно влияли на ситуацию в Центральной Европе, навязывая ее народам свои представления о международном и внутригосударственном устройстве. В настоящее время, когда все центральноевропейские народы имеют собственную государственность и рассматривают друг друга как равноценных партнеров, достижение общности интересов и единства действий становится реальным» (с. 72).

Однако не следует переоценивать возможности центральноевропейского объединения, считает Д.Шмигула. Отсутствует также ярко выраженное чувство центральноевропейской идентичности, которое могло бы стать основой для тесной интеграции, понимаемой иначе, нежели подготовка к вступлению в ЕС или НАТО. Собственные интересы значат гораздо больше, чем взаимная солидарность, и каждое государство использует индивидуальный шанс, чтобы опередить остальных. Тем не менее реальность начала XXI в. состоит в том, что интересы государств Центральной Европы выходят за ее рамки. Литва, например, ориентирована на скандинавские страны, и с Центральной Европой ее связывают лишь отношения с Польшей. Словения и Хорватия, помимо центральноевропейских контактов, широко сотрудничают с Австрией, Ита-

лией, Боснией, с другими государствами балканско-средиземноморского региона. Польша традиционно позиционирует себя в рамках центрально-европейского сотрудничества как «первое государство среди равных». В Словакии центральноевропейство никогда не пользовалось широкой популярностью, поскольку рассматривалось как модель бывшей австро-венгерской монархии, в которой Словакия не имела самостоятельности. Однако после 1995 г. словацкая дипломатия с большим вниманием стала относиться к центральноевропейскому сотрудничеству, тем более, что Словакия заинтересована в нем сильнее, чем ее соседи. В Чехии в последнее десятилетие можно выделить два подхода к центральноевропейскому сотрудничеству. Один представлен интеллектуалами-диссидентами и социал-демократами, которые в духе чешско-моравской традиции весьма высоко его оценивают. Другой выражал В.Клаус, отводивший ЧР роль солиста, который очень быстро покинет центральноевропейскую сцену и, опираясь на давние связи с Германией и Австрией, волеется в ряды успешных западных стран. Д.Шмигула считает, что первыми завершат трансформацию и станут полноправной составной частью Западной Европы Венгрия и Словения.

Заключает статью вывод автора о необходимости тесного сотрудничества стран Центральной Европы, целью которого является исчезновение самой Центральной Европы в том смысле, который вкладывали в это понятие в XIX и XX вв. Преодолев свое отставание от Западной Европы, Центральная Европа во второй половине XXI в. перестанет быть социально-экономическим и политическим понятием, став культурным феноменом или формой регионального сотрудничества.

Ю.А.Щербакова

МОДЕРНИЗАЦИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ В ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ (Сводный реферат)

1. The case of Germany: Transformation through unification / ZAPF W., HABICH R., BULMANH T., DELHEY J. // Sisyphus. – 2001. – Vol. 15. – P. 11–38.

2. The case of Hungary: the outlines of the transformation in Hungary / SPÉDER Z., ELEKE Z., HARCSA I., RÓBERT P. // Sisyphus. – 2001. – Vol. 15. – P. 39–70.

3. GRESKOVITS B., BOHLE D. Development paths on Europe's periphery: Hungary's and Poland's return to Europe compared // Pol. sociol. rev. – W-wa, 2001. – № 1. – P. 3–27.

Интересная дискуссия развернулась на страницах польского журнала «Сизифус», специальный выпуск которого был посвящен итогам конференции, состоявшейся в Чешской Академии наук в Праге в мае 2001 г.

Социологическая конференция затрагивала вопросы постсоциалистической трансформации и модернизации в странах Европы. Своеобразие этой конференции заключалось в том, что все ее участники должны были заранее подготовить так называемые «национальные отчеты», т.е. синтез эмпирических данных, указывающих на различные пути постсоциалистической трансформации в определенной стране. Перед началом конференции «отчеты» были распространены между участниками конференции, что дало им возможность оценить динамическую картину основных процессов трансформации в Европе и провести сравнительный анализ этих изменений, а также критически оценить возможности теории модернизации на основе конкретных эмпирических данных.

Авторы статьи «Дело Германии: трансформация на фоне объединения» В.Цапф, Р.Хабич, Т.Бульман и Ж.Делфи были участниками данной конференции. Авторы полагают, что трансформация в Восточной Германии является особым случаем трансформационных изменений, поскольку этот процесс был инициирован объединением восточной и западной частей Германии.

Эмпирический анализ был проведен на основании собственных социологических исследований авторов: «Исследование уровня благосостояния в Германии» (последнее исследование было проведено в 1998 г.), «Евромодуль» (1999) и ряд других. Авторы также использовали данные сравнительного исследования «Барометр новых демократий» и проекта «Германское социоэкономическое панельное исследование».

Модернизация, по мнению авторов, связана с ростом благосостояния и изменениями, происходящими в социальной структуре. Социальную структуру авторы рассматривают на разных уровнях. На базовом уровне она представляет собой демографическую структуру населения, ранжированную согласно обладанию таким капиталом, как служебное положение, доход, престиж, власть. На втором уровне социальная структура может быть в целом определена как система социальных классов и страт. Третий и наиболее сложный уровень социальной структуры может быть понят как система политических, экономических и культурных институтов, с учетом классических проблем напряженности и конфликтов, реформ и инноваций, системной и социальной интеграции.

Данное исследование основывается на простейшей модели современного общества, которое включает в себя четыре базовых института: конкурентную демократию, рыночную экономику, государство всеобщего благоденствия и массовую коммуникацию. «Модернизация определяется как развитие этих базовых институтов и решение их насущных проблем посредством реформ и инноваций» (с. 12).

Теория модернизации прежде всего рассматривает радикальные долгосрочные изменения, которые должны обладать определенной направленностью. Чтобы решить некоторые проблемы теории модернизации, связанные с анализом и объяснением неравномерности и нелинейности процесса модернизации, взлетов и падений на пути развития, периодов стагнации и т.п., необходимо использовать инновационное исследование. «Новый модернизационный анализ» может тогда иметь следующий вид. Модернизацию можно понимать как действие индивидуальных и коллективных акторов, которые намерены изменить или улуч-

шить свое положение. Общества, как группы акторов, ищут новые пути развития, которые соответствуют их целям и ценностям, с учетом пространственно-временных ограничений и доступности необходимых ресурсов. Модернизация не является гомогенным процессом системной трансформации, но представляет собой борьбу ее защитников и противников и реакцию на нее свидетелей этой борьбы. Хотя просвещение и наука представляют основные инструменты модернизации, нельзя упускать из виду и влияние религии как источника легитимации и устойчивости данного процесса. Рост благосостояния является главным критерием модернизации. Центры модерна изменились с ходом истории, и среди них появились новые. Модернизация не является равномерным непрерывным процессом.

Модернизация обычно рассматривается в трех временных перспективах. «Во-первых, под модернизацией можно понимать вековой процесс, начиная с промышленной революции, когда сформировалась небольшая группа современных обществ модерна; во-вторых, разнообразные процессы догоняющего развития в менее развитых или развивающихся обществах; в-третьих, попытки самих модернизированных обществ поддерживать развитие и справляться с новыми проблемами посредством реформ и инноваций» (с. 13).

Трансформация представляет собой особый тип изменений, связанных со второй группой модернизационных процессов, проходящих в уже индустриализованных и урбанизованных обществах. Трансформация заключается в переходе от диктатуры и авторитарной системы к демократии, от командной и плановой экономики к рыночной.

Авторы выделяют четыре группы обществ, в которых за последние десятилетия проходили трансформационные изменения. К первой группе относятся Западная Германия, Япония и Италия после 1945 г. В этих странах переход к демократии и рыночной экономике осуществлялся под опекой, то есть под руководством и при материальной поддержке победивших стран. Ко второй группе авторы относят Испанию, Португалию и Грецию после 1974 г. В данном случае переход проходил за счет достижения компромисса между старыми и новыми элитами, такую трансформацию можно назвать «переходом по договору». Особым образом происходила трансформация в Латинской Америке, которая выделяется авторами в третью группу. Трансформация в этом обществе не всегда шла успешно, часто сталкивалась с проблемами, которые приводили к регрессивным процессам. В какой-то мере переход здесь осуществлялся

тоже посредством договора. Часть государств Южной Азии составляют четвертую группу. Страны этого региона продемонстрировали, что в условиях мировой капиталистической системы возможно самостоятельное развитие, не нуждающееся во внешней поддержке.

Кроме трансформации в сторону демократии и рыночной экономики, в мире существует лишь два других пути: «социалистическая рыночная экономика» в КНР и пример стран исламского фундаментализма.

Трансформация обществ Восточной Европы, по сравнению с перечисленными видами трансформационных процессов, обладает определенными особенностями. Всю сложность процесса трансформации стран этого региона можно оценить на примере Восточной Германии. С одной стороны, бывшее социалистическое государство получило значительную поддержку со стороны Запада. С другой стороны, оно столкнулось с трудностями из-за разрушения привычных социальных связей, массовых статусных потерь на рынке труда и в социальной иерархии, формирования негативных настроений беспомощности и бессилия по причине того, что помощь носила внешний характер, и общество испытывало дефицит местных элит нового типа.

Политические деятели 90-х годов в Восточной и Западной Германии рассматривали трансформацию, происходившую в Восточной Германии, как явно выраженный процесс догоняющей модернизации, как полную адаптацию в этой стране социальных институтов Западной Германии. Р.Роуз назвал этот феномен «готовым государством», подчеркивая двойственность протекающего процесса, поскольку со стороны Западной Германии предлагался готовый вариант социального порядка, а влияние Восточной Германии на данное социальное устройство было в значительной мере ограничено. Крах социалистической экономики стал шоком для жителей Восточной Германии. За период 1990—1992 гг. на треть сократилось количество рабочих мест, некоторые отрасли промышленности и многие налаженные сети торговых и экономических обменов прекратили свое существование. Реакция населения отразилась в демографических изменениях: падении рождаемости и количества заключаемых браков, а также в росте миграционных процессов с Востока на Запад.

За последние годы процесс миграции стабилизировался и остается на низком уровне, демографический кризис был преодолен, сокращение рабочих мест было приостановлено, хотя уровень безработицы в Восточной Германии все еще выше, чем в Западной. Индикаторы объективных

условий жизни и субъективного благополучия, предложенные авторами статьи, указывают на то, что в Восточной Германии произошли положительные изменения, однако все еще сохраняется разрыв с Западной Германией.

После 1990 г. в социальной структуре Восточной Германии обнаружались существенные перемены на рынке труда. Произошел переход от общества полной занятости к обществу, где структура занятости носит крайне текучий характер. В Западной Германии в социальной структуре за период с 1988 по 1998 гг. произошли иные изменения: вырос уровень женской занятости, сократив, соответственно, процент безработных и домохозяек. В Восточной Германии с 1990 по 1998 гг. доля квалифицированных рабочих на рынке труда сократилась на треть, тем не менее она осталась вдвое больше, чем в Западной Германии. Излишек белых воротничков в Восточной Германии сократился. В Западной Германии работающие по найму и государственные служащие преобладают среди занятого населения. В Восточной Германии структура занятости носит следующий характер: рабочие представлены, по преимуществу, мужским населением, служащими являются в основном женщины.

Объективные различия в трансформационных процессах в Восточной и Западной Германии сказываются и на субъективном самоощущении. Жители Восточной Германии оценивают свое положение ниже, чем население Западной Германии, по всем социальным позициям. С точки зрения социальной принадлежности, в 1998 г. большинство восточных немцев относили себя к рабочему классу, и только четверо из десяти респондентов считали себя представителями среднего класса. В Западной Германии, как в 1993, так и в 1998 г., только 29% опрошенных относили себя к рабочему классу, а большинство респондентов полагало, что принадлежит к среднему классу. Таким образом, если объективно в социальной структуре Восточной и Западной Германии наблюдается процесс сближения, то на уровне субъективных представлений о социальной стратификации все еще существуют значительные отличия.

На момент объединения неравенство в доходах населения в Восточной Германии было менее явно выражено, чем в Западной. Сейчас средний доход населения Восточной и Западной Германии на нижнем уровне почти совпадает, однако с ростом доходов растет разрыв в благосостоянии между жителями бывшей ГДР и ФРГ.

При анализе трансформации в Восточной Германии необходимо учитывать, какие преимущества и недостатки имел этот процесс. Авторы

называют три преимущества трансформационных изменений в Восточной Германии. «Во-первых, произошла быстрая модернизация инфраструктуры. Во-вторых, финансовая поддержка смогла смягчить экономические и социальные трудности, а индивидуальные условия жизни улучшились для большого сегмента населения. В-третьих, в восточно-германское общество удалось внедрить хорошо испытанные социальные институты. Таким образом, трансформация была более быстрой, масштабной и последовательной, чем в странах Центральной и Восточной Европы» (с. 25). Однако достоинства такой экзогенной трансформации породили недостатки, связанные с обострением экономических проблем. Кроме того, среди многих восточных немцев развилось ощущение колониальной зависимости от Западной Германии.

Несмотря на глубокий экономический кризис, уровень жизни в Восточной Германии за последние годы значительно повысился. Жители Восточной Германии оценивают свой уровень жизни ниже, чем уровень жизни в Западной Германии, но одинаково с Италией и Испанией, и много выше, чем в Венгрии и Польше.

Высокий коэффициент является одним из показателей переходных обществ. В самом начале трансформации в Восточной Германии этот коэффициент мобильности дохода был намного выше, чем в Западной Германии, но затем он значительно уменьшился. Если судить по данному показателю, то трансформационный процесс в Восточной Германии примерно в 1993 г. замедлился и приблизился к уровню Западной Германии.

Данные исследования «Барометр новых демократий», в ходе которого респондентам предлагалось сравнить функционирование нынешней и предыдущей политической (экономической) системы, помогают оценить системные изменения в трансформирующихся обществах. Согласно данному исследованию, Чехия, Восточная Германия, Польша и Словения посчитали произошедшие изменения успешными как в политическом, так и в экономическом аспектах. Венгрия, Россия, Белоруссия и Украина оценили экономические и политические перемены как двойную неудачу. Граждане Румынии, Хорватии, Болгарии и Словакии увидели в переменах с 1989 г. политический успех, но экономический провал.

Таким образом, сравнение с другими трансформирующимися странами показывает, что особый случай трансформации посредством объединения в Восточной Германии имеет больше преимуществ, чем недостатков.

При разработке сценария будущей модернизации в Восточной Германии необходимо учитывать ошибки прошлого. Чересчур оптимистические, так же как и чрезмерно пессимистические, предсказания будущего Восточной Германии, сделанные в 1990 г., не оправдались. Оптимисты пророчили Восточной Германии достижение уровня экономического благосостояния Западной Германии в течение нескольких лет. Пессимисты предрекали Восточной Германии участь «германской богдельни». На самом деле различия в уровне благосостояния Западной и Восточной Европы в начале 90-х годов были преодолены, но не полностью.

Согласно проводимому авторами статьи исследованию, в 1993 г. 48% восточных немцев ощутили повышение уровня жизни, в 1998 г. уже 59% сообщили об улучшении условий жизни. Большинство жителей Западной Германии рассматривали уровень жизни в 1993 и 1998 гг. как вполне стабильный. По шкале от 0 («полностью неудовлетворен») до 10 («полностью удовлетворен») жители Восточной Германии в 1998 г. в среднем оценили свой уровень удовлетворенности сложившимися условиями лишь на 0,4 пункта ниже, чем жители Западной Германии, в сравнении с 1993 г., когда разница составляла 0,8 пункта. Оценивая уровень благосостояния в Западной Германии, восточные немцы дают ему завышенные оценки, однако сходятся с западными немцами в определении желаемого уровня жизни.

Результаты изучения отношения к демократии и государству всеобщего благоденствия показывают, что жители Восточной Германии более негативно относятся к этим категориям, чем западные немцы. Восприятие жителей Восточной Германии жителями Западной не претерпело значительных изменений за период с 1991 по 1996 гг., однако восприятие западных немцев восточными стало значительно более негативным.

Таким образом, «различия объективного характера в уровне жизни почти исчезли; что касается субъективных представлений о благополучии, то нельзя отрицать наличие позитивных изменений несмотря на то, что существуют еще явные различия; однако восприятие и оценка единого общества пока во многом дивергентны» (с. 34).

Существуют различные сценарии будущего, предусматривающие полную интеграцию германского общества. Сроки в этих сценариях колеблются от 5 до 50 лет. Авторы предлагают два собственных сценария возможного развития: 1) если значительно сократится финансирование

восточной части со стороны западной, то в развитии первой произойдет стагнация; 2) если же финансовая помощь Западной Германии Восточной не прекратится, то для Восточной Германии, по крайней мере, сформируются необходимые условия для второй фазы экономической и социальной модернизации. Этот сценарий, как полагают авторы, является наиболее вероятным.

Авторы статьи «Дело Венгрии: контуры трансформации в Венгрии» З.Шпедер, С.Элекеш, И.Харча и П.Роберт также принимали участие в пражской конференции 2001 г.

Они постарались дать описание трансформационных процессов, произошедших в Венгрии за последние десять лет, в целом основываясь на теоретических представлениях Э.Аллардта о благосостоянии. Согласно теории Аллардта, индивидуальное благосостояние складывается из трех основных компонентов: 1) «отношение обладания», т.е. степень доступности и обеспечения различными материальными благами; 2) «отношение любви», т.е. взаимодействие между индивидуумами и их социальное положение; 3) «отношение бытия», т.е. способность достижения индивидуальных целей в жизни.

Основное внимание авторы обращают на изменения в социальной структуре венгерского общества, которые вместе с переоценкой социальных статусов, появлением новых социальных ситуаций и новых структур неравенства привели к перестройке системы обладания ресурсами («отношения обладания») и переменам в качестве социального существования («отношения любви и бытия»).

Переход от распределительной экономики, основанной на государственной собственности, к смешанной экономике, базирующейся на частной собственности, от жесткой однопартийной системы к многопартийной демократии является предварительным условием всех новых взаимосвязей и направлений развития в венгерском обществе.

Рассматривая трансформирующуюся социальную структуру венгерского общества, авторы предлагают различать сообщества экономически активных и неактивных (например, безработных) граждан, поскольку в основе их формирования и развития заложены отличные друг от друга механизмы. Это особенно касается первой стадии трансформационных процессов.

Изменения в классовой структуре Венгрии были, прежде всего, связаны с результатами приватизации и ростом частного сектора, который стал основным классообразующим фактором в 90-е годы. До начала

трансформации (к концу 80-х годов XX в.) 70% венгерского населения работало в государственных компаниях и 16% — в кооперативах. К 2000 г. процент работающих в государственном секторе сократился до 36. Рыночные механизмы преобладают в промышленности, торговле и сфере услуг, тогда как большинство занятых в сфере образования, здравоохранения и управления принадлежит к государственному сектору. В венгерском обществе появился новый класс собственников. Предприниматели стали успешно работать еще с 80-х годов. В процессе трансформации бывшие служащие получили возможность стать частными предпринимателями, а мелкие частные предприятия — развиваться в более крупные.

«В 1990-е годы индустриализация и технический прогресс стали все меньше и меньше определять классовые отношения в Венгрии, все больше и больше эти отношения обуславливались развитием сферы услуг, которая, в широком смысле слова, включает в себя торговлю, транспорт, коммуникацию и телекоммуникацию, страхование, финансы, правовые и бизнес-услуги, образование, здравоохранение, государственное администрирование и различные частные виды услуг» (с. 44). Согласно переписи населения 1990 г., 47% работников по найму было занято в сфере услуг, в отличие от занятых на производстве (38%). Крах социалистической экономики в 90-е годы, прежде всего, затронул сферу производства и сельское хозяйство. По данным микропереписи 1996 г., 33% работающих по найму было занято в промышленности и строительстве и только 8% — в сельском хозяйстве, тогда как в сфере услуг было задействовано 59%.

Период трансформации в Венгрии связан также с формированием нового класса, так называемого «сервис-класса», включающего в себя менеджеров и работников интеллектуального труда. Понятие «сервис» в данном случае обозначает особый вид взаимоотношений между работодателем и подчиненным, построенных на взаимном доверии и ориентации на общие интересы. Служащие при таких условиях работы получают помимо зарплаты и другие виды гарантий и услуг, например страховку, компенсацию определенных расходов, машину, предоставленную компанией, и т.п. По данным мониторингового исследования, проведенного TÁRKI (Центр информатики по социальным исследованиям в Венгрии) в 2000 г., 16% служащих получили пенсионное страхование от своих работодателей, и каждый десятый служащий пользовался машиной, предоставленной компанией, или получал компенсацию за бензин.

Что касается среднего класса, то следует различать «традиционный средний класс», который состоит, в основном, из предпринимателей, и «новый средний класс», который включает в себя «белые воротнички», работников интеллектуального труда и менеджеров. В 90-е годы процент предпринимателей среди наемных работников вырос с 6 до 10. В формировании среднего класса венгерского общества большую роль сыграл бывший социальный статус его представителей. Многие предприниматели открыли свое дело в той же сфере деятельности, в которой они были задействованы ранее в качестве наемных работников. «Традиционный средний класс» в Венгрии находится в более выгодном положении по уровню заработка, чем «новый средний класс», причем менеджеры получают больше, чем работники интеллектуального труда, не занимающиеся управленческой деятельностью. Предприниматели и менеджеры отдают предпочтение материальным благам, тогда как работники интеллектуального труда — потреблению продуктов культурной деятельности.

В эру социализма различие, которое проводилось между «белыми» и «синими воротничками», имело политическую подоплеку, причем «синие воротнички» и их семьи получали больше привилегий. В развитых капиталистических обществах различия между «белыми» и «синими воротничками» сокращаются по таким параметрам, как риски, связанные с работой, ее безопасность, тяжесть труда, независимость работника и т.п. Хотя некоторые отличия все же сохраняются: от «белых воротничков» требуется большая квалификация, взамен они получают больше шансов продвижения по служебной лестнице. Изучая ситуацию в Венгрии на основе данных эмпирического анализа, авторы выделили две группы доходов: «личный доход» респондентов, который отражает личный потенциал представителей определенной страты, и «эквивалентный доход», который показывает уровень благосостояния отдельных социальных групп. Оказалось, что наиболее явные различия в уровне дохода наблюдаются между группой неквалифицированных, полуквалифицированных и сельскохозяйственных работников, с одной стороны, и остальными группами экономически активного населения — с другой. Значительных различий между квалифицированными работниками физического труда и офисными работниками нет, причем некоторые работники физического труда, занятые, например, в сфере торговли или услуг, находятся в лучшем положении, с точки зрения получаемых доходов, чем офисные работники. Таким образом, по уровню благосостояния группа

квалифицированных рабочих сближается с некоторой частью «белых воротничков», занятых рутинным трудом, в то время как рабочий класс «декалассифицируется».

Для изучения субъективной классовой идентификации авторы использовали данные, полученные в период с 1991 по 2000 гг. В начале 90-х годов каждый второй респондент идентифицировал себя с рабочим классом. К 2000 г. к этому классу себя относили 40% опрошенных, 28% причисляли себя к среднему классу. К нижнему среднему классу себя причисляли 22%. К «социальному дну» себя относят 8–9% опрошенных. В течение всего периода только 1–2% опрошенных заявили, что принадлежат к верхнему среднему и верхнему классу.

Авторы предлагают использовать методы социологического анализа Дюркгейма и Мертона для того, чтобы интерпретировать изменения и противоречия в венгерском обществе, вызванные процессом трансформации. Под трансформацией авторы понимают «полномасштабную, быструю и фундаментальную перестройку социальных институтов» (с. 52). Анализ трансформации на уровне ценностей показывает, что еще в социалистический период начал формироваться набор ценностей, характерный для индустриальных обществ модерна. В начале 90-х годов, по сравнению с 80-ми, выросла ценность богатства и безопасности. Если в конце 70-х — начале 80-х годов XX в. к наиболее важным целям жизни относили работу и признание в своем сообществе, то в период трансформации эти цели перестали быть столь значительными, в то же время возросла роль материальных ценностей и связанного с ними признания в обществе. Таким образом, происходит медленный процесс перестройки культурной системы венгерского общества. В начале периода трансформации люди ясно почувствовали перемены в культурной системе в сфере ценностей и норм, что вызвало ощущение неопределенности и нестабильности. Однако уровень неопределенности по отношению к новым нормам и ценностям постепенно уменьшился к середине 90-х годов.

Говоря о демографических изменениях в венгерском обществе, авторы отмечают резкое падение рождаемости в период трансформации, которое затронуло все бывшие социалистические страны. Можно дать несколько объяснений такому явлению. Согласно одному представлению, трансформация в Восточной Европе ускорила процесс принятия трансформирующимися обществами некоторых элементов западноевропейской демографической структуры. Другая точка зрения исходит из того, что некоторые соответствия в демографической структуре бывших

социалистических и западноевропейских стран имеют в своей основе разные причины. В странах бывшего социалистического лагеря современное состояние демографической структуры сложилось в результате экономического кризиса, падения уровня благосостояния, исчезновения гарантированной занятости и т.п. В Венгрии с 1992 г. наблюдалось постоянное и непрерывное падение рождаемости, которое стало наиболее очевидным в 1996 г. во время введения шоковой терапии. Незначительное улучшение этого процесса наметилось в 2000 г. В период с 1990 по 2000 гг. процент детей, рожденных вне брака, вырос с 5 до 30%, а возраст деторождения для женщин увеличился на 2,5 года. На эти изменения повлияли такие явления, как рост неуверенности в будущем, сложность поиска работы, увеличение ценности финансового успеха, особенно для молодых женщин, продление периода получения образования как с целью отсрочки принятия серьезных решений, так и для получения высокооплачиваемой работы, ухудшение экономических условий. Таким образом, у венгерской молодежи, живущей в трансформационный период, сформировалось иное отношение к браку и рождению детей, чем у младших поколений 70-х и 80-х годов XX в.

Согласно исследованиям Р.Андорки, еще до начала трансформации в венгерском обществе наблюдались кризисные явления в разных сферах социальной интеграции, которые и подготовили трансформационный процесс. До начала трансформации самыми типичными для Венгрии видами девиации были алкоголизм и самоубийство. В 90-е годы частота появления этих девиаций несколько уменьшилась по сравнению с 70-ми и 80-ми годами. В то же время внимание общественности сместилось в 90-е годы на иные проблемы, прежде всего, наркотики и преступность.

Изучая отношение к происходящим изменениям в венгерском обществе, авторы статьи используют данные целого ряда исследований: «Панельное исследование домохозяйств Венгрии» (1992–1997), «Евромодуль» (1999), Мониторинговое исследование TÁRKI. Хотя наблюдается высокий уровень удовлетворенности личными отношениями (в семье, с родственниками, с коллегами), респонденты выражают недовольство государственной политикой, в особенности в области экономики, многие недовольны своим финансовым положением. Несмотря на относительную стабильность показателей удовлетворенности за период с 1992 по 2000 гг., в 1999 и 2000 гг. наметились некоторые признаки улучшения ситуации по всем показателям.

Трансформация в постсоветских обществах связана с демократическими изменениями, однако часто в общественном сознании жителей этих стран формируется ошибочное представление о сути демократии. Так случилось и с Венгрией. Исследование представлений о демократии, проведенное в Венгрии в 1990—1991 гг., подтвердило этот факт. Венгерские респонденты полагают, что демократия «имеет много общего» с улучшением экономических условий (57%), социальным равенством (50%), уменьшением уровня безработицы (48%), государственным контролем над банками и ростом частного бизнеса (33%). Такое неверное понимание демократии в какой-то мере повлияло на растущее разочарование в происходящих изменениях.

Неудовлетворенность процессом трансформации в Венгрии связана и с тем, что негативный эффект потери безопасности был сильнее, чем позитивное влияние обретенной свободы. Другим источником неудовлетворенности можно назвать несоответствие ожиданий реальной ситуации. В исследовании «Евромодуль» респондентам предлагалось оценить свой реальный и идеальный (тот, которого они достойны) уровень жизни, а также уровень жизни друзей и родственников, используя лестницу с 11 ступенями. Средняя разница между реальным и идеальным положением составила 2,6 пункта, что подтверждает значительные различия между ожиданиями и реальными условиями.

Несмотря на наличие выигравших от процесса трансформации, далеко не все преуспевшие в этот период признают себя таковыми. Причиной этого служит то обстоятельство, что за относительно короткий период времени многие смогли пережить одновременно как взлеты, так и падения. Нисходящая мобильность, даже если этот процесс был недолгим, запомнилась лучше, чем восходящая, в которую верили только, если она продолжалась длительный период времени. Следовательно, можно говорить о некоторой недооценке объективной ситуации. Если внешне стране удалось адаптироваться к современным условиям, внутренняя адаптация населения Венгрии — дело будущего.

Статья «Пути развития на периферии Европы: сравнение особенностей возвращения в Европу Польши и Венгрии» продолжает анализ траекторий трансформации в странах бывшего социалистического лагеря. Авторы данной статьи Б.Грешковиц и Д.Боле из Университета Центральной Европы постарались дать сравнительную оценку экономическому и политическому развитию в Венгрии и Польше в 90-е годы XX в.

По мнению авторов, Венгрия и Польша не только превосходили в строительстве рыночной демократии большинство других стран Восточной Европы, но по некоторым аспектам политических и экономических институтов и их стабильности сравнивались со стандартами самых передовых западных рыночных демократий. Однако пути интеграции с Западом, выбранные Польшей и Венгрией, резко отличаются от уже хорошо известных.

Целый ряд факторов повлиял на особенности трансформационных процессов в Польше и Венгрии: благоприятное наследие социалистического режима, мирная политика трансформации и выбор политических стратегий, сделанный в 90-е годы.

К положительным характеристикам социалистического наследия в данных странах можно отнести: преемственность на уровне наций и государств, эксперименты с рыночным социализмом и политической либерализацией, проводимые в 80-е годы, которые легли в основу развития экономической и политической свободы, и относительно незначительные перекосы в унаследованных экономических структурах.

Если во многих других бывших социалистических странах существенные изменения институтов государственной власти становились постоянной помехой на пути экономической стабильности, то в Венгрии и Польше почти нетронутая трансформационными процессами бюрократия была способна стабилизировать сложившуюся ситуацию и проводить либеральные реформы. Менее сложным для Польши и Венгрии оказался и национальный вопрос.

По данным Всемирного банка, экономическая трансформация в Польше и Венгрии была менее резкой и радикальной, чем во многих других странах Восточной Европы. Изменения, связанные с переходом от полного государственного контроля над экономикой в 1989 г. к ее более или менее полной либерализации в 1995 г., были более постепенными в Венгрии и Польше, чем, например, в Чехии, Словакии, Эстонии, Латвии, Литве, и даже Албании, России, Кыргызстане и Монголии.

Несмотря на сходства трансформационных процессов в Польше и Венгрии, в этих странах наблюдаются и определенные различия выбранных путей трансформации, связанные, прежде всего, со структурой внешнего долга и стратегиями его погашения. К концу 80-х годов Польша и Венгрия аккумулировали значительный внешний долг. Венгрия была должна, прежде всего, частным коммерческим банкам, тогда как кредиторами Польши в основном были правительства. В 70-е — 80-е годы

Венгрия исправно выплачивала свой долг, поэтому к ней относились как к надежному дебитору. Польша же в 80-е годы не выполняла свои долговые обязательства, а в начале 90-х годов, в отличие от Венгрии, приступила к обсуждению договора об освобождении от внешнего долга. Все эти особенности погашения внешнего долга повлияли на пути развития двух государств.

«Наиболее важный аспект политической динамики постсоциалистической трансформации заключался в том, что и в Венгрии, и в Польше уходящая система оставила после себя значительную и влиятельную элиту, которая либо активно боролась за переход к демократическому капитализму, либо просто его поддерживала, либо, по крайней мере, не была заинтересована в крахе трансформационных изменений» (с. 10). К первой по значению группе данной элиты, как в Польше, так и в Венгрии, относились бюрократы-реформаторы, включая наиболее влиятельных представителей политической и финансовой элиты. Благодаря традиции реформ, ориентированных на рыночную экономику, открытости и умению управлять внешним долгом, к 80-м годам XX в. эта бюрократия смогла интегрироваться в международную сеть профессиональных и финансовых отношений. Другой значительной группой элиты стали менеджеры государственных фирм, особенно те, кто был связан с международной торговлей и производством, ориентированными на Запад. Такая элита придерживалась более умеренной стратегии строительства капитализма и проведения приватизации, чем, например, акторы капиталистических реформ в России, на Украине и в Румынии, и была более открытой для кооперации и сотрудничества с иностранными инвесторами.

Поведение других важных социальных акторов (например, рабочих) Польши и Венгрии в ожидании улучшения условий жизни способствовало демократичности и терпимости проводимой политики — частично, поскольку исчезли основные рычаги коллективного давления; частично, поскольку они предпочли агрессивным формам протеста умеренные формы. Согласно перечню европейских стран по уровню трудовых конфликтов (на 1997—1998 гг.), который измеряется в соответствии с количеством организованных забастовок и локаутов, числом вовлеченных в них рабочих и количеством потерянных рабочих дней, Польша находится на 6-м месте после Греции, Испании, Финляндии, Кипра и Италии, а Венгрия на 11-м. Проявление терпимости, однако, не всегда имело положительные последствия. Отказ от явного протеста привел к развитию криминализированной неформальной экономики. В политиче-

ском плане польский и венгерский электорат обратился к протестному голосованию, вследствие чего сначала к власти в обеих странах пришли консерваторы-антикоммунисты, потом — экс-коммунисты и либералы в Венгрии и экс-коммунисты и крестьянская партия в Польше; затем обе коалиции сменились новым союзом центристских, правых и либеральных сил.

Несмотря на формальное сходство политических и экономических институтов Польши и Венгрии, с одной стороны, и членов ЕС из Западной и Южной Европы — с другой, между ними существуют значительные различия в совокупных показателях экономического развития и показателях условий жизни. По этим индикаторам Польша и Венгрия отстают даже от некоторых стран-лидеров Латинской Америки.

К другим особенностям польской и венгерской трансформации можно отнести: существенное ослабление трудовых организаций (например, профсоюзов); частичный государственный контроль над правилами и нормами экономического взаимодействия, ослабленный развитием неформальной экономики; проникновение иностранного капитала в некоторые стратегические секторы экономики (например, банковское дело). В идеологическом плане в этих странах важную роль играет ориентация на Запад, попытка вернуться в Европу, «европеизация», которая часто понимается как необходимость конкуренции с другими возможными членами ЕС из Восточной Европы. Эти особенности трансформационных процессов (в сочетании с социалистическим наследием) позволяют прийти к выводу, что в сравнении с другими странами Западной Европы, а также Восточной Азии и Латинской Америки, Венгрия и Польша оказались пионерами новой парадигмы развития.

Помимо общих характеристик развития Венгрии и Польши в 90-е годы XX в. можно выделить некоторые частные особенности трансформации для обеих стран. Траектория развития венгерского общества во многом определялась иностранным влиянием. Венгерский капитализм был полностью интегрирован в западноевропейскую экономическую систему через долговые обязательства, торговлю, прямые иностранные инвестиции и банковское дело. В конце 90-х годов внешний долг страны равнялся 56% ее ВВП и 129% ее годового экспорта. Большую долю в промышленном экспорте составляла высокотехнологическая продукция (39%). Венгрия является ведущим импортером капитала в Восточной Европе. Доля иностранных банков среди всех банков Венгрии равна

68%, тогда, как доля государственных активов среди всех активов составляет всего 12%.

Польская экономика меньше ориентировалась на Запад. Иностранные инвесторы сделали вклад в наиболее прибыльные и структурно менее проблематичные отрасли экономики, а более сложные секторы — горное дело, сельское хозяйство и тяжелая промышленность — достались местным частным собственникам и государству. Если Венгрия считалась надежным дебитором и привлекала иностранных инвесторов, то Польша, временно освобожденная от выплаты налогов, казалась менее надежной для иностранного инвестирования. Внешний долг Польши относительно ВВП составляет 29,9%, однако относительно годового экспорта — 148%. В промышленном экспорте Польши доля продукции новейших технологий равна всего 12%. «Периодические политические конфликты, к тому же обостряемые наследием “Солидарности” и поляризацией польского общества, в конце концов привели к более постепенному процессу приватизации, проходившему под более слабым западным давлением» (с. 22). В результате доля местного капитала в польской экономике значительно превышает долю местного капитала в экономике Венгрии. Доля государственных банковских активов в Польше среди всех банковских активов составляет 48%. Таким образом, в Польше сформировался иной, чем в Венгрии, тип капитализма, который можно назвать «национальным капитализмом».

Два разных пути развития оказались вполне успешными. Эти сценарии трансформации в какой-то мере послужили уроком для других стран Восточной Европы, вступающих на путь построения демократического капитализма. Траектория Венгрии с выраженным иностранным влиянием была воспринята, например, Чехией, Эстонией и Латвией. На польском пути преуспели Словения и Словакия, менее успешным он оказался для Болгарии, Румынии и Литвы.

Д.А.Архипова

**А.ХАЙНЕМАНН-ГРЮДЕР
ВОЕННЫЕ И ПОЛИТИКА.
К ВОПРОСУ О ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ КОНТРОЛЕ
НАД АРМИЯМИ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ**

A.HEINEMANN-GRÜDER
Militär und Politik. Zur demokratischen Kontrolle der Armeen in Osteuropa //
Osteuropa. —Stuttgart, 2003. — Н. 6. — S. 792—807.

Автор — доктор философии, научный сотрудник Международного центра конверсии (г. Бонн) — базируется в своих рассуждениях на том, что современные восточноевропейские государства должны отвечать определенным требованиям, необходимым для демократического контроля над армиями. Это, прежде всего, преодоление наследия старых систем, предотвращение самоуправства армии и злоупотреблений со стороны военных, закрепление демократических норм и способа принятия решений, а также организация гражданской экспертизы. Демократический контроль над вооруженными силами долгое время оставался на уровне формального исполнения. Как показала практика, ядром проблемы является не предотвращение военной угрозы, а создание эффективных гражданских механизмов информирования общества о состоянии армии, ее контроля и обратной связи.

После крушения коммунистических режимов в Восточной Европе вновь избранные демократические правительства должны были устранить контроль со стороны коммунистической партии и переориентировать армии в отношениях с НАТО. В сравнении с этими целями гораздо более долгосрочными задачами оказались преодоление наследия прошлого и консолидация демократических сил.

Осуществление демократических принципов власти означает, что сфера компетенций, роль и миссия военных определяются парламентом. Парламентское участие и контроль охватывают не только сферу безопасности и обороны, но также вопросы численности и структуры пополнения вооруженных сил путем призыва, квалифицированного надзора за решениями о применении военной силы, социального обеспечения военнослужащих, отправки войск за рубеж и размещения иностранных войск на собственной территории. Кроме того, необходимыми требованиями являются воспрепятствование вмешательству военных во внутреннюю политику и обеспечение парламентской независимости от военного истеблишмента в области принятия решений по безопасности и обороне.

«Гражданское принятие автономных решений предполагает полный доступ к военной информации. Средства информации и независимые эксперты должны располагать свободным доступом к информации об армии, чтобы быть в состоянии ее оценить и участвовать в политических дебатах по вопросам безопасности и обороны» (с. 793). Национальные парламенты должны иметь возможность формировать комитеты с правом на информацию и независимое изучение при высокой степени транспарентности. Открытость армии по отношению к обществу нельзя ограничить PR-мероприятиями по созданию ее имиджа. При всей сложности измерения масштаба участия гражданского общества в отношениях между штатскими и военными необходимо сделать военный истеблишмент подотчетным независимым «ревизорам»: ученым, журналистам, неправительственным организациям.

Требуемая «деполитизация» вооруженных сил не означает отсутствия необходимого профессионализма, речь идет о всего лишь политически нейтральной позиции. Военные нуждаются в демократии, чтобы приносить присягу на конституции, и должны признать необходимость гражданского контроля. Хотя солдаты и офицеры обладают политической свободой, исполнение их служебного долга все же должно быть отделено от политических функций и участия в политических ассоциациях и партиях. «Стабильность демократической власти над вооруженными силами зависит от того, насколько сильными являются гражданское правительство и его институты; существуют ли четкие правила, определяющие условия начала военных действий или введения чрезвычайного положения; принимается ли во внимание гражданским правительством военная экспертиза, и не влияет ли оно на процесс принятия решений в самой армии. Отношения сотрудничества между гражданским прави-

тельством и военными предполагают надежность взаимных ожиданий и модели отношений» (с. 793). Результат переориентации в сфере военной политики выглядит в разных странах по-разному.

Польша — институциональная путаница

Важнейшими факторами, которые влияли на установление демократического контроля над польскими вооруженными силами, были полупрезидентский тип правления, слабость политической и гражданской экспертизы, высокая степень независимости армии. Так же, как и в других восточноевропейских государствах, в Польше начала 1990-х годов приоритетной задачей была деполитизация вооруженных сил. Высшее политическое руководство было распущено, деятельность компартии в армии запрещена, были ликвидированы важнейшие части внутренних спецслужб. В результате реформирования Военно-политическая академия и Академия Генерального штаба были объединены в Академию национальной обороны. Идеологический вакуум стала заполнять католическая церковь, хотя среди офицерского состава было все же немного верующих.

Конституционное и законодательное урегулирование гражданского контроля над армией вводилось в Польше очень медленно. В декабре 1991 г. был принят Закон, в соответствии с которым президенту предоставлялось право доминирующего влияния на армию. Как верховный главнокомандующий он должен был определять основное направление оборонной политики, а также назначать и увольнять высший офицерский состав. Одновременно закон предписывал властные полномочия Министерству обороны. Это нечеткое разграничение компетенций привело к тому, что до середины 1990-х годов неоднократно разгорались конфликты между президентом и премьер-министром или министром обороны. Наконец, в 1995 г. конфликт разрешился в пользу усиления парламентского контроля и повышения престижа Совета министров и Министерства обороны.

Военно-политическая роль президента в мирное время ограничивается функцией стража нейтралитета армии. Наряду с Министерством обороны в Польше до 1997 г. существовал Национальный комитет обороны (КОК), в который входили президент, премьер-министр, министры обороны, внутренних и иностранных дел, а также представители парламента. В то время как КОК был все же под властью президента, Совет

министров начал с 1994 г. создавать параллельные институты: Комитет по вопросам обороны при Совете министров (KSORM), а затем Комитет по политике безопасности (KRM), который упразднил KSORM. В конечном счете по Конституции 1997 г. была создана новая структура — Национальный совет безопасности (RBN), который занял место КОК. Однако RBN, так же как и подчиняющееся непосредственно президенту Национальное бюро по безопасности (BBN), ограничены консультационными полномочиями. Таким образом, в последние годы основные направления политики безопасности определяют de facto Совет министров и KRM.

Конфликт между президентом и Советом министров имел долгосрочные последствия. Он укрепил автономность армии, особенно Генерального штаба. Эта тенденция была сломлена лишь в конце 1990-х годов широкомасштабной заменой кадрового состава в Министерстве обороны. Таким образом, проявившаяся институциональная путаница стала сильным препятствием для демократизации отношений между гражданской властью и армией.

Чешская Республика — гражданский контроль на пути продвижения

До принятия решения о вступлении Чехии в НАТО гражданско-военные отношения имели ограниченное значение в жизни общества, соответствующие основополагающие законы были приняты лишь в 1998—1999 гг. В отличие от Польши посткоммунистические правительства Чехии не доверяли офицерскому корпусу.

Деполитизация вооруженных сил стала быстро осуществляться с начала 1990-х годов. Прежде всего, были ликвидированы независимые военные суды. Министерство обороны начиная с 1993 г. стали возглавлять гражданские лица. Но прошло немало времени, прежде чем штатское руководство смогло завоевать авторитет в вооруженных силах.

В Чешской Республике президент является верховным главнокомандующим. Он назначает начальника Генерального штаба и других высших офицеров, которые должны утверждаться парламентом. Чешский парламент играет главную роль в процессе гражданского контроля. Он принимает законодательные акты в сфере обороны и политической безопасности, военный бюджет, решения об участии войск в международных миссиях и сооружении военных объектов. Правительство решает

вопросы начала военных действий и объявления чрезвычайного положения. В Совет безопасности входят премьер-министр, министры иностранных дел, обороны и промышленности, но не начальник Генерального штаба, функции которого сведены к роли заместителя министра обороны по вопросам оперативного командования. С 1993 г. в распоряжении чешского президента находится дополнительный консультативный орган — Совет обороны.

Общественное влияние на политику безопасности и обороны в ЧР незначительно. Чешские средства массовой информации, как правило, высказывают критические оценки прежде всего в случаях какого-либо скандала. Однако с тех пор как чешские соединения стали участвовать в миссиях KFOR в Боснии и в Косово, а также в операциях по спасению жертв наводнений (1998 и 2002 гг.), имидж армии, создаваемый СМИ, заметно изменился.

«В Чешской Республике налицо недостатки в осуществлении демократического контроля, прежде всего гражданской экспертизы в Министерстве обороны и парламентских комитетах. Частая смена министров обороны — на протяжении десяти лет было восемь министров — препятствовала достижению политического консенсуса и последовательности в оборонной политике. В Генеральном штабе и у высшего офицерского состава возникло впечатление, что штатские политики не знают, куда они хотят направить вооруженные силы» (с. 796).

Реформа армии вплоть до конца 1990-х годов имела затяжной характер. В то время как большое число молодых офицеров покинуло вооруженные силы и перешло на работу в частный сектор экономики, офицеры старшего поколения (хотя и заняли лояльную позицию), сохраняли дистанцию в отношении реформ. Вместе с тем подготовка к членству в НАТО и участие в миротворческих миссиях способствовали постепенному заимствованию западноевропейских норм взаимоотношений гражданского общества и армии, а также внутриармейских стандартов.

Венгрия — долгие годы административного дублирования

Во время смены системы в Венгрии армия оставалась нейтральной, военное руководство заявляло о своем невмешательстве в политику. Одновременно новая политическая элита не доверяла вооруженным органам безопасности.

Высший офицерский корпус, большей частью связанный ранее с Венгерской социалистической рабочей партией, предпочел заниматься своим личным будущим. С точки зрения общества, лучшим вкладом армии в безопасность было бы, если бы военные расходы не отягощали экономику и социальную сферу.

Значительным реформаторским шагом правительства М.Немета (1988—1990) было разделение функций командования вооруженными силами и Министерства обороны, которому отводилась политическая роль. Новые правила были приняты в отношении партийно-политической деятельности для профессиональных военных, полицейских и сотрудников гражданских служб безопасности — они не могли быть членами партий или активно заниматься политикой. Равным образом это характерно для Чехии и государств Балтии.

Президент был возведен в ранг верховного главнокомандующего. Он назначал командиров, руководителя Генерального штаба и утверждал назначение генералов. В Законе об обороне 1993 г. записано, что президент должен одобрять плановые мероприятия в области обороны.

При правительстве Й.Анталла (1990—1994) возникали спорные вопросы о соподчинении функций между президентом, министром обороны и командующим армией. Поскольку министр был ответственен перед премьером, командующий — перед президентом, оставалось неясным разграничение компетенций, следствием чего стало административное дублирование. Конфликт был разрешен в 1991 г. Конституционным судом. Президент оставался верховным главнокомандующим, но не должен был вмешиваться в оперативное руководство армией. Закон об обороне 1993 г. усилил компетенции надзора за действиями министра обороны. И все же на протяжении последующих лет возникали отдельные конфликты. Лишь в 2001 г. Генеральный штаб был интегрирован в Министерство обороны. Таким образом, решение вопросов военного планирования и дислокации войск наконец было сконцентрировано в одних руках.

В соответствии с законом венгерский парламент принимает военную доктрину и военный бюджет, за ним закреплено право объявления войны и мира, размещения войск внутри страны и за рубежом (при условии одобрения решения двумя третями голосов от общего числа депутатов). Вопрос об участии армии в операциях НАТО военное руководство также не может решать самостоятельно. Исходя из этого был создан новый Совет обороны, в который входят президент, премьер-министр,

министр обороны, начальник Генерального штаба, командующий вооруженными силами, председатель парламента и председатель Верховного суда. Совет уполномочен осуществлять меры по чрезвычайному положению. Особенностью демократизации внутри венгерской армии является введение должности омбудсмана. Он может проводить независимый контроль за соблюдением основных прав, следит за рассмотрением индивидуальных жалоб и претензий органов, представляющих групповые интересы, информирует правительство о нарушениях.

Но начатая после общественного перелома институциональная реформа пришла в состояние застоя в годы социалистическо-либерального правления Д.Хорна (1994—1998). Министерство обороны оказалось в руках Венгерской социалистической партии, а с 1998 г. — Независимой партии мелких хозяев. В прессе появились упреки в ремилитаризации Министерства обороны, поскольку четыре из пяти заместителей министра были кадровыми военными. Ситуация продолжала сохраняться и при консервативном правительстве В.Орбана (1998—2002). Правительство закрепило за премьер-министром решение вопросов о политической безопасности, одновременно был учрежден пост госсекретаря по политике безопасности. В полномочия государственного секретаря входит выработка основополагающих принципов политики безопасности и обороны, а также проектов законов и обеспечение координации работы министерств.

Вплоть до принятия в 1999 г. документа о генеральной стратегии национальной обороны ощущался недостаток гражданской экспертизы в парламентском комитете по обороне. Поток информации, предоставляемой со стороны армии контролирующим органам (особенно парламенту), «сильно фильтровался», в результате чего планирование и исполнение военного бюджета не удалось взять под достаточный контроль. «Парламентский контроль, таким образом, носит рудиментарный характер, комитет по обороне играет в лучшем случае реактивную, нежели иницилирующую, роль в оборонной политике» (с. 799).

Балтийские государства — авторитарные традиции и новый старт

Ситуация в этих странах отличается тем, что вместе с созданием государства нужно было заново определять концепцию безопасности и строить вооруженные силы. При этом произошло смешение досоциалистических, авторитарных традиций, советских образцов и западных мо-

делей. В отличие от других стран Восточной Европы, в министерствах обороны балтийских государств были представлены штатские сотрудники, в том числе репатрианты из зарубежья. Офицерский корпус набирался сначала из бывших советских офицеров родом из стран Балтии, чей менталитет нес отпечаток советских военных академий. После провозглашения независимости многие квалифицированные офицеры ушли из армии на работу в частный сектор экономики.

На начальном этапе военных преобразований главными проблемами были снабжение, подготовка казарм и денежное содержание. Вновь создаваемые вооруженные силы напоминали во многих отношениях советскую модель. Сохранялся жесткий административный контроль, решения принимались без учета перемен, зачастую в интересах власти тормозился поток информации и нарушалась координация действий между Советом безопасности, Министерством обороны и Генеральным штабом. В конечном счете штатские сотрудники рассматривались как незваные гости, в связи с чем долгосрочные решения откладывались на более поздний срок.

Серьезные проблемы для демократического контроля над армиями до середины 1990-х годов вызывали добровольные, легко вооруженные армейские национальные гвардии. После получения независимости в трех балтийских государствах возникли три вида вооруженных сил:

— Национальные гвардии: в Литве Добровольная служба по защите отечества (SKAT) численностью около 10200 чел.; в Эстонии — Защита страны (Zemessardze) числом 16000 чел., в Латвии — Оборонная элита (Kaitselit) в составе 8500 чел.;

— Регулярные армии;

— Пограничные войска.

Объявившие себя «стражами революции», настроенные антикоммунистически и националистически, эти национальные гвардии не были готовы подчиниться гражданскому контролю. В период с 1993 по 1996 гг. названные национальные гвардии неоднократно проводили силовые акции, участвовали в преступных действиях и даже совершали открытые выпады против министерств обороны. В 1998 г. литовская гвардия была преобразована в национальные добровольческие силы и интегрирована в состав регулярной армии. В Латвии и Эстонии гвардии были поставлены под контроль Министерства обороны.

После завершения этой неопределенной начальной фазы перемен балтийские государства стали создавать законодательные и институцио-

нальные механизмы гражданского контроля. Теперь президенты этих стран являются главнокомандующими, они несут ответственность за внешнюю политику и политику безопасности. Наиболее сильные позиции у президента Литвы, самые слабые — Эстонии. Каждодневное политическое руководство в сфере безопасности и обороны является обязанностью премьер-министра, министра обороны и министра иностранных дел.

Координацию осуществляют Советы обороны (или Советы безопасности), в которых представлены президент, премьер-министры, председатель парламента или председатели парламентских комитетов, министр обороны, иностранных дел и внутренних дел. Но для принятия политических решений на уровне Минобороны все еще зачастую недостает гражданского персонала, способного провести экспертизу.

Парламенты в балтийских государствах принимают решения о военном бюджете, структуре и численности армии, назначении и увольнении высших офицеров. В Латвии парламент решает вопрос об участии войск в международных миссиях.

В балтийских государствах запрещено прямое влияние военных на внутреннюю политику. Военный персонал не должен заниматься политической деятельностью, выдвигаться на выборах, вступать в профсоюзы или участвовать в забастовках. Но им все же разрешается вступать в политически нейтральные объединения. По мере деполитизации вооруженных сил в Латвии, наряду с охраной территории и участием в миротворческих миссиях, их задачей является также защита от силовых действий внутренней оппозиции. В Эстонии и Литве внутренние задачи армии ограничены чрезвычайными мерами и помощью гражданскому населению.

В течение 1990-х годов балтийские вооруженные силы не пользовались авторитетом и популярностью в обществе. СМИ уделяли внимание, как правило, лишь финансовым скандалам, издевательствам, пьянству и преступлениям в военной среде. Начиная с 2000 г., имидж армии начал улучшаться. Молодое поколение гражданского персонала в министерствах обороны вносит ощутимый вклад в формирование прозрачной для общества политики. Парламентские слушания по проблемам безопасности и обороны носят преимущественно открытый характер, хотя общественных дискуссий по этим вопросам почти не возникает. Позитивное влияние на штатско-военные отношения оказывает участие в программе «Партнерство во имя мира» и подготовка к членству в НАТО.

Румыния — демократический контроль под угрозой

Румынские вооруженные силы вступили в постсоциалистическую фазу с имиджем защитников национальных интересов от режима Чаушеску. В 1990—1991 гг. армия неоднократно использовалась во внутриполитических столкновениях, а в марте 1990 г. даже в этническом конфликте между Румынией и Венгрией.

В Румынии созданы важнейшие институты взаимодействия армии и общества: Высший совет обороны при президенте, Отдел оборонной политики и международных отношений в Министерстве обороны, Генеральный инспекторат вооруженных сил и Национальная высшая школа обороны, куда принимаются как офицеры, так и гражданские лица. После принятия Конституции 1991 г. все принципиальные военно-политические решения президента подлежат парламентскому утверждению. Парламентский контроль распространяется на военный бюджет. Во всяком случае, уже в 1999 г. принятие Закона о бюджете обороны проходило при значительной прозрачности. Исходя из этого парламент может направлять в вооруженные силы инспекционные комиссии без согласования с Министерством обороны. Высший совет обороны состоит из президента, премьер-министра, министров обороны, внутренних дел и экономики, начальника Генерального штаба, а также начальников спецслужб.

Проблема первого постсоциалистического десятилетия состояла не в политических амбициях румынских военных, а в злоупотреблениях со стороны гражданских политиков, входящих в правительство. При президенте Э.КонстантINESКУ (1996—2000) армия вновь вовлекалась во внутриполитические конфликты: в 1998 г., когда происходила регистрация кандидатов перед коммунальными выборами в Бухаресте, и в 1999 г., когда военные должны были противостоять шахтерам, выступившим с протестом.

Правительство КонстантINESКУ вновь ограничило парламентское участие, которое упрочилось в первой половине 1990-х годов. Оппозиционные партии были исключены из числа тех организаций, которые имели доступ к информации, исполнительные решения принимались без утвер-

ждения парламентом, а конформистски настроенные офицеры легко заняли руководящие посты.

Использование армии для достижения политических целей вызвало растущую озабоченность у офицерского корпуса начиная с 2000 г. «Румынский пример иллюстрирует три опасности для демократического контроля над армией — политизацию вооруженных сил при слабо легитимированном правительстве, недостаточное разграничение функций между органами безопасности и конфликты, возникшие на почве недооценки профессиональной независимости военных» (с. 803).

Болгария — обнищание и криминализация армии

Реформа болгарской армии и взаимоотношений военных и общества после 1990 г. продвигалась очень медленно. Правящая Болгарская социалистическая партия (БСП) не проявляла особого реформаторского рвения, оппозиция была вновь расколота. В августе 1990 г. болгарский парламент принял резолюцию, которая предусматривала деполитизацию вооруженных сил, вследствие чего многие политически активные офицеры были уволены. Хотя, начиная с 1989 г. военные не вмешивались во внутреннюю политику, но допустить модернизации армии и парламентского контроля не желали. Противодействие реформам больше проявлялось среди офицеров старшего поколения. Стремительное ухудшение условий жизни офицеров вызвало волну коррупции, наркомании, преступности и ухода молодежи из вооруженных сил. В начале 1990-х годов ряд высокопоставленных офицеров пытались сделать личную карьеру путем открытой поддержки БСП или СДС (Союза демократических сил). Но с 1997 г. эта практика ушла в прошлое. Несмотря на то, что гражданская верховная власть олицетворяла демократические перемены, все же вплоть до 2000 г. роль парламента была недостаточной, как и контроль над спецслужбами.

Главным органом гражданско-военного сотрудничества является Национальный совет безопасности (НСБ), состоящий из премьер-министра, министров иностранных дел, обороны, внутренних дел, его заместителей, начальника Генерального штаба и руководителей спецслужб. Президент, не являющийся обязательным членом НСБ, может принимать участие в его работе по желанию, но его первоочередная задача состоит в назначении и освобождении от должности высшего командного состава (по предложению Совета министров). Он может объ-

являть войну и вводить чрезвычайное положение, даже если это не совпадает с мнением парламента.

Компетенцией болгарского парламента является утверждение военного бюджета, санкционирование отправки войск за рубеж и размещение иностранных войск на собственной территории.

Активная подготовка к вступлению Болгарии в НАТО и ЕС обусловила изменения в воинской культуре, сделала актуальным формирование системы долгосрочного планирования обороны. В 1993 г. был создан Национальный центр исследований по вопросам безопасности, который занимается подготовкой высшего офицерского состава и гражданских сотрудников. Однако эта попытка восполнить недостатки квалифицированного персонала до сих пор не принесла большого успеха.

Украина — вся власть у аппарата президента

Политический контроль над украинскими вооруженными силами находится, прежде всего, в руках президента. Он как верховный главнокомандующий отвечает за развитие и осуществление внешней политики, политики безопасности и обороны. Согласно Конституции 1996 г., в полномочия президента входит создание министерств, назначение высших офицеров, объявление военного и чрезвычайного положения. Но остается неясным, является ли президент одновременно главнокомандующим войсками гражданской обороны, пограничными войсками, войсками МВД и спецслужб. Назначаемые до сих пор президентом министры обороны были из военной среды, исключение составлял В.Шмаров (с 1994 по 1996 гг.) После его вынужденного ухода «эксперимент» с гражданским руководством Министерства обороны можно считать провалившимся.

Президент стоит во главе Совета по национальной безопасности и обороне, решающего органа по планированию и координации политики безопасности. Состав Совета определяется президентом, его членами являются премьер-министр, министры обороны, внутренних и иностранных дел, глава службы безопасности. На практике он является главным органом планирования, выработки стратегических программ и формулирования оборонной политики. Политическую линию определяет Генеральный штаб, Министерство обороны опустилось на уровень исполнительного органа, парламент — Верховная рада — играет лишь подчиненную роль. Он принимает соответствующие законы, определяет бюджет и

следит за его исполнением, объявляет войну по соответствующему требованию президента, одобряет решения президента о применении военной силы, утверждает предложения о структуре и усилении личного состава армии. Парламент не имеет права принимать государственные программы по развитию вооруженных сил. В условиях концентрации власти в руках президента парламент не в состоянии обеспечить прозрачность и подотчетность в военной сфере, контроль за военным бюджетом или персональные назначения в армии. Без парламентского контроля остаются также многочисленные вооруженные подразделения, не подчиняющиеся Министерству обороны. К ним относятся подразделения Министерства внутренних дел, службы безопасности, подразделения гражданской обороны, государственной охраны, налоговой полиции, органы по охране окружающей среды и другие, которые располагают собственными структурами логистики, подготовки, командования и контроля.

В числе миллиона мужчин, которые в Украине «стоят под ружьем», только 320 тыс. солдат принадлежат к регулярным войскам. Парламентское право одобрения решений в военной среде относится только к использованию регулярной армии за пределами страны. Таким образом, Верховная рада является органом аккламации политических решений президента. Внутри вооруженных сил, как и прежде, вновь отсутствуют демократические механизмы контроля, в том числе в защите основных прав. Если не принимать во внимание робкие шаги по созданию гражданской экспертизы, то в целом результаты урегулирования гражданско-военных отношений в Украине следует оценить как негативные. «Военные формулируют политику безопасности, которую они в значительной степени предоставляют самим себе» (с. 805).

Выводы

«Характерной чертой смены систем в Восточной Европе является то, что она не спровоцировала военные путчи (в противовес многим ожиданиям и в отличие от феномена, широко распространенного в Латинской Америке в 1970-е годы). Этому есть много объяснений. Социалистические вооруженные силы никогда не располагали собственной политической идентичностью и независимостью от партийных установок» (с. 806). Исходя из этого автономия социалистических армий была ограничена представительством политотделов и спецслужб. Утратив идейно-политическую «сцепку» (*Kohäsion*), профессиональные военные в усло-

виях институциональных изменений в обществе оказались в подчиненном положении по отношению к новым гражданским установкам. Ошибкой прямого вмешательства в политику стало увольнение политически скомпрометировавших себя офицеров, которое списывалось на счет смены поколений, необходимости обучения, результатов программ подготовки в западных военных академиях, а также взаимодействия с НАТО.

Потеря статуса и утрата социальных гарантий были следствием общественного перелома в целом, а не специфической проблемой профессиональных военных. Как правило, армии приветствовали смену режима. Из-за своей изоляции по отношению к обществу им было труднее проявлять на практике демократический плюрализм. В первой половине 1990-х годов снижение социальной защищенности было скорее проблемой не политических амбиций, а восстановления довольствия, что выражалось в усилении коррупции и нелегальной торговле оружием. Во многих случаях вооруженные силы стали носителями постсоциалистического национализма — наиболее зримо в государствах — наследниках Югославии, а также в Словакии, Болгарии, Румынии, балтийских государствах и в России.

Если дифференцировать ситуацию в восточноевропейских странах, то можно отметить, что демократический контроль над армиями оказался наиболее слабым там, где в целом ощущается дефицит демократии, отсутствует ротация военной элиты, и армии сохраняют свое положение как самостоятельный институт общества. Для государств с парламентской или смешанной системой правления характерен больший масштаб политического и медийного демократического контроля. Восточноевропейские государства в этом отношении являются более передовыми по отношению к постсоветским и постюгославским государствам (за исключением Словении). Там, где президенты определяли политику безопасности и обороны без согласования с кабинетами министров и парламентского контроля, политические злоупотребления и политизация армии проявлялись в большей степени. И, наконец, там, где в национальные Советы безопасности не входили представители парламента, гражданские органы исполнительной власти не могли осуществлять демократический контроль над военными.

Явно неудовлетворительным является парламентский контроль за отдельными статьями военного бюджета и его исполнением, а также надзор за военными реформами. В конечном счете реформа военной жизни, особенно в сфере взаимоотношений с гражданским обществом, продвигается медленно.

Изначально был недооценен комплексный характер проблемы, кроме того, ощущался недостаток моделей, пригодных для заимствования.

Отсутствие гражданской экспертизы углубило недоверие между гражданскими политиками и военной элитой. Военные элиты использовали законодательный пробел и институциональный дефицит для неформального влияния на политику безопасности даже тогда, когда они уже не состояли на службе в Министерстве обороны. «Восточноевропейский опыт учит, что отчуждение армии от изменяющейся политической системы проявляется тем сильнее, чем больше ограничен гражданский контроль за формальной деполитизацией. Стабильное демократическое правление зависит и от гражданско-военного консенсуса относительно задач вооруженных сил, ограничения тех или иных полномочий и создания гражданской экспертизы» (с. 807).

Л.Н.Шанишева

ПРАВЫЙ РАДИКАЛИЗМ В ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОЙ ЕВРОПЕ

(Сводный реферат)

1. BEICHELT T., MINKENBERG M. Rechtsradikalismus in Transformationsgesellschaften. Entstehungsbedingungen und Erklärungsmodell // Osteuropa. – Stuttgart, 2002. – N 3. – S. 247–262.

2. BEICHELT T., MINKENBERG M. Rechtsradikalismus in Osteuropa: Bilanz einer Debatte // Ibid. – N 8. – S. 1056–1062.

На страницах журнала «Osteuropa» в 2002 г. широко обсуждалась тема правого радикализма в переходных обществах Центральной и Восточной Европы. Основой для дискуссии послужила статья Т.Байхельта и М.Минкенберга (1), в которой были сформулированы общие положения о взаимосвязи правого радикализма с процессом трансформации и его влиянии на консолидацию демократии. По мнению проф. Минкенберга, «правый радикализм в постсоциалистических обществах следует рассматривать как феномен «*sui generis*», который может быть понят, прежде всего, на основе исторического анализа государственного социализма и завершающего его периода трансформации» (1, с. 248).

Авторы провели сравнительный анализ социально-экономических, политических и исторических условий возникновения правого радикализма на примере шести государств: Польши, Чехии, Венгрии (продвинувшихся по пути демократии), а также Болгарии, Румынии и России (где существуют серьезные проблемы с укреплением демократии). Согласно их убеждению, «правый радикализм — это политическая идеология, состоящая, по сути, из мифа в форме популистского и романтического ультра национализма, которая должна быть уничтожена в ходе

социальных изменений» (1, с. 249). Праворадикальные идеи не обязательно направлены против либеральной и плюралистической демократии. Но национальный миф всегда характеризуется тем, «что принадлежность к нации определяется радикализированными этническими, религиозными, языковыми, культурными и политическими критериями». Не выступая открыто против демократии, правые радикалы понимают ее в смысле этнократии.

Наряду с идеологическим измерением важно учитывать организационные и структурные различия правого радикализма (например, отличать партийно-образующую форму от формы социального движения — т. е. субкультурной формы).

Исследуя правый радикализм в постсоциалистических странах, ученые опираются на концепцию модернизации, которая проявляется здесь в форме экономической и социальной трансформации. Однако, во-первых, такая модернизация имеет более всеобъемлющий характер по сравнению с модернизацией в странах Запада, а затраты на нее значительно выше. Во-вторых, с крушением социализма исчезла не только система власти, но пострадала оправдывающая ее идеология. В-третьих, смена системы стала причиной широкомасштабной социальной дезориентации и противоречий.

Авторы утверждают, что «укрепившейся демократической политической культуры нет ни в одном государстве постсоциалистической Европы. Тем самым образуется большой радиус действия для радикальных сил разной окраски» (1, с. 251). Во многих отношениях здесь появляются «случайные структуры» (*Gelegenheitsstrukturen*), более благоприятные для активизации праворадикальных сил, чем в Западной Европе. Другим фундаментальным отличием является опыт периода государственного социализма и ошибки досоциалистической фазы развития демократии. В этом смысле предлагается классифицировать радикальные партии по времени их возникновения (например, докоммунистические, коммунистические и посткоммунистические).

Приводимая ниже таблица демонстрирует тесную связь правого радикализма с ультранационалистической идеологией, выражающейся в реакции на процесс модернизации. В соответствии с предложенной моделью авторы распределяют праворадикальные силы постсоциалистических обществ на условных четырех полях.

**Измерение правого радикализма в посткоммунистической Европе
(1, с. 252)**

		Историческое	
		Фашистско-автократическое	Коммунистическо-националистическое
Актуальные конфликты	Этноцентристские или расистские	(1)	(2)
	Религиозно-фундаменталистские	(3)	(4)

В соответствии с этим конкретная партия той или иной страны встраивается в данную схему. Таким образом, по мнению авторов, ЛДПР как этноцентристская партия находится на поле (1), а КПРФ — на поле (2). В отличие от России, в других странах трудно провести четкую грань между множеством праворадикальных партий. Среди созданных в Польше после 1989 г. партий особо выделяются Христианско-национальный союз и избранная в парламент Лига польских семей, которые вписываются в поле (3). В чешском парламенте вплоть до последних выборов была представлена Республиканская партия, которая ближе всего по своим воззрениям к полю (1). Венгерская партия справедливости и жизни характеризуется антисемитскими настроениями и требованиями вернуть Венгрии те территории, которые находятся под иностранным владычеством. Партия Великой Румынии является одной из важнейших праворадикальных партий всего региона, по своим программным установкам она соответствует полям (1) и (2). Авторы отмечают, что праворадикальные силы почти не представлены в Болгарии. Причисляемый к ним Болгарский бизнес-блок является скорее популистской, чем праворадикальной партией.

Какие же факторы создают благоприятную почву для мобилизации правых радикалов в постсоциалистической Европе? Главным образом это идеология национализма и модернизация в форме трансформации. Вариации из этих двух составляющих образуют в каждой стране те «случайные структуры», которые создают условия для мобилизации соответствующих партий и движений и в известной мере «ресурсы для коллективных действий». Среди них различаются институциональные структуры (например, избирательная система), структуры государственного устройства (например, федерализм) или определенные законодательные нормы (например, антирасистские законы).

Авторы не считают предложенную ими модель совершенной, но предполагают, что с ее помощью можно продвинуться в дальнейших исследованиях теории и практики правового радикализма.

Таблица 2

Мобилизационный потенциал правового радикализма в странах постсоциалистической Европы (1, с. 260)

	Конфликты, обусловленные модернизацией		Историко-культурный контекст	
	Социально-экономические издержки трансформации	Социо-культурная модернизация	Национальное меньшинство	Внешние территории
Болгария	Очень высокие	Продвинутая	Да	Нет
Польша	Высокие	Немного продвинутая	Нет	Нет
Румыния	Очень высокие	Немного продвинутая	Да	Да
Россия	Очень высокие	Продвинутая	Да	Да
Чехия	Высокие	Продвинутая	Да	Нет
Венгрия	Высокие	Продвинутая	Да	Да

С одной стороны, общий опыт смены систем в бывших соцстранах должен был бы обусловить общие черты правового радикализма. Но, с другой стороны, существующие в каждой стране свои «случайные структуры», дают разнообразную картину проявления радикализма. В Польше и

Чехии издержки социально-экономической трансформации были ниже средних показателей по региону, а национальная составляющая историко-культурного контекста была малозначимой для мобилизации правых сил. В Болгарии, Румынии и России оба фактора создали высокий потенциал готовности у правых радикалов.

Предлагая свой подход к изучению проблемы в целом, авторы признают недостаточность знаний для обобщающих выводов о феномене правого радикализма в Восточной Европе. Опубликованные в рамках дискуссии работы других исследователей из разных стран послужили дополнительным материалом для уточнения некоторых положений, обобщения разных точек зрения и обозначения направления дальнейших исследований (2).

Т.Байхельт и М.Минкенберг отмечают наличие разногласий относительно научного подхода к изучению проблемы в рамках теории модернизации, которая часто используется как при анализе правого радикализма в западных демократиях, так и применительно к региону Центрально-Восточной Европы. С одной стороны, высказывается суждение (например, у Хр.Биттервеге), что «модернизация в Восточной Европе должна быть отнесена к экономическому и социокультурному процессу глобализации, т.е. нужно делать более сильный акцент на статусе центрально-восточноевропейских государств (как проигравших?) в глобальной экономической системе» (2, с. 1057). С другой стороны (Д.Зегерт), выдвигаются аргументы, что понять и объяснить современный правый радикализм можно только с учетом вовлеченности вышеуказанных стран в процесс модернизации уже на стадии позднего социализма. Эти два принципиально отличающихся подхода — в одном случае глобальный, в другом — учитывающий историческую специфику региона — составляют суть сравнительных исследований в ареале Восточной Европы.

Целый ряд специалистов исходят из того, что существует определенный баланс между компаративными методами изучения и региональными исследованиями, что позволяет более плодотворно анализировать политические процессы, в том числе и правый радикализм. В этом смысле попытки установить прямую связь между правым радикализмом в Восточной Европе и глобальными процессами растущей взаимозависимости мало что проясняют. Многие ученые (например, Ц.Мудде) считают более значимым субъективный фактор, точнее, роль «субъективных потерь» в этом процессе.

Авторы обращают внимание на то, что и в Западной Европе не удается найти подтверждения непосредственного влияния интенсивности процесса модернизации на степень готовности праворадикальных партий и их успех на выборах. Согласно Шойху и Клингеманну, можно лишь, напротив, обнаружить «специфическую восприимчивость определенных обществ к правому радикализму, т.е. *потенциал* готовности» (там же). Это позволяет проводить макрорегиональные сравнения между Восточной и Западной Европой.

Практически нет ни одного исследования о правом радикализме, в котором не критиковались бы используемые определения и теории как инструменты анализа. Прежде всего, это относится к понятию «правый радикализм». Принципиальная позиция авторов состоит в том, что они различают правый радикализм, который несет в себе антидемократические черты в националистическом преувеличении роли коллектива (но не бросает вызов демократической системе в целом), и экстремальный правый радикализм, отвергающий демократическую конституцию и использующий насилие как средство достижения своих целей. Это различие следует учитывать также и при рассмотрении особенностей поведения населения в Центральной и Восточной Европе после поворота, произошедшего в конце 1980-х годов. Опрос, проводившийся в большинстве стран региона, четко установил наличие недовольства населения ряда стран функционированием демократии. Поэтому необходимо иметь в виду, что антидемократическое меньшинство населения может быть использовано праворадикальными группировками, хотя оно им не идентично.

Некоторые исследователи считают основным критерием типологизации праворадикальных сил их отношение к существующим национально-государственным границам. Авторы статьи критикуют такой подход, поскольку он годится лишь для международных сравнений.

«Мы осознанно выбрали исходным пунктом категорию популистского ультранационализма как политической программы, чтобы, с одной стороны, отделить радикализм от расизма, враждебности по отношению к иностранцам и т.п. от национализма, с другой стороны, в широком смысле слова как течения, принципиально не угрожающего демократии» (2, с.1059).

Авторы статьи подчеркивают значение как региональных, так и специфически страновых особенностей и структур для понимания восточноевропейского правого радикализма. Принимается также во внима-

ние перспектива расширения Западной Европы в восточном направлении. В этой связи особо выделяется роль исторического наследия, предопределившего смену режима в странах Центральной и Восточной Европы. Ученые считают необходимым исследовать формирование наций и национализма на фазе досоциалистического развития и их роль в общем историко-культурном процессе.

Особое внимание уделяется проблеме потенциальных возможностей для появления правого радикализма. Потенциал готовности для праворадикальных партий и движений в рассматриваемом регионе весьма внушителен. Это подтверждается результатами опроса, проведенного в 2000 г. Мнение о том, что «было бы лучше распустить парламент и иметь сильного руководителя» поддержали 20% респондентов в Венгрии, 29% — в Польше, 36% — в Румынии, 44% — в Болгарии и 54% — в России (2, с. 1061). Только в Чехии уровень поддержки этой позиции был довольно низким — 12% (но в сравнении с немецкими показателями он достаточно высок). Вместе с тем этот потенциал праворадикальных партий не исчерпывается, по сравнению с масштабом распространения этнического национализма, политическое пространство для мобилизации правых сил значительно меньше.

Авторы разделяют точку зрения К.Мудде, который считает необходимым «исследовать специфику партийных систем восточноевропейских государств: их новизну, относительную прочность радикальных левых (в некоторых странах) и поляризацию внутри «демократического лагеря». Прежде всего, следует обратить внимание на взаимодействие праворадикальных акторов с другими политическими акторами.

Подводя итог дискуссии, ученые предлагают отказаться впредь от «виртуального обсуждения» проблемы и больше сосредоточиться на конкретных фактах и эмпирическом материале. Это — основное требование будущих исследований, которые нужно проводить в сотрудничестве с восточноевропейскими партнерами.

Л.Н.Шанишева

ДЖ.Б.УРБАН
ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИЕ ЛЕВЫЕ: РАЗЛИЧНЫЕ ПУТИ,
ОБЩЕЕ НАСЛЕДИЕ

J.B.URBAN

The post-communist left: Divergent trajectories, shared legacies // The left transformed in post-communist societies / Ed. by Curry J.L., Urban J.B. — Lanham etc., 2003. — P. 245—270.

Автор, Джоан Барт Урбан — профессор Католического университета Америки в Вашингтоне, исходит из того, что даже спустя более чем 10 лет после исчезновения социалистического блока все еще четко видны различия между странами, где марксистско-ленинские идеи развивались изнутри и где они были навязаны советскими войсками. В России и Украине, которые относятся к первой группе стран, идеология неоленинского фундаментализма все еще сохраняет свое влияние, тогда как в Польше, Венгрии и Литве стала доминировать социал-демократическая ориентация антиленинского европейского марксизма. Что же касается Восточной Германии, она находится посередине между этими двумя направлениями, отвергая как неоленинизм, так и то, что сторонники левых сил Германии называли «необузданным капитализмом».

И тем не менее, несмотря на раскол, общее прошлое в сходной манере дает о себе знать партиям-преемницам коммунистического режима. Во-первых, это остракизм, которому подвергались со стороны молодых правительств и рядовых граждан бывшие члены компартий, оставшиеся в политике. Этот феномен остановил дальнейший раскол левых сил.

Во-вторых, левые партии лишились материальных ресурсов, и для воссоздания организационной базы и сети ячеек они использовали фонды своих членов, избранных в парламент. Они быстро преуспели в соединении своего бывшего организационного опыта с теми преимуществами, которые предоставило государство всем членам парламента. Это помогло им восстановить связи с бывшими сторонниками коммунизма в обществе.

В-третьих, новые левые силы могли воспользоваться весьма ощутимым преимуществом старой системы — гарантировать хотя бы минимальную социальную стабильность всем. А в условиях очевидной экономической поляризации, относительного обеднения и общественно-экономического переворота, которые присущи подобного рода транзитам, игра на ностальгии по чувству социальной защищенности оказалась выигрышным ходом.

Организационные навыки бывших функционеров компартий использовались их наследниками в разных условиях. В странах Центрально-Восточной Европы партии-преемницы с успехом применили эти навыки в ходе выборов, чему способствовало то обстоятельство, что их политические противники раньше находились в оппозиции и не имели опыта агитпропаганды. В России и Украине дела обстояли иначе. Новые противники компартий вращались в тех же кругах и обладали теми же, а порой превосходящими навыками, притом располагая в ряде мест численным преимуществом.

Политический транзит в Польше, Венгрии и Литве проходил путем переговоров между реформистски мыслящими коммунистическими лидерами и оппозицией, которая пользовалась широкой поддержкой среди населения. В России же КПСС утратила свое влияние из-за собственных внутренних распрей, что привело к крушению и аппарата. Советская партийная и государственная номенклатура была вынуждена вести борьбу за сохранение своих привилегий в условиях экономического упадка и смены режима.

Новые левые партии с большой неохотой и с опозданием признавали свое участие в злоупотреблении властью при прошлом режиме. Этот вопрос они старались обойти стороной, смещая акценты, подчеркивая достижения советской системы и признавая «ошибки». Социал-демократы вообще пытались отрицать свою связь со старой системой.

Важным отличием является и то, как осуществлялась преемственность между старой и новыми партиями. Если в России и Украине

достаточно было заменить членский билет, в странах Центральной и Восточной Европы партии настояли на перерегистрации, что позволило им исключить бескомпромиссных коммунистов и других неудобных лиц, умеренные же консерваторы, возглавлявшие партии в конце 1980-х годов, покинули их или совсем ушли из политики. В Литве, Польше и Венгрии лидеры бывших компартий пытались создать новые организации левого центра; мелкие радикальные партии марксистско-ленинской идеологии в Польше, Венгрии и Литве ушли в небытие, не преодолев минимальный барьер на парламентских выборах. В России и Украине наиболее консервативные члены КПСС тяготели к движениям неоленинистского толка.

Различия в политике социал-демократов и сторонников неоленинской концепции очень глубоки. Первые (за исключением Партии демократического социализма в Восточной Германии) сделали ставку на ценности Западной Европы — свободный рынок, связи с Социнтерном, членство в НАТО и Евросоюзе. Вторые же отстаивают антизападную международную политику, идеологический фундаментализм. Они убеждают своих сторонников, что в конечном итоге все-таки приведут страну к «светлому будущему». Можно было бы назвать это тщетной попыткой совершить невозможное, если бы КПрФ и КПУ не собирали почти четверти всех голосов на парламентских выборах, блокируя тем самым весь процесс демократизации.

Конец советской идеологии: внезапная смерть vs постепенная вестернизация

В основе политических ориентаций партий-преемниц коммунистического режима лежит отношение их бывших лидеров к идеям марксизма-ленинизма, но так как невозможно определить степень их «преданности» идеологии, будем исходить из фактического материала и исторической логики развития событий. В первые послевоенные годы взгляды руководителей обеих групп стран были примерно одинаковы. Но с 1953—1956 гг. они значительно расходятся. Последние годы сталинского террора в странах Восточной Европы воспринимались с недовольством, а вслед за осуждением Хрущевым преступлений Сталина последовало жестокое подавление революции в Венгрии. В Советском Союзе в те же годы (середина 1950-х годов) царили иные настроения — разоблачение культа личности Сталина ассоциировалось с прекращением терро-

ра, демонтажем ГУЛАГа и той степенью личной свободы, которой люди не знали с 1920-х годов.

1956 г. в Европе воспринимался многими как «идеологическая смерть», тем не менее, функционеры оставались на своих местах, продолжали работать, кто-то выдвигался на руководящие посты, но это было скорее делом привычки, а не преданности коммунистической идее. Часть политической верхушки убедилась в необходимости реформирования системы. Страны Восточной Европы стали ассоциировать себя больше с Западной Европой, этому способствовал и рост возможностей для профессиональных контактов с коллегами с Запада.

Советский народ в эти же годы, наоборот, излучал веру в светлое будущее и уверенность в жизнеспособности строя. Только в 1970-х годах советская интеллигенция увидела контраст между строгой политической регламентацией и экономическим застоєм в СССР, с одной стороны, и свободой и процветанием на Западе, — с другой. Осознание такого контраста побуждало все большее число образованных людей усомниться в идеологических канонах, внушаемых им с детства. Тем самым была подготовлена почва для быстрого распространения «нового мышления», которое сопровождало приход к власти Горбачева. Тем не менее, смена идеологии не означала отказ от традиционных идей левых партий. Как в странах Центрально-Восточной Европы, так и в Советском Союзе появившиеся левые партии (как правило, социал-демократические) ставили перед собой те же цели, что и последователи ленинской концепции, но в отличие от вторых они утверждали, что эти цели могут быть достигнуты в условиях демократии, свободной рыночной экономики и политического плюрализма.

Социал-демократы Запада vs антизападные неоленинисты

Национальное самосознание стало центральным вопросом в развитии всех бывших отрядов «интернационального» коммунистического движения. В Венгрии, Польше и в прибалтийских республиках, где традиционно были сильны антисоветские настроения, появляющиеся левоцентристские партии избрали евроатлантическую форму «интернационализма», в то время как в России и Украине, напротив, в 1990-х годах получила развитие антизападная. В Польше, Венгрии и Литве левоцентристы призывали к скорейшему проведению демократических реформ, необходимых для членства в НАТО и Евросоюзе. Они также хотели

влиться в Европейское социал-демократическое движение, что для них было способом дистанцирования от коммунистического прошлого. Венгерская социалистическая партия с самого начала поставила цель быть принятой в Социалистический интернационал и в своей работе ориентировалась на Социал-демократическую партию Германии (наиболее значимую в Социнтерне). В период с 1996 по 2001 гг. в Социнтерн принимаются социал-демократические партии и объединения Венгрии, Польши и Литвы.

Только бывшие коммунисты Восточной Германии отказались от повального увлечения идеями неоллиберализма и свободного рынка, пытаясь найти некий промежуточный вариант между капитализмом и социализмом. Руководители Партии демократического социализма, ориентирующиеся на реформы, постоянно оказывались под давлением более левого крыла своей же партии. ПДС осудила воздушные атаки НАТО против Сербии в 1999 г., возражала против военной операции США в Афганистане в конце 2001 г и призывала к замене НАТО невоенными организациями безопасности.

Что касается неоленинистского блока, то антизападные настроения, присущие марксистско-ленинской идеологии, после 1991 г. получили еще более широкое распространение в процессе предвыборной кампании Геннадия Зюганова, объявившего об исторической и этнокультурной уникальности России и публично горевавшего об утерянном статусе супердержавы, дабы привлечь на свою сторону патриотов России среди некоммунистически настроенного электората. Антизападные настроения Коммунистической партии Украины сначала основывались на ностальгии по утраченной советской идентичности, а впоследствии, особенно после авиационных ударов НАТО в Косово, были подкреплены давно высказывавшейся Зюгановым и подхваченной Петром Симоненко идеей восточнославянской самобытности в разделенном на разные цивилизации мире. Лидер КПУ также подчеркивал необходимость защиты православного геокультурного пространства от исламской угрозы с юга и экспансии Запада. Подобные настроения усилились после 11 сентября.

Последователи марксистско-ленинской теории не отвергали ее базовых принципов, они скорее адаптировали ее к современным условиям. Обновленная версия марксистско-ленинской теории содержала критику капитализма и экономической глобализации и была нацелена на сохранение лояльности партийцев старой закалки. Но была еще и «идеология для широких масс». Чтобы получить большее количество голосов

на выборах, КПРФ использовала опыт «народных фронтов» Коминтерна 1930-х годов, советских «национальных фронтов» времен Второй мировой войны и послевоенных коммунистических партий Западной Европы. В условиях постсоветской России КПРФ призвала народ объединиться для защиты против западного неоимпериализма и культурной экспансии. Коммунисты использовали и призывы к возрождению советской системы социальных пособий и ограничению президентских полномочий, прописанных в ельцинской конституции 1993 г. Во время всех избирательных кампаний 1990-х годов КПРФ не придавала огласке официальную программу партии, которая практически не менялась на протяжении всего этого времени.

В Украине сложилась иная ситуация. КПУ не уделяла такого внимания «программе для масс», и для этого были основания. В 1991 г. возникла Социалистическая партия Украины, и хотя в середине 1990-х годов они были тактическими союзниками, с 1998 г. социалисты ассоциировали себя больше с Европой и выступали за независимость государства. Их электорат был в 3 раза меньше, чем у коммунистов, и основная его масса сосредоточилась в центральных районах страны, тогда как сторонники коммунистов проживали в основном на юге и на востоке. Как следствие такого разделения, КПУ основной упор делала именно на эти регионы, стараясь отобрать голоса у других левых партий.

К середине 1990-х годов у КПРФ не было достойного соперника на политической арене. Она умело манипулировала своим имиджем, к тому же, в силу тех обстоятельств, при которых происходил политический транзит, само понятие «социал-демократ» было дискредитировано в обществе. Поэтому коммунисты рассчитывали получить дополнительное количество голосов от тех, кто просто не хотел избрания Ельцина. Но как оказалось, четкость партийной программы имела для избирателей большее значение, чем предполагала партия, и на выборах она получила меньше голосов, чем рассчитывала.

Важное расхождение прослеживается и в способах организации партий в посткоммунистических странах. КПРФ и КПУ сохранили иерархическую структуру кадровых работников, тогда как новые социал-демократические партии Польши, Венгрии и Литвы отошли от нее. Свой первый мандат они получили в составе демократических коалиционных правительств. В новом тысячелетии их программы были выработаны в результате внутрипартийного обсуждения с участием рядовых членов и переговоров с представителями профсоюзов.

Общая выгода от коммунистического наследия

Несмотря на различия в избирательных программах и поставленных целях, можно утверждать, что успех на выборах в обеих группах стран был достигнут благодаря нескольким преимуществам, которые имела коммунистическая система. Во-первых, как социал-демократы, так и неоленинские партии в глазах избирателей ассоциировались с системой социальной защиты населения, что было немаловажным в условиях массового недовольства экономической ситуацией. Лишь в Польше ситуация была иной. Там социал-демократы и их коалиция — Союз левых сил Польши — старались как можно дальше дистанцироваться от коммунистического прошлого, избегая обращений к тем, кто больше всего пострадал от «шоковой терапии» 1990—1991 гг. К тому же слишком сильны были антикоммунистические настроения, поднятые «Солидарностью» и военным положением 1980-х годов, о чем еще свежи были воспоминания. Следует еще добавить, что народные волнения в Польше подавлялись не советскими войсками, как это было в Праге в 1968 г. и в Венгрии в 1956 г., а польскими же коммунистами.

Во-вторых, бывшие коммунистические функционеры обладали хорошими навыками организации, управления и пропаганды. Для воссоздания былой инфраструктуры они с успехом использовали те ресурсы, которые распределялись между всеми членами парламента, а в период избирательных кампаний опирались не на яркую рекламу в средствах массовой информации, которая была им не по карману, а на восстановление сети своих ячеек на местах. После падения коммунистического режима большая часть активов компартий была изъята новой властью. Исключением стала Венгрия, где в 1990 г. Социалистическая партия приняла решение передать 90% своего имущества государству, чтобы избежать упреков со стороны общества. В том же году, столкнувшись со всеобщей враждебностью и возрастающими требованиями роспуска, Коммунистическая партия Германии (вскоре переименованная в Партию демократического социализма) передала в государственный бюджет около трех миллиардов марок. В начале 1990-х годов польских социал-демократов безосновательно обвиняли в использовании ресурсов, нажитых нечестным путем (большая часть имущества Польской объединенной рабочей партии была изъята).

КПРФ не обладала ресурсами бывшей компартии (они были конфискованы в 1991 г. администрацией Ельцина), но у нее было широкое представительство в Думе, которую коммунисты решили использовать в качестве мозгового центра. Все главные лица партии были внесены в избирательный список таким образом, чтобы они обязательно прошли в парламент. Для поддержания связи с региональными комитетами они использовали свои офисы и телекоммуникационное оборудование, а депутатские помощники фактически укомплектовывали отделения партии. Большую часть денег, выделяемых из госбюджета, было решено переводить в регионы, в связи с чем на выборы средств оставалось крайне мало. Со временем появились спонсоры среди «красных предпринимателей», но их помощь, конечно, нельзя сравнить с теми финансовыми потоками, которые поступали от западных друзей и новых русских олигархов ельцинской команде.

Таким образом, рост поддержки среди избирателей и большое политическое влияние как социал-демократических, так и неоленинских партий объясняется сочетанием унаследованных организаторских навыков, наличием сети отделений партий и тем, что люди подсознательно ждали от них социальной политики, проводимой во времена коммунизма.

Третьим положительным моментом, унаследованным от прошлого, было то огромное внимание, которое уделялось единству партии. В начале это единство было вынужденным — необходимо было сплотиться, чтобы противостоять остракизму. В Польше реформистское крыло Объединенной рабочей партии Польши объединилось с Социал-демократической партией, что привело к возникновению коалиции Союза левых сил Польши. Их сплоченность, столь разительно отличавшаяся от сильной фрагментированности бывших участников Солидарности и новых правых сил, сыграла свою роль в победе левых на выборах.

ВСП, будучи партией большинства в парламенте и возглавив правительство в середине 1990-х годов, культивировала идею единства партии, что способствовало успеху проводимой ею политики.

Пример КПРФ еще более интересен. Больше года партия была под запретом, во время президентских выборов 1996 г. администрация Ельцина развернула в прессе жесткую атаку на Зюганова, изнутри партия была раздираема противоречиями как по вертикали (если лидеры партии были прагматиками, то рядовых членов скорее можно причислить к воинствующим активистам), так и по горизонтали (в рамках одной партии существовало три направления). Тем не менее, с момента своего воз-

рождения в 1993 г. и до наступления нового тысячелетия партия демонстрировала организованность и сплоченность, которая удивляла всех наблюдателей, не раз предсказывавших ее раскол. Это единство было результатом использования несколько смягченной формы ленинского демократического централизма. КПРФ сохранила верность традиционным методам, хотя до весны 2002 года практически не использовала последнюю санкцию — исключение из партии. Даже после съезда в 2000 г. в ЦК партии оставались антисемит А.Макашов, радикал, долгое время выступавшая против Зюганова Т.Астраханкина и спикер Думы Г.Селезнев, открыто бросивший вызов руководству КПРФ, основав в июле 2000 г. движение «Россия». Только в конце весны 2002 г. Селезнев и еще два коммуниста с умеренными взглядами приняли решение выйти из партии; позже они были исключены большинством голосов.

Перспективы на будущее после 11 сентября

Террористический акт 11 сентября 2001 г. изменил политические и экономические условия функционирования партий — наследниц коммунистических режимов. Оппозиционные правые партии, прежде всего во Франции и Германии, стали открыто использовать националистические и шовинистические лозунги. Движение социал-демократических и рабочих партий в сторону политического центра было уравновешено резким сдвигом консерваторов вправо.

В Венгрии на выборах в апреле 2002 г. и после них фокус политического дискурса сместился с социально-экономических проблем на проблемы национального самоопределения и этничности, возобновились упреки социалистов в приверженности коммунистическому прошлому. Социалистическая партия вернулась в правительство в коалиции со свободными демократами, но в парламенте получила перевес лишь в 10 голосов. Защита межэтнического единства помогла им отыграть очки, которые они потеряли раньше, когда опрометчиво бросились поддерживать идеи рыночной глобализации, забыв о тех слоях, которые более всего пострадали в период радикальной трансформации. Таким образом, после 11 сентября концепции левых и правых стали меняться, центральное место в них заняли национальные ценности и этнический вопрос, а не роль государства в экономике.

Касаясь ситуации в России и Украине после 11 сентября 2001 г., уместно поднять вопрос о применимости к ним термина «заблокированное общество», характеризовавшего политическую ситуацию в 1960–1970-х годах во Франции и Италии, когда коммунистические партии стабильно получали на выборах 20–25% голосов. Это сокращало пространство политической власти

иных политических сил, сторонников демократии свободного рынка, что привело к консервации власти христианских демократов в Италии и голлистов во Франции. Изменить ситуацию и ослабить влияние коммунистов во Франции помогло создание Ф.Миттераном социалистической партии, а в Италии компартия сама перешла на социал-демократические позиции.

Оба варианта вряд ли подходили России и Украине. Социал-демократические партии левоцентристской ориентации, располагающие значительной поддержкой населения, там не сформировались; коммунисты же резко выступали против социал-демократических идей. Социалистическая партия на Украине могла рассчитывать лишь на незначительное увеличение своего рейтинга. В европейской России большая часть образованного городского населения приспособилась к европейским социальным и политико-экономическим ценностям, но не желала голосовать за появляющиеся только на период выборов левоцентристские партии. К востоку от Уральских гор, где больше трети населения жило за чертой бедности, левоцентристские партии ассоциировались с рыночными реформами, которые привели к такому положению.

Следуя этой логике, в России и Украине в ближайшем будущем вряд ли сложатся реальные условия для сменяемости власти. Старение компартии сократит ее ряды, но останутся возможности использовать протестное голосование. Для того чтобы изменить ситуацию, необходимы значительный экономический рост, создание жизнеспособной системы социальной защиты населения и политизация той части «молчащего» образованного городского населения России и Украины, которая воспитывалась в 1990-х годах. К тому времени, возможно, правые настроения в Европе, возродившиеся после 11 сентября, опять сменятся левоцентристскими, что в свою очередь окажет определенное влияние на Россию и Украину.

А.А.Куракина

ПРОБЛЕМЫ СТРАН РЕГИОНА

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА В БОЛГАРИИ

(Сводный реферат)

1. МАНОВ В. Реалният живот не се подчинява на митове (или развенчаните митове от българския преход) // България в началото на XXI век — икономическа, правна и социална трансформация. — Велико Търново, 2002. — С. 9—38.

2. БУЗОВ В. Либерализмът — сбърканата философия на българския преход // Там же. — С. 215—219.

3. ГОРСОВ М. Социални аспекти на икономическата трансформация // Там же. — С. 305—310.

1

В статье «Реальная жизнь не подчиняется мифам» болгарский экономист В.Манов отмечает, что политические события 1989 г. в Болгарии стимулировали разработку учеными моделей экономических реформ. Эмоциональный подъем и энтузиазм болгарского общества, вызванный падением тоталитарного режима, повлияли на характер большинства создаваемых моделей. В них делался расчет на быстрое преобразование тоталитарной экономики в рыночную. Идеологи немедленного шокового перехода к рыночной экономике мифологизировали инструменты трансформации. Речь идет о политической окраске переходного процесса (спор о «левом или правом переходе»), а также о радикальной реформе, о либерализации экономики, о приватизации, о малых и средних предприятиях, иностранных инвестициях и т.п. Превращение инструментов экономической политики в идеологические фетиши привело, по словам автора, к созданию квазирыночной экономики. Реформы могли быть успешными только в том случае, если бы они были глубоко продуманы.

манными как с точки зрения их целей, так и с точки зрения путей достижения этих целей. Прошедшее двенадцатилетие болгарских реформ автор называет «неуспешным переходом», разрушившим болгарскую экономику (с. 10).

1. Миф о «правом или левом переходе»

Левая и правая идеологии в Болгарии не отличаются между собой в трактовке ни целей, ни путей, ни способов проведения реформ. Автор называет пропагандистскую работу идеологов обоего толка словоблудием, а результаты переходного процесса — «разрушением основ и устоев экономики и государства» (с. 11). Жизнь доказала болгарским гражданам, что речь идет не о примате правого, левого или центристского перехода, а просто о достойном существовании человека. Подлинно демократическое общество не сводится к процедурной свободе. Это общество свободно прежде всего от страха голода, нищеты и бесперспективности. Автор считает, что необходимо отказаться от спекуляции на понятиях «капитализм», «социализм», правая, левая или социально ориентированная политика. Вслед за Генри Фордом автор утверждает, что причина бедности кроется прежде всего в недостаточном соответствии между производством и распределением в промышленности и сельском хозяйстве, в отсутствии сбалансированности между наличием энергетических источников и их использованием. Массовая бедность в Болгарии обусловлена рядом причин, но прежде всего «особыми привилегиями небольшой части общества безнаказанно грабить» (с. 12). Борьба с бедностью становится не благотворительностью, а социальной справедливостью, когда создающий много имеет право получить много из общей доли. Реформирование и связанное с ним экономическое развитие, которые не ведут к росту жизненного стандарта населения, обречены на провал. На это обстоятельство обратил внимание Европейский банк восстановления и развития в одном из своих докладов в 1997 г. Этот банк назвал самой серьезной проблемой в странах с экономиками переходного типа отсутствие какого-либо развития, что грозит возникновением серьезной политической нестабильности. Опираясь на принципы, разработанные Л.Эрхардом, автор подчеркивает: болгарские руководители-реформаторы должны осознать, что социальный смысл рыночной экономики в том, что достигаемый успех должен идти на пользу всему народу. В свою очередь, повышение уровня жизни болгар связано не столько с

проблемами распределения, сколько с проблемами роста производительности труда. Повышение производительности труда позволит болгарам преодолеть «рубикон» бедности.

2. Миф о радикальных реформах

В Болгарии использовалась шоковая модель реформ, которая привела к пагубным результатам в экономике и обществе. Однако эти результаты часто объясняются или оправдываются недостаточным радикализмом проводимых реформ. Опыт развития других стран показывает, что в авангарде мирового прогресса идут страны, которые развивались, напротив, эволюционным путем. Ссылаясь на П.Дракора, автор отмечает, что немногие из осуществленных революций улучшили положение дел, многие из них просто привели к замене одного властителя другим. Аграрная реформа в Англии была начата в 1840 г. и до наших дней продолжает реализовываться, она имеет радикальный, а не шоковый характер. Именно данный радикализм стал основой успешного развития аграрного сектора Великобритании, в то время как шоковая терапия в Болгарии привела к полной разрухе сельское хозяйство страны, «отбросив его в каменную эру» (с. 16).

3. Миф о либерализации экономики

Сложившиеся стереотипы искажают реальные процессы: когда болгарская экономика стала открытой, это, вопреки ожиданиям, не повлекло за собой ее рост. Фетишизация либеральных принципов экономики опасна. Еще в начале переходного процесса, в 1991 г., в Болгарии были широко распространены рассуждения об огромной роли либерализации торговли и валютного режима. Уже в конце 2000 г. идеолог курса либерализации Иван Костов признал, что болгарская экономика оказалась чрезмерно либеральной. Либерализация в качестве инструмента экономической политики требует определенных условий и имеет определенные ограничения. Вне этих условий либерализация превращается в опасный для развития страны фактор. Слепое, почти религиозное отношение к инструментам экономической политики, в том числе к инструментам либерализации, неизбежно порождает те следствия, которые проявились в болгарской экономике — разруху и хаос.

4. Миф о выводе государства из экономики

В течение прошедшего двенадцатилетия в Болгарии постоянно разъяснялась негативная роль государственного вмешательства в экономику. Однако на помощь государства рассчитывали представители разнообразных новых отраслей бизнеса. Сама постановка вопроса о выводе государства из экономики оказалась неправомерной для успешности проводимых реформ. Мировой опыт, замечает автор, показывает, что роль государства в экономике не сокращается, а напротив, возрастает. Меняется только характер этой роли. Современное государство является катализатором, регулятором, способствующим экономическому развитию. Основной функцией современного государства становится создание необходимой среды для эффективного функционирования и развития бизнеса. Это относится как к странам с традиционно рыночной экономикой, так и к странам, осуществляющим переход к рыночной экономике. Задача государства в современных условиях развития состоит в обеспечении активных производителей и инвесторов необходимым жизненным пространством для освоения новых рынков через создание условий, способствующих этому процессу и стимулирующих разумное поведение всех участников рыночного процесса. В современной рыночной экономике государство сосредотачивает свои усилия на обеспечении естественных предпосылок для экономической жизнедеятельности. Государство определяет самые общие рамочные условия, защищающие деятельность граждан, а также создает такую систему, в которой личный произвол сведен к минимуму. Жизнеспособность такой системы обеспечивается ее способностью постоянно развиваться и совершенствоваться в соответствии с меняющимися обстоятельствами и постоянной связью с обществом. По сути, переход к рыночной экономике означает переход от экономики командного типа к управляемой экономике, когда управленец-диктатор трансформируется в управленца-регулировщика.

В Болгарии не стоит задача вывода государства из экономики, но напротив, актуальна задача превращения его в умелого руководителя в условиях, когда экономическая свобода сводится в основном к праву собственности и праву выбора. Современное рыночное хозяйство отнюдь не идентично рынку времен дикого капитализма. Автор настаивает на том, что пришло время осознать: Болгария отчаянно нуждается в рыночной экономике, а не в рыночном фундаментализме (с. 20).

5. Миф о приватизации как спасательном круге болгарской экономики

Идеологи приватизации обещали, что она автоматически решит все проблемы и обусловит успешное экономическое развитие. Мифологизация роли приватизации в Болгарии продолжается и по сей день, при этом ущерб, нанесенный ею экономике страны, игнорируется. В результате приватизации Болгария осталась без авиакомпании, из строя вышли огромные мощности военно-промышленного комплекса, машиностроения, металлургии, химической промышленности. Пленники мифа о приватизации забывают, что приватизация является лишь средством для создания рыночной экономики, а не олицетворяет ее. Болгарии нужна приватизация, способствующая росту конкуренции, которая в свою очередь будет стимулировать рост качества производимых товаров и услуг и эффективность самого производства. Для Болгарии опасна приватизация, которая разрушает производственно-технологические связи, ведет к потере рынков, утрате делового имиджа страны. Приватизация лишила страну завоеванных позиций в ряде отраслей. В частности, Болгария утратила позицию ведущего производителя кальцинированной соды и стала аутсайдером в этой отрасли.

Фетишизация приватизации создала абсурдную ситуацию в банковской сфере, в которой почти не осталось болгарских банков, так как доминируют иностранные собственники. В стране получили широкое распространение швейные предприятия с иностранным капиталом, в которых условия труда такие, какими они были два века назад.

Пришло время понять, что рыночная экономика является ничем иным, как созидательной атмосферой, использующей наиболее эффективно энергию нации и создающей условия для наиболее полного развития потенциала данной нации.

6. Миф о мелком и среднем бизнесе как одном из основных китов экономического расцвета Болгарии

Три вида бизнеса (мелкий, средний, крупный) развивались спонтанно, а не посредством директив. В переходный период в Болгарии на мелкий и средний бизнес возлагались такие надежды, которые не были реализованы ни в одной стране мира, где эти виды бизнеса развивались параллельно или на основе крупного бизнеса. Автор называет опасными по своим последствиям для экономики Болгарии восторги по поводу мелкого семейного бизнеса, в том числе в аграрном секторе. Опасны и беспочвенны утверждения, что бедность и голод можно преодолеть с помощью семейных подрядов, ориентированных на самообеспечение в натуральных хозяйствах. В этом подходе просматривается тенденция к разрушению общественного разделения труда. Семейный бизнес создает квазизанятость, ведь натуральное хозяйство ориентировано на собственные нужды, оно не стимулирует работников, не требует повышения квалификации и эффективности труда. По своей сути, такой бизнес не является носителем прогресса и не может стимулировать экономический рост. Ориентация на мелкий бизнес означает для экономики страны движение в обратном направлении, «возвращение к пещерному уровню» (с. 23).

Сама проблема заключается не столько в размерах бизнеса (мелкий, средний, крупный), сколько в возможности данного вида бизнеса оптимально функционировать. Речь идет о характере производимого продукта (его сложности), о характере (сложности) используемой технологии. Развитые страны отличаются от развивающихся, в том числе и по тому, как (какими средствами производства и какими технологиями) они осуществляют производственный процесс. Болгария не сможет попасть в число развитых стран, делая ставку преимущественно на мелкий бизнес.

7. Миф об иностранных инвестициях как экономической панацее

На иностранные инвестиции в Болгарии возлагаются большие надежды. Считается, что они автоматически разрешат все существующие проблемы. Однако инвестиции могут быть как фактором роста экономики, так и ее тормозом. Прибегая к иностранным инвестициям, необходимо правильно определить их размер, а это в свою очередь связано с опре-

делением необходимого и возможного темпа экономического роста. Необходимый темп составляют те параметры, которые обеспечивают условия для ускоренного перехода от более низкой к более высокой ступени экономического развития. Возможный темп роста определяется унаследованной структурой экономики. Оценка экономического потенциала проводится с помощью динамической модели фон Ноймана. Если максимально возможный темп экономического роста оказывается ниже необходимого темпа экономического роста, то страна нуждается в иностранных денежных вливаниях, размер которых определяется разницей между необходимым и возможным темпами развития.

Использование иностранных инвестиций означает сознательное внесение дисбаланса в экономику, в текущие операции платежного баланса. Каковы размеры данного дисбаланса, какова длительность его существования и какая модель финансирования потребует для поддержания данного дисбаланса — вот перечень вопросов, встающих перед страной-заемщиком. Иностранные инвестиции используются в двух формах: иностранное кредитование и прямое инвестирование. Форма инвестирования определяется самими инвесторами, в зависимости от их интересов и от состояния бизнес-среды, эффективности функционирования экономики в данной стране, показателей ее платежеспособности. При прямом иностранном инвестировании забота об эффективном использовании займов ложится на плечи иностранного инвестора, а при кредитовании эта ответственность падает на страну, берущую заем.

За прошедшее двенадцатилетие иностранные инвестиции в болгарскую экономику оказались чисто символическими по сравнению с инвестиционным процессом в других трансформирующихся странах. Таким образом, в мотивации иностранных инвесторов экономическая логика преобладает над политической и идеологической, это логика эффективности вложений. Только эффективно функционирующая экономика Болгарии может стать привлекательной для иностранных инвесторов. Инвестиционные проекты с большей степенью окупаемости вложений позволяют стране-заемщице не только обслуживать свои долги, но и получать больший доход, чем она имела до того, как обратилась к политике займов.

Иностранные займы не решают автоматически проблемы роста экономики. Гораздо важнее эффективность функционирования самой экономики. В свою очередь эффективность, с которой используются природные ресурсы, человеческий фактор, технический и технологиче-

ский уровень зависят от стратегии развития, качества управления. Заключая свои рассуждения об иностранных инвестициях, автор ссылается на мнение Милтона Фридмана, который считает, что иностранная помощь реформируемым странам Восточной Европы «нанесла больше вреда, чем пользы» (с. 31).

8. Миф о том, что в Болгарии существует функционирующая экономика

В нескольких докладах Европейского союза о состоянии болгарской экономики констатировалось отсутствие работающей рыночной экономики в стране. Эта оценка не совпадает с мнением болгарских реформаторов, склонных к мифологизированию. Основная причина отсутствия функционирующей экономики в Болгарии заключается в подмене цели переходного процесса средствами ее достижения. Успехи приближения страны к рыночной экономике рассматриваются только как замена одних используемых инструментов другими (степень либерализации цен, валютный режим, увеличение доли частной собственности на средства производства, доля частного сектора в ВВП и т. д.). Фетишизация того или иного экономического инструмента приводит к тому, что либерализация проводится ради самой либерализации, приватизация ради самой приватизации и т. п. Рыночная экономика отличается от других типов экономики своей способностью «достигать большей эффективности и справедливости и тем самым создавать изобилие благ — главного условия существования человека» (с. 32). Краткое и наиболее полное определение сути рыночной экономики сводится к ее тождеству созидательной атмосфере. Прошедшие годы реформ в Болгарии не доказали болгарам преимуществ рыночной экономики по сравнению с тем, как они жили до 1989 г. Годы трансформации доказывают уникальность задач перехода от командной экономики к рыночной экономике. Современные рыночные экономики Запада развивались эволюционным путем прежде, чем достигли своего нынешнего состояния. Проблема состоит в том, приложима ли теория, описывающая и отражающая данный эволюционный путь, к экономикам стран, принудительно отклонившихся от логики этого естественного развития (с. 32).

9. Миф о том, что иностранные эксперты знают больше и их работа полезнее для решения задач трансформации

В процессе болгарских реформ выяснилось, что преклонение перед иностранными рецептами опасно, так же как и слепое следование этим рецептам. У иностранных экспертов нет знания специфики болгарской экономической ситуации. Тем не менее, болгарские реформаторы восприняли рекомендации МВФ как некий щит, который их спасет. Автор приводит мнения Джона Гэлбрейта и Збигнева Бжезински об опасностях, подстерегающих реформаторов в Восточной Европе. На заре перестроечных процессов Дж.Гэлбрейт отмечал, что привязанность к идеологии свободного предпринимательства, а также убежденность в том, что государство не должно играть никакой роли в экономике, может оказаться пагубной даже для США, если бы они прислушивались к таким советам (с. 34). Зб.Бжезински, со своей стороны, предупреждал об опасности упрощенного, механистического способа восприятия новой догмы о свободном рынке, в которой не учитывается социальная цена и политические риски. Он писал, что «одновременное преследование цели демократии и цели свободного рынка может оказаться губительным для обеих... Жертвами могут оказаться как свободный рынок, так и зарождающаяся демократия» (там же). Эти предупреждения не были услышаны, а их правота оказалась подтверждена последующим ходом событий.

10. Миф о быстром переходе с помощью шоковой терапии

Торопливость перехода к рыночной экономике в Болгарии, не учитывающая реалии и нюансы ситуации в стране, лишь сделали более затратным процесс перехода и крайне удлинители его. Для создания предпринимательской этики, для осуществления приватизации необходимы долгие десятилетия терпеливых усилий. «Горький болгарский опыт реформ показывает, насколько пагубна философия “вначале действуй, потом размышляй”».

11. Миф о том, что реформы нуждаются в действии, а не в длительном обдумывании

Ряд западных политологов в начале трансформационных процессов писали о том, что политическое и экономическое переустройство командной экономики в рыночную экономику должно быть тщательно обдумано, подготовлено и осуществляться поэтапно, так как этот путь еще никто не осуществлял. Пагубность импровизаций подтверждают результаты переходного процесса в Болгарии. Выяснилось, что для успешной трансформации необходимы не отдельные идеи, а целостная система идей по осуществлению данного процесса. Автор видит необходимость в проведении конкурса проектов, посвященных развитию болгарской экономики. Конкурс должен рассмотреть возможные варианты будущего развития страны, провести их сравнительный анализ, выявить оптимальные составляющие всех проектов. Главную задачу подобного конкурса автор видит в преодолении догматической веры в то, что существует только одно решение проблем будущего развития болгарской экономики (с. 37).

2

Автор статьи «Либерализм – ошибочная философия болгарского перехода» В.Бузов указывает, что для посттоталитарной риторики, дискредитированной сегодня в определенной мере, но все еще остающейся популярной в Болгарии, характерно воспевание неolibеральных ценностей и легких рецептов быстрого достижения процветания. Эти рецепты базируются на опыте развитых западных стран и включают монетаризм, масштабную приватизацию, вывод государства из экономики и из остальных сфер и делают ставку на свободно развивающийся рынок. Таким образом, старый идеологический догматизм марксизма и его официальные интерпретации оказались заменены поклонением неolibерализму. Автор выражает сомнение в эффективности подобных новых рецептов прогресса для Болгарии. По крайней мере в ближайшие 20 лет, по его мнению, Болгария вряд ли достигнет уровня экономических и социальных показателей кризисного для нее 1989 г. Возможно, стратегия трансформации была ошибочной, а пропаганда ее безальтернативности является заблуждением.

Проблемы посттоталитарного развития Болгарии и других восточноевропейских стран связаны с тем, что философия реформ — экономический либерализм — является односторонней и неэффективной «в наше динамичное время новых революций в науке и технологиях». Опыт Аргентины показывает, что рецепты Международного валютного фонда и Всемирного банка, воплощающие идеи Фр. Хайека, Р.Дарендорфа, М.Фридмана, на практике оказались неудачными.

В основе философии либерализма лежит индивидуализм. Однако он не является универсальной чертой природы человека, а лишь идеологией, ведущей свое происхождение от европейской философии Нового времени и западноевропейских моделей организации общества. Индивидуализм оказывается неприемлемым для большинства обществ и государств в Азии, Африке и Латинской Америке и даже Европе. В мультикультурных и многонациональных государствах он ведет к уничтожению различий и пренебрежению коллективными правами национальных меньшинств и маргинальных групп (с. 216).

Современное государство должно функционировать как общественная организация, которая гарантирует использование национальных богатств для блага всего общества. Функции такого государства требуют перераспределения общественного богатства для того, чтобы облегчить положение обездоленной части общества, проистекающего из несправедливого социального устройства.

Уход государства из некоторых жизненно важных сфер ведет к постепенному разрушению его суверенитета, что в свою очередь угрожает самосохранению общества, его социального и экономического благополучия. Негативные примеры такого рода постоянно увеличиваются. Это отказ от государственной монополии в сфере телекоммуникаций, разгосударствление энергетики и железных дорог и др. Особую тревогу вызывает прекращение помощи государства науке, образованию и культуре, так как экономический прогресс связан с инновациями в сфере науки и технологии. Экономические результаты развития этих сфер достигаются не сразу, но от этого они не являются менее значимыми, чем производственные отрасли. В современных рыночных условиях уровень науки и образования снижается, что постепенно ведет к их обезличиванию и разрушению.

Таким образом, в переходный период развития Болгарии радикальный либерализм является ошибочной стратегией, которая ведет к обнищанию страны, к ее отставанию от развитых стран, к разрушению

национального суверенитета и сложившейся структуры общества. Необходимо внести поправки в эту стратегию, усилить роль государства, самоуправленческих общин и других социальных подсистем, которые защищают и утверждают общие интересы, ценности и традиции, все то, что способствует идентичности и интегрированности болгарского государства.

3

По мнению М.Горсова, автора статьи «Социальные аспекты экономической трансформации», после 10 ноября 1989 г. особенно тяжелые последствия для болгарского общества имела трансформация экономической и правовой систем. Переход от государственной собственности к частной не был плавным, рыночная экономика не стала функционировать идеально, а правовая система оказалась неэффективной в новых условиях.

В результате проведенной приватизации к 2001 г. доля государственной собственности в Болгарии уменьшилась до 20%. Безработными оказались 29% трудоспособного населения страны, то есть каждый третий. Между тем в Европейском союзе безработица составляет в среднем 7–8% (с. 305–306). Население Болгарии сократилось с 9 млн. в 1989 г. до 7,5 млн. в 2000 г. Численность ученых в Болгарской Академии наук сократилась вдвое. За переходное десятилетие из страны уехали на Запад 800 тыс. квалифицированных работников, подготовка которых стоила стране 100 млрд. долларов по оценкам западных экспертов (с. 306).

Человеческие ресурсы Болгарии постепенно исчерпываются, выросла детская смертность — ежегодно умирают 15 тыс. детей (с. 307). Болгарская семья тратит 44,1% из семейного бюджета на питание, в то время как в странах ЕС этот показатель равен 19,4%. Реальные доходы болгар постоянно сокращаются из-за инфляции и роста налогов — если в 1990 г. на них приходилось 11,1% доходов граждан, то в 2000 г. 23% (с. 307).

Обобщая сказанное, автор отмечает, что государство лишено какой-либо возможности влиять на экономические процессы, происходящие в стране. Американская модель социально-политического управления в болгарских условиях не работает.

Итогом переходного двенадцатилетия в Болгарии оказывается «наличие 200 партий, свобода прессы, всеобщий хаос и социальный регресс — кризис общества в целом» (с. 308). В стране отсутствуют общие ценности, нормы поведения, моральные устои. Население «продолжает жить в иллюзорном мире старой экономической системы, упорно отказываясь подчиняться произошедшим переменам» (там же). Из-за отсутствия стратегии экономических реформ суть трансформации остается непонятной для подавляющей части болгар.

Государство превратилось из полновластного собственника в распределителя собственности. Частный сектор Болгарии сегодня создает 70% ВВП. Основу экономики страны составляют несколько крупных предприятий. Налоговая система Болгарии не в состоянии работать исходя из долгосрочной перспективы и не способна стимулировать развитие среднего и малого бизнеса, а сами налоговые поступления крайне низки. Куда идут собранные деньги и в каком объеме — болгарское общество не знает. Несмотря на «отчаянное состояние экономики» в результате 12 лет реформирования, у страны «все еще есть шанс использовать оставшиеся ресурсы, изменить ход осуществляемой трансформации» (с. 309). Для изменения сложившегося статус-кво, когда отдельные фигуры определяют развитие экономики страны, политическая система Болгарии должна быть полностью подчинена экономическим интересам.

В настоящее время экономика Болгарии не может функционировать из-за причин, порождаемых самим обществом, «которое живет лишь воспоминаниями о прошлом и мечтами о будущем» (с. 309). Необходимо подвести итоги проделанного за прошедшие 12 лет, а сами реформы продолжать осуществлять уже «не таким бесконтрольным и абсолютно хаотическим способом» (там же). Государство должно подключить частный сектор к реализации социальной политики.

Л.М.Светлорусова

Г.КАРАСИМЕОНОВ
НОВАЯ ПАРТИЙНАЯ СИСТЕМА В БОЛГАРИИ

Г.КАРАСИМЕОНОВ
Новата партийна система в България. — София, 2003. — 224 с.

Автор является директором Института политических и правовых исследований, профессором Софийского университета им. «Св. Кл. Охридского».

Многочисленные политические партии и различные партийные формирования, появившиеся после 1989 г. в Болгарии, стали основным символом зарождающейся в стране демократии. Возникающие партии, ассоциации, союзы, клубы дали возможность болгарским гражданам реализовывать долгие годы подавляемое право к политическому волеизъявлению. Пробуждающееся гражданское общество предъявило коммунистической партии, все еще стоявшей у власти, требование кардинального изменения политической системы. Новые партии стали «незаменимым инструментом мирного перехода от тоталитарной системы к демократии» (с. 7).

Особую роль в этом процессе сыграл Союз демократических сил — основной оппонент БКП в 90-е годы. Новая партийная демократия получила легитимность на первых свободных выборах, проведенных в июне 1990 г. и положивших начало демократическому политическому процессу в Болгарии.

Политическая история Болгарии после 1989 г. является в большой степени историей возникновения и эволюции политических партий. Они являются специфическими посредниками между гражданским обществом и государственными институтами. За прошедшие годы после начала трансформации деятельность партий получила неоднозначную

оценку в болгарском обществе. Социологические опросы свидетельствуют в целом об отрицательной ее оценке. Критическое настроение общества понятно, так как новые партии и их элиты столкнулись с решением сложных проблем, требующих специальных знаний и опыта, им пришлось принимать тяжелые, непопулярные решения. В отличие от развитых демократий, в Болгарии отсутствовал необходимый политический опыт. Дефицит демократической политической культуры и традиций породил феномен политической коррупции, зачастую партии превращались в инструменты отстаивания личных и групповых интересов за счет национальных. По сути, политические партии оказались отражением незрелости гражданского общества, новой политической системы и политической элиты. Они были и остаются продуктом динамично меняющейся ситуации и среды в стране. Одновременно с этим партии сумели обеспечить мирный переход общества от тоталитарной к демократической политической системе, предохранить общество от острых конфликтов и катаклизмов, обеспечить относительно стабильное функционирование государственных институтов и необратимость процессов демократизации.

Тоталитарное правление БКП (1948–1989) завершилось отстранением от власти ее лидера Т.Живкова 10 ноября 1989 г. Процесс демонтажа партийной монополии на власть прошел через три этапа. *На первом этапе (10 ноября 1989 г. — 13 января 1990 г.)* шла либерализация режима и предпринимались попытки сохранить позиции коммунистической партии. Одновременно стали возникать первые политические партии и организации, оспаривавшие монополию БКП и боровшиеся за демократизацию политической системы в стране.

На втором этапе (18 января — 10 июня 1990 г.) осуществлялась формальная демократизация политической системы. В это время была отредактирована Конституция, из которой убрали положения о руководящей роли компартии, а также были внесены новые тексты, регламентирующие деятельность политических партий. Основная заслуга демократизации политической системы принадлежит работе «Круглого стола» (3 января — 15 мая 1990 г.), в котором участвовали две партии — БКП и СДС. Многие принятые тогда решения повлияли на создание новых законов и внесение изменений в Конституцию, затрагивающие деятельность политических партий в Болгарии, и лишавшие БКП политической монополии и контроля. Достигнутые в процессе заседаний «Круглого стола» договоренности (Закон о выборах в Великое Народное Собра-

ние, Закон о политических партиях) позволили в дальнейшем сформировать базу новой демократической политической системы Болгарии, ядром которой является политический плюрализм.

На третьем этапе (июнь 1990 г. — 12 июля 1991 г.) были окончательно преодолены все формальные и фактические основания для существования партийной монополии в стране. Были проведены парламентские выборы состава Великого Народного Собрания (июнь 1990 г.), задачей которого было принятие новой Конституции Болгарии. Из 40 участвовавших в выборах партий большинство мест (54%) получила Болгарская социалистическая партия (БСП), бывшая БКП, в коалиции со своими партнерами. Союз демократических сил (СДС) стал второй политической силой (36%). Земледельческая партия (БЗНС), партнер БКП в недавнем прошлом, заняла третье место. На четвертом месте оказалась новая политическая партия, представляющая интересы турецкого этнического меньшинства в Болгарии — Движение за права и свободы (ДПС).

Процесс формирования многопартийной системы в Болгарии проходил при сохранении сильных позиций и большого влияния БКП и ее наследницы БСП. Трансформация БКП — БСП в демократическую партию в течение длительного времени оказывала существенное влияние на формирование многопартийной системы в стране в целом. «Процессы, протекавшие в БКП — БСП, особенно на начальном этапе, предопределили эволюцию партийного плюрализма, в том числе оппозиции» (с. 47).

Мирный переход от одной политической системы к другой позволил избежать гражданской войны в Болгарии, но одновременно этот же процесс обусловил длительное влияние БКП — БСП на многопартийную систему и политический процесс в стране в целом. По сравнению с другими восточноевропейскими странами (Польша, Венгрия), замедленная трансформация в Болгарии привела к сохранению в течение долгого времени «асинхронного плюрализма в пользу БКП — БСП» (с. 48).

На президентских выборах в августе 1990 г. победу одержал представитель оппозиции Желю Желев (лидер СДС), который активно способствовал созданию новой нормативной базы государственного управления в Болгарии. Многие посты в исполнительной власти заняли представители оппозиции, которая получила возможность влиять на управление страной. Так закончилась монополия БКП — БСП в институтах исполнительной власти.

Принятие новой болгарской Конституции 12 июля 1991 г. означало официальное признание принципа политического плюрализма, запрет

на монополию одной партии занимать все посты в государственных институтах в стране, запрет на существование партий, целью которых является насильственный захват государственной власти.

В январе 1992 г. на президентских выборах вновь померились силами две основные политические партии Болгарии — БСП и СДС, и вновь президентом был избран Желю Желев.

Первые свободные демократические выборы в Болгарии, в соответствии с новой болгарской Конституцией, были проведены 13 октября 1991 г., одновременно с местными выборами общинных советников и кметов. Эти выборы имели исключительное значение, так как они должны были решить вопрос о власти и соотношении политических сил в центре и на местах. Избирательная кампания проходила в условиях обостренной конфронтации БСП и СДС и привела к «историческому изменению в соотношении сил» (с. 70). СДС победил с минимальным перевесом, получив 34,36% голосов и 110 мандатов, БСП получила 33,14% голосов и 106 мандатов. Третья политическая сила — Движение за права и свободы — получила 7,55% и 24 мандата. Проведенные выборы показали, что центристски ориентированные партии не получили серьезной поддержки болгарских избирателей (с. 71).

В дальнейшем облик болгарской посткоммунистической партийной системы характеризовался острой конфронтационностью БСП и СДС, имевших примерно равную поддержку избирателей. Сторонниками СДС были преимущественно жители крупных городов, а сторонниками БСП жители небольших городов и сел. Возникшая двухполюсная модель оказалась нестабильной и неустойчивой. Наличие новой третьей политической силы — Движения за права и свободы (ДПС) — делало возможным менять соотношение сил между основными партиями и влиять на состав исполнительной власти в Болгарии. Конфронтационность стала на долгие годы чертой, негативно воздействующей на работу болгарских политических партий, как находящихся в оппозиции, так и стоящих у власти (с. 55).

Эта конфронтационность повлияла и на процессы, происходившие в 1992–1994 гг. внутри двух коалиций. В СДС взяла верх непримиримая линия ее лидера Филиппа Димитрова. Ряд внутренних конфликтов ослабили СДС и привели его к партийному кризису, грозившему распадом союза. В БСП после прихода к власти Жана Виденова (декабрь 1991 г.) также возобладала «твердая линия», способствовавшая росту оппозиционных настроений в партии.

В период между 1992—1994 гг. в Болгарии делались попытки создания центристской политической альтернативы, которая бы смягчила противостояние СДС — БСП. Так, в марте 1993 г. был создан Совет по сотрудничеству партий и движений политического центра, в состав которого вошли Болгарская социал-демократическая партия, Зеленая партия, Движение за права и свободы и др. Однако острая поляризация по оси «коммунизм-антикоммунизм» между БСП и СДС ограничивала возможности деятельности умеренных центристских сил в Болгарии.

В общественном настроении страны произошел поворот влево, в сторону БСП, с которой болгары связывали надежды на достижение стабильности и социальной безопасности. Первые годы управления СДС были оценены болгарским обществом негативно. Перепады общественного настроения связаны с «нестабильностью партийной системы, неопределенностью идентичности основных политических партий, внутренними расколоениями и конфликтами в них» (с. 79). Поляризация отношений между БСП и СДС в эти годы происходила на основе не только идейно-ценностных различий, но столкновения социальных и экономических интересов. Процессы приватизации и реституции, формирования нового частного капитала, распределения и перераспределения экономических ресурсов страны «были отмечены партийно-государственной протекцией и фаворитизмом, что превращало партии и партийную систему в звено столкновения экономических интересов и способствовало развитию процессов клиентелизма и коррупции в них» (с. 80).

Проведение досрочных парламентских выборов 18 декабря 1994 г. привело к возникновению нового соотношения сил в болгарском парламенте. БСП выиграла выборы, завоевав 43,5% голосов избирателей, тогда как СДС получила лишь 24,23% голосов. Абсолютное большинство мест в парламенте оказалось у БСП и ее партнеров — 52,08%. Результаты выборов позволили БСП самостоятельно сформировать правительство и оказывать в дальнейшем решающее влияние на законодательный процесс. Таким образом, БСП после 1989 г. вновь получила реальный шанс управлять страной. Двухполюсная партийная модель сохранилась в прежнем виде как противостояние двух политических сил — БСП и СДС.

Управление страной правительством БСП во главе с Ж.Виденовым в 1995—1997 гг. было отмечено глубоким экономическим и финансовым кризисом. Результатом его стал развал банковской системы Болгарии, экономический коллапс и финансовый хаос.

Сложные, противоречивые процессы протекали и внутри ведущих болгарских партий. В БСП обострились противоречия, которые привели к столкновениям между отдельными течениями, к нарастанию изоляции Ж.Виденова, вступившего в конфликт с перестроечными патриархами А.Лукановым и А.Лиловым. Кризис в БСП изменил общественное настроение в пользу СДС, который принял курс на открытость в отношении общества. Внутри Союза демократических сил шли процессы консолидации и постепенной трансформации его из коалиции в единую партию. Эти процессы завершились в 1998 г., когда на 10-ой партийной конференции было принято решение об объявлении СДС партией, претендующей на лидирующие позиции в правом политическом пространстве и отстаивающей идеологию европейских христианских демократов. Председателем СДС был избран Иван Костов.

С утверждением СДС в качестве правоцентристской партии и с возникновением в 1997 г. новой политической партии Болгарских евролевых (БЕЛ) в Болгарии возникла возможность реструктурирования политического пространства для преодоления двухполюсной партийной модели, стабилизации межпартийных отношений и восстановления диалога между политическими партиями.

На третьих досрочных парламентских выборах 17 апреля 1997 г. СДС выступил в составе коалиции ОДС (Объединения демократических сил) и одержал победу, собрав 52,26% голосов. А БСП в союзе с партнерами получила только 22,07% голосов болгарских избирателей. Этот результат оказался для БСП худшим после 1989 г., он свидетельствовал об утрате БСП значительной части сторонников. Эти выборы знаменовали окончание гегемонии БСП в партийной системе Болгарии. Поражение БСП способствовало сдвигу соотношения болгарских политических сил в пользу правоцентристских партий, среди которых доминирующие позиции занимал СДС. Возникла возможность создания более сбалансированного типа межпартийных взаимоотношений и ограничения конфронтации СДС и БСП.

Перед правительством Объединенных демократических сил (ОДС) стояла необходимость проведения болезненных для общества реформ в основных сферах экономики и социальной инфраструктуры Болгарии. Первоначальное стремление ОДС к проведению согласованной политики с ДПС и партией Болгарских евролевых не удалось реализовать. Парламентская группа ОДС отказалась от линии согласования позиций партий реформаторского большинства в болгарском парламен-

те, что привело в 1999 г. к уходу ДПС и БЕЛ в оппозицию. Политическая атмосфера в стране вновь стала конфронтационной, усилилась нестабильность как отдельных партий, так и партийной системы в целом. Критика управления ОДС нарастала и со стороны оппозиционных партий, и со стороны общества. Реформы в экономике, особенно проведение приватизации, радикальные изменения в социальном законодательстве и др. вызывали споры в болгарском обществе. Их подстегивали ухудшение социального положения многих болгарских граждан, рост безработицы и социальной неуверенности, а также коррупция управленцев из рядов правящей ОДС. Спад доверия к СДС и ОДС по сравнению с 1997 г. показали проведенные в 1999 г. местные выборы в общинные советы и выборы кметов. На 11-ой партийной конференции СДС (февраль 2000 г.) выявилось, что возникновение проблем у СДС совпало с принятием ею на себя функций правящей партии: произошло ее «огосударствление» и разрыв связей с гражданским обществом (с. 95). Централизация власти ограничила внутрипартийную демократию, сузилась политическая и социальная база СДС. На 12-ой партийной конференции СДС (май 2001 г.) был обновлен состав партии, принята отставка ряда ведущих партийных фигур. В то же время усилились позиции лидера партии Ивана Костова.

В БСП тяжелый внутренний кризис привел к идейной переориентации. Новый партийный лидер Г.Пырванов взял курс на открытость партии в отношении других левых формаций. Однако консолидации левых партий помешала конкуренция между БСП и БЕЛ. В БСП оформилось новое идейное течение «Движение за единство и развитие БСП», которое стремилось модернизировать партию, признать рыночную экономику и евроатлантическую ориентацию вплоть до вступления Болгарии в НАТО. Новая линия была утверждена на очередном партийном съезде БСП в середине 2000 г. В партийной резолюции отмечалось, что членство Болгарии в НАТО является частью внешнеполитической ориентации, свидетельствующей о приближении БСП к позициям международной социал-демократии. В январе 2001 г. БСП и ряд партий создали Союз новых левых, придерживающихся социал-демократической ориентации. Так, несмотря на продолжающиеся внутренние распри, БСП «превратилась из посткоммунистической в социал-демократическую организацию» (с. 98).

На парламентских выборах 2001 г. на болгарской политической сцене неожиданно появился новый политический субъект — Симеон Вто-

рой, болгарский царь, живший до этого в изгнании. Возглавленное им Национальное движение Симеон Второй (НДСВ) «вклинилось в партийное пространство Болгарии всего за два месяца до проведения парламентских выборов» (с. 99). Этому способствовали три обстоятельства. Во-первых, в партийном пространстве Болгарии возник определенный вакуум из-за утраты основными политическими партиями Болгарии (БСП и СДС) поддержки среди значительной части болгарских избирателей. Согласно социологическим исследованиям того времени, около 50% болгарских избирателей не собирались голосовать на выборах 2001 г. (с. 99). Во-вторых, последствия реформ 1996–1997 гг. в Болгарии привели к острым проблемам среди большинства болгарских семей и породили разочарование и недовольство политикой правящих до этого партий. Новая политическая структура — НДСВ — стала своеобразной отдушиной для разочарованных и недовольных граждан. В-третьих, личность самого Симеона Второго стала тем фактором, который способствовал быстрому принятию болгарским обществом возглавляемой им партии. Симеон Саксбургготский олицетворял собой новый тип политика, свободного от ответственности за реформы последних 12 лет. Он являлся для болгар носителем новой политической культуры, не связанной с конфронтацией прошедшего периода. На нем сфокусировались ожидания болгарских граждан, рассчитывавших на перемены к лучшему с приходом царя к власти. Быстро составленная предвыборная программа НДСВ сочетала в себе элементы либеральных и популистских социально-экономических предложений по реформированию Болгарии. Программа была обращена к основным социальным группам и предлагала болгарам быстрое экономическое развитие, социальную справедливость, соблюдение моральных принципов в политике, борьбу с коррупцией, интеграцию в ЕС и НАТО.

В результате на парламентских выборах 2001г. новая партия НДСВ получила 42,74%, ОДС 18,18%, а БСП, выступавшая в коалиции с 15 небольшими партиями (Коалиция за Болгарию), получила 17,15% голосов. БСП стала жертвой протестного голосования избирателей, наказавших таким образом эту партию за ее политический курс после 1989 г. Выборы 2001 г. обусловили резкое изменение в соотношении партийных сил и парламентских групп нового парламента. Оказалась окончательно разрушенной существовавшая до этого двухполюсная модель партийной системы с чередованием прихода к власти СДС и БСП.

Каждая из этих партий получила менее 20% голосов избирателей, что превратило их из крупных в средние партии.

Движение за права и свободы (ДПС), партия, электорат которой составляет преимущественно турецкое население, выступила совместно с союзниками и набрала 7,4% голосов. В четвертый раз эта партия вошла в состав болгарского парламента и утвердилась в нем как неотъемлемая часть новой партийной системы. В качестве коалиционного партнера НДСВ Движение за права и свободы приобрела возможность играть значимую роль в будущем управлении страной.

После июня 2001 г. сложилась принципиально новая ситуация, обусловившая глубокие изменения в партийной системе Болгарии. От партийной конфигурации 2+2 (две крупные партии — БСП и СДС, и две небольшие партии — ДПС и Партия болгарских евро-левых) произошел переход к формуле 1+2+1 (один лидер — НДСВ, плюс две средние партии, плюс одна небольшая партия).

Новое правительство во главе с Симеоном Сакскобургготским приступило к управлению Болгарией в июле 2001 г. Будущее покажет, насколько жизнеспособной окажется новая партийная конфигурация.

Переходная партийная система, возникшая в Болгарии в 1989 г., исчерпала себя после выборов 2001 г. (с. 9). Последующие годы стали временем формирования новой партийной системы, характерной для консолидированных демократий, в которых возникает новая конфигурация партийных формаций и появляется новый тип взаимоотношений.

Автор определяет партийную систему как подсистему демократической политической системы. Утверждение определенной партийной системы отражает прежде всего процессы расслоения в данном обществе, которые привели к формированию осознанных политических интересов и поведения, политической ориентации и идентификации с соответствующей партией. Формирование того или иного типа партийной системы оказывается также следствием целенаправленной нормотворческой деятельности политической элиты по воздействию на политический процесс и партийную деятельность. Примером подобной деятельности являются законы о политических партиях и выборах, принятие того или иного типа избирательной системы. Особое значение в периоды социальных трансформаций имеют поведение и культура новой политической элиты. Все перечисленные факторы определили возникновение, эволюцию и становление новой партийной системы в Болгарии.

В 1989 г., когда начался процесс формирования новой партийной системы, Болгария представляла собой «исключительно лабильную, радикально трансформирующуюся экономическую, политическую и духовную среду» (с. 194). Однако эти условия отличались от условий формирования партий в странах развитой демократии. В Болгарии была прервана связь с политической традицией, существовавшей до 1934 г., когда в стране имелись зачатки партийного плюрализма. В НРБ были уничтожены основы демократического порядка и гражданских свобод. Экономическая монополия государства создала специфическую для социализма социальную структуру. Идеологическая монополия деформировала общественное сознание и ограничила возможности утверждения демократических ценностей. Новая формировавшаяся партийная система оказалась продуктом своего общества, но одновременно она стала активным фактором, влияющим на ход и направление трансформации.

Автор использует для анализа периода трансформации в Болгарии понятия расслоений (или кливиджи), имевших конфликтный потенциал и повлиявших на форму и сущность новой партийной системы. Пользуясь методологией С.Липсета и С.Рокана, предлагающей типологию кливиджей, он отмечает, что типичным для государств переходного периода, оказавшихся в ситуации, подобной той, что сложилась в Болгарии после 1989 г., стало появление исторических кливиджей. Именно они определяли партийную конфигурацию в предтоталитарный период. Особо острым в прошлом был классовый кливидж (рабочие—капиталисты); наряду с ним имели место религиозные кливиджи (католики, протестанты и т.п.), национально-этнические кливиджи, противостояние центра и периферии (город—село).

В ряде посткоммунистических обществ появились «исторические» партии со своей партийной традицией, идущей из прошлого. В болгарских исторических партиях эти традиции оказались слабыми, вытесненными долгими годами существования социализма. Восстановление в Болгарии в 90-е годы XX в. таких партий, как БСДРП, БЗНС, Демократической партии и др. имело ограниченное значение для новой политической реальности, а их прежняя идентичность слилась с их новым образом в качестве учредителей СДС. Попытка этих партий выступить на выборах самостоятельно, вне СДС, привела к минимальной поддержке их болгарским электоратом, превратив их в маргинальные партии (с. 195).

Единственной болгарской исторической партией, сохранившей политическое влияние, но в корне изменившей свою сущность, оказалась БКП. Эта партия заняла социал-демократическое пространство.

На новую партийную систему Болгарии практически не оказали влияния религиозные и национально-этнические кливиджи. Определяющее влияние в переходный период стал оказывать новый тип кливиджа — идеологический, ценностный кливидж. Идеологические и ценностные разногласия (коммунизм — антикоммунизм) легли в основу той разделительной линии, по которой шли партийные размежевания и которые привели к конфронтации политических партий. Этот кливидж вообрал в себя противоречия двух политических блоков (БСП и СДС) в оценке прежнего режима и судьбы коммунистических лидеров, в отношении к темпам и сущности происходящих изменений, к характеру конституционного устройства страны, к способу переустройства власти (революционного или эволюционного), к геополитической ориентации. Длительность воздействия этого кливиджа и проявления его в обостренной форме были обусловлены гегемонией БСП и медленными процессами трансформации внутри компартии в первые годы преобразований в Болгарии после 1989 г. Это в свою очередь усиливало радикализацию ее главного оппонента — СДС.

Этнический кливидж обусловил появление партии Движение за права и свободы (ДПС). Этнические проблемы обострились в Болгарии в 80-е годы из-за ассимиляционной политики БКП в отношении турецкого меньшинства. Вначале поводом для возникновения этнической партии стала защита прав турок, живущих в Болгарии, восстановление их гражданских и политических свобод. Союз демократических сил принял ДПС в свои ряды как союзника по антикоммунистической борьбе. Однако этот этнический кливидж не стал источником этнического противостояния благодаря гибкой политике БСП (с. 197). Со временем ДПС была интегрирована в партийную систему, приобрела статус третьей партии, хотя и небольшой, но способной балансировать между двумя большими блоками, влияя на управление страной и поддерживая одну из ведущих сил.

Утверждению подобной партийной конфигурации способствовала избирательная система с 4%-ным барьером, которая ограничивала возможность существования мелких партий.

К концу века оба рассмотренных кливиджа исчерпали себя. К этому времени были осуществлены основные реформы и стала ясной необратимость перехода Болгарии к демократической политической системе, рыночной экономике, внешнеполитической ориентации на ЕС и НАТО. Был достигнут относительный консенсус по базисным ценностям новой экономической и политической системы между болгарскими ведущими партиями СДС, БСП и ДПС. Сложившиеся условия привели к консолидации партийной системы, что в свою очередь обусловило переход к новой (или ко второй) партийной системе. После парламентских выборов 2001 г. произошло расслоение правого блока, завершилась трансформация БСП, что и обусловило этот переход.

В 2003 г. вторая партийная система находилась в процессе формирования. Ее эволюция будет зависеть от того, какие новые кливиджи возникнут, как будут складываться внутрипартийные процессы, как это скажется на изменениях электоральных предпочтений и партийной идентификации. Эволюция новой партийной системы — длительный процесс, на который влияют новая социальная структура болгарского общества и его ценностные установки, меняющаяся политическая культура граждан и политического класса, так и «политическое конструирование» с помощью изменений в избирательном законе и избирательной системе Болгарии.

В ходе трансформации государственно-административной экономики в рыночную экономику складывается совершенно новая структура занятости и трудовых ресурсов, новый тип соотношения между основными социальными группами активного и неактивного населения и их социально-экономическими интересами. Ряд авторов делит общество с точки зрения потерь и приобретения от реформ. Доля людей, пострадавших и выигравших от реформ, в восточно-европейских странах различна. Исследования показывают, что большинство болгар оказались в группе понесших потери (80,7%), и лишь небольшая часть болгар не пострадали (13,9%) или даже выиграли (5,4%) от проводимых реформ (с. 199—200). Такое состояние общества рождает крайне конфликтную ситуацию между большинством болгар и малочисленной прослойкой олигархов и зажиточных граждан, включающих в себя и государственную бюрократию, живущую на коррупционные доходы. Эти противоречия, содержащие в себе возможность конфликта, в ближайшем будущем могут привести к серьезным изменениям в партиях и партийной системе Болгарии.

Болгары, пострадавшие от реформ, не видят в партиях, меняющихся у власти, реальной альтернативы проводимому политическому курсу. Для них СДС и БСП являются главными акторами трансформации, которая привела к обнищанию огромного числа людей. Именно этим можно объяснить неожиданный результат выборов 2001 г. и успех НДСВ. Голосование болгар было протестом против СДС и БСП, которые в сознании большинства избирателей являются выразителями интересов тонкой прослойки людей, получивших выгоду от проведенных реформ. Если социально-экономическая ситуация в Болгарии не изменится после окончания срока мандата НДСВ, то число ее сторонников резко сократится, а сама партия превратится в маргинальную.

В подобной ситуации возрастет поддержка избирателями традиционно левых партий, защищающих их социальные интересы. Автор считает наиболее вероятным плюрализацию партийной системы Болгарии в недалеком будущем, когда в парламенте получат представительство четыре — пять небольших партий, при отсутствии партийно-политического лидера.

В дальнейшем изменение подобной ситуации станет возможным только после интеграции Болгарии в ЕС. По мере развития в Болгарии рыночной экономики оформятся *три основные социальные группы* с разнородными интересами и политическими устремлениями: 1) маргинальные группы, состоящие из людей, пострадавших от реформ, имеющих низкий уровень жизни, пенсионеров, безработных; 2) новый средний класс, чья численность будет постепенно увеличиваться; 3) новый класс капиталистов и зажиточных людей, занимающих прочные позиции в рыночной экономике Болгарии.

Одним из важных факторов, влияющих на партийную систему, является избирательная система. Действующая пропорциональная система с 4%-ным барьером для прохождения в парламент «является наиболее удачной для переходных периодов развития, т.к. гарантирует более широкую представительность политических партий и закрепляет их роль в политическом процессе» (с. 204). Имеется и ряд недостатков, типичных для незрелых демократических обществ. Формируется специфическая партийная каста — партократия. Именно руководящие эшелоны партий принимают решения о назначениях чиновников в представительные институты, возможности же реализации права выбора гражданами оказываются ограниченными, а политическая ответственность избранных лиц весьма незначительной. Ограниченная внутрипартийная демо-

кратия сужает возможности гражданского общества по воздействию на процесс выборов. «Поэтому в специфических условиях неразвитой демократии *пропорциональная система цементирует элитарный тип партийной системы*, ограничивает ее мобильность и возможность реального воздействия со стороны граждан на партийные процессы, способствуя острой конфронтации между политическими элитами и превращению партийной системы в инструмент узкопартийных интересов партократии» (с. 204).

Болгарская партийная система стоит перед необходимостью решения ряда проблем, которое позволит превратить нынешние нестабильные, номенклатурные и слабо институционализированные партии в стабильный фактор консолидирующей демократии.

Партии в Болгарии продолжают оставаться малозависимыми от гражданского общества. Большинство партий возникли не как результат массовых движений протеста в обществе, «не снизу, а сверху». Натиск гражданского общества политические партии использовали в своих собственных целях в 1990—1991 гг. и в 1996—1997 гг., быстро забывая декларируемые обещания. То, что партии оторваны от гражданского общества, свидетельствует о слабости самого гражданского общества, неспособного осуществлять постоянное давление и контроль. Политические партии находятся в сильной зависимости от экономических интересов и влияния бюрократического аппарата и государственной администрации. Более того, *партии остаются инструментами в руках государства, отстаивая специфические партийно-бюрократические интересы*, часто расходящиеся с интересами гражданского общества, выступая в том числе против ограничения привилегий бюрократии (с. 206).

Типичным недостатком болгарской демократии является недостаточный профессионализм высших эшелонов власти. А самой характерной болезнью партий, пришедших к власти, является коррупция. Острота последней проблемы такова, что она «угрожает существованию самих демократических институтов» (с. 208).

Автор выделяет в качестве особого феномена болгарской политической жизни *крайне слабую внутрипартийную демократию*, которая «порождает тоталитарное поведение» (с. 208). Отсутствие внутрипартийной демократии отрывает партии от гражданского общества и в конечном счете ведет к кризису их легитимности.

Поддержание цивилизованных межпартийных отношений в болгарских условиях особенно важно. Биполярная модель, сложившаяся

после 1989 г. в Болгарии, была настолько конфронтационной, что исключала нормальный политический диалог между основными парламентскими силами, а также затрудняла сам политический процесс, когда партийные интересы ставились выше общественных. Утверждение культуры политического плюрализма, достижение баланса интересов становятся крайне важными для межпартийных отношений.

В последние годы перед болгарскими партиями встала необходимость преодоления кризиса легитимности. Растущее недоверие правящим партиям со стороны общества привело к возникновению феномена «абсентеизма» избирателей. Кризис доверия свидетельствует об усилении разрыва между политическими партиями и гражданским обществом, что в перспективе может привести к дестабилизации сложившейся партийной системы. От того, удастся ли партиям преодолеть этот кризис, зависит консолидация болгарской демократии.

Л.М.Светлорусова

**ПРИСОЕДИНЕНИЕ БОЛГАРИИ К ЕВРОСОЮЗУ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**
Сводный реферат

1. СТАНКОВ П. Евроинтеграция — проблемы, перспективы и предизвикательства за България // България в началото на XXI век — икономическа, правна и социална трансформация. — Велико Търново, 2002. — С. 138–145.

2. ДОНЕВ Т. Глобализацията в контекста на присъединяването на България към Европейския съюз // Там же. — С. 132–137.

Одним из критериев членства в Евросоюзе, пишет П.Станков в статье «Проблемы, перспективы и вызовы, стоящие перед Болгарией», является способность страны-кандидата справиться с натиском конкуренции и включиться в рыночные взаимосвязи ЕС. Выполнение этих условий Болгарией зависит от того, как функционирует рыночная экономика и насколько стабильным является экономическое развитие страны. Макроэкономическое развитие Болгарии можно назвать стабильным, но ему присущи неблагоприятные тенденции на рынке труда, капиталов и финансов.

Высокий уровень безработицы создает немало трудностей для экономической политики болгарского правительства. Решение этой проблемы возможно осуществить несколькими способами: 1) стимулируя развитие бизнеса; 2) отдавая предпочтение созданию новых рабочих мест; 3) стимулируя внутреннее потребление товаров и услуг; 4) пытаясь вывести хотя бы часть экономики из тени. Комплексное и безотлагательное осуществление этих мер было бы оптимальным для развития страны. В 2000 г. в Болгарии объем кредитов составлял 24% ВВП, а объем накоплений достигал 27%. В данной ситуации уменьшение ставок

налогов в корпоративном подоходном налогообложении даст результат только тогда, когда рынок получит стимул со стороны спроса, т. е. когда увеличатся доходы потребителей.

Проблему повышения доходов потребителей можно решить тремя способами. Во-первых, снизить налогообложение фирм, что приведет к росту зарплат. Во-вторых, повысить минимальный уровень зарплат в стране в целом или хотя бы бюджетным работникам, что могло бы способствовать увеличению спроса. В-третьих, создавать новые рабочие места усилиями правительства, облегчить условия для развития бизнеса, заменить лицензирование режимом регистрации, всячески способствовать выведению бизнеса из тени.

По оценкам Еврокомиссии, ситуация на болгарском рынке капиталов остается сложной, в целом он остается неразвитым. Поэтому не следует мешать вывозу болгарских капиталов за границу, так же как и притоку «рискованного» капитала в страну. Во всем мире фирмы, связанные именно с такого рода капиталами, являются основными инвесторами, что может сыграть положительную роль и в развитии болгарской экономики. Проблемы финансового рынка Болгарии связаны прежде всего с банковским сектором. Кредиты, отпускаемые на развитие частных предприятий, остаются крайне низкими (в 2000 г. — 14,7%) по сравнению со странами ЕС (с. 141). Для стимулирования банковской деятельности в стране был отменен запрет на выдачу кредитов, не обеспеченных капиталами.

Научно-техническая интеграция Болгарии в ЕС также несет больше проблем, чем перспектив. Число научных сотрудников постоянно сокращается, эмиграция болгар с техническим образованием на Запад «обескровливает нацию» (с. 142). Ряд рекомендаций Еврокомиссии заслуживают внимания. К ним относятся требования по разработке политики, стимулирующей инновации и создание мелких и средних предприятий, обеспечение финансовой среды, поощряющей развитие технологий и т.д.

Качество инфраструктуры (транспортной, телекоммуникационной и административной) является фактором экономического роста) и, вследствие этого, заслоном натиску рыночной конкуренции со стороны ЕС. Еврокомиссия считает основной проблемой современной Болгарии состояние транспортной инфраструктуры. Для решения этой проблемы приоритет должны получить проекты, связанные со строительством моста вблизи городов Видин и Калафат, завершение создания автомагист-

рали «Тракия», идущей до границы с Турцией, строительство нового аэропорта в Софии и железной дороги, связывающей Болгарию и Македонию. Осуществление финансирования этих проектов зависит от участия Болгарии в европейских фондах и получения облигационных займов, или же от их финансирования проектов Мировым банком.

Перспектива интеграции Болгарии в ЕС ставит новые задачи перед энергетическим сектором страны. Болгария заинтересована в продолжении работы первых четырех блоков атомной электростанции «Козлодуй». Однако если закрытие этих блоков станет условием принятия в ЕС, то необходимо пойти на этот шаг.

Болгария должна расширять торговые связи с ЕС, сохраняя и торговые отношения со своими традиционными партнерами. Положительным фактом для Болгарии как торгового партнера ЕС является сокращение таможенных пошлин. Отрицательной тенденцией во взаимоотношениях с ЕС является то, что Болгария в основном экспортирует продукты с низкой степенью переработки, а импортирует технологические продукты с высокой степенью переработки. Все это свидетельствует о нерезализованных возможностях по обеспечению более высокой занятости болгарского населения. Особенно важно для Болгарии восстановить в ближайшее время интенсивную торговлю с Россией, странами Ближнего Востока.

2.

По мнению Т.Донева, автора статьи «Глобализация в контексте присоединения Болгарии к Европейскому союзу», ЕС представляет собой экономическое и политическое объединение, которое можно рассматривать как модель глобализации. Международные компании развешивают свою деятельность в Болгарии, проводя более агрессивную инвестиционную политику, чем болгарские предприятия. Они имеют более простую и гибкую систему управления, а само управление оказывается более эффективным. Зарплаты в международных корпорациях на 30% выше, чем в болгарских предприятиях. Интеграция болгарской экономики в европейские структуры позволит ей стать частью мировой экономической системы, создать открытый рынок труда, активно внедрять современные технологии в производство.

Интеграционные процессы привносят наряду с преимуществами и некоторые трудности в развитие болгарской экономики. К ним относятся

ограничение конкурентоспособности местных фирм из-за меньших финансовых ресурсов, что ограничивает их доступ к новым технологиям; отток квалифицированных сотрудников на предприятия с более высокой оплатой труда; опасность переброски «грязных» производств, не соответствующих стандартам ЕС, на территорию Болгарии. Несмотря на эти трудности Болгария не останется в стороне от процессов глобализации. Изменения, охватившие потребительские рынки, а также рынки труда и капиталов, внедрение новых технологий, процессы слияния корпораций — все это стало неотъемлемой частью развития современной Болгарии.

Л.М.Светлорусова

К.БАЙЧИНСКА
МОДЕРНИЗАЦИЯ И КОНСЕРВАТИВНОСТЬ –
ДВЕ ТЕНДЕНЦИИ В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОЙ
БОЛГАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

К.БАЙЧИНСКА
Модернизиращата и консервативната тенденция в ценностите на съвременната българската култура // Социологическите проблеми. – С., 2002. – № 3–4. – С. 122–139.

Автор статьи использует теоретическую модель С.Шварца, лежащую в основе межкультурного исследования (1987–1994), охватившего 50 стран, среди которых была и Болгария.

Любая культура может быть охарактеризована с помощью *семи ценностных категорий*: консерватизм, автономность (интеллектуальная и аффективная), иерархия, эгалитаризм, гармония и профессионализм. Отношения между данными ценностными категориями отражают основные противоречия, которые каждое общество должно разрешить. Каждая культура отдает приоритет одной из перечисленных категорий. Автор подчеркивает наличие определенного сходства между ценностями иерархии и профессионализма. И те и другие имеют в качестве главной цели самоутверждение индивидуума в социальном и индивидуальном плане. Самоутверждение требует осуществления контроля за окружающей средой, основывающегося на личном волеизъявлении. Существует сходство и между ценностями эгалитаризма и гармонии. «Обе эти категории предполагают самотрансцендентность индивидуума, контроль за окружающей средой, основанный на общественном согласии и единении с природой» (с. 125).

После 10 ноября 1989 г. в Болгарии произошло *изменение в системе ценностей* на макросоциальном, культурном и индивидуально-личностном уровнях. Скорость и направление изменений в системе ценностей зависит прежде всего от социальной группы, к которой принадлежит индивид. Происходящие макросоциальные изменения воспринимаются разными социальными группами по-разному. Некоторые из них видят в этих изменениях только негатив и пытаются сохранить старую ценностную систему, выражая таким образом консервативную тенденцию. Позитивно настроенные социальные группы выражают модернизирующую тенденцию. На основе подобного подхода в исследование были включены пять групп, представляющих обе тенденции — учителя и студенты по теологии (в качестве выразителей консервативной тенденции), бизнесмены и студенты вузов, а также безработные (как выразители тенденции к модернизации).

К.Байчинска останавливается на рассмотрении вопроса о *сущности тенденции к модернизации в болгарской культуре*. Она основывается на послышке о том, что произошедшие изменения в социально-политической жизни — отказ от государственной опеки по отношению к гражданам, увеличение экономической свободы граждан, восстановление политического плюрализма и т.п. — ведут к актуализации ценностной альтернативы — «коллективизм/индивидуализм». Данная альтернатива охватывает старый и новый типы экономики (социалистическую и рыночную), позволяет рассматривать социальные перемены в Болгарии как попытку изменения основных ценностных ориентиров общества — переход от коллективизма к индивидуализму как социальной норме.

«Индивидуализм/коллективизм» является в качестве переменной, которая позволяет охарактеризовать не только культуру, но и отдельного индивида. В данном исследовании эта переменная рассматривается как установка индивида, так как в современной болгарской культуре отсутствует выраженная культурная доминанта индивидуализма или коллективизма, в ней одновременно сосуществуют не только разные, но и прямо противоположные ценностные установки.

Автора прежде всего интересует соответствие или несоответствие новых социально-экономических идеалов ценностным установкам отдельного индивида, а также вопрос о том, влияют ли социальные изменения на индивидуальные ценности людей и каковы они в настоящее время. Было установлено, что ценности болгар на индивидуальном уровне зависят прежде всего от того, как отдельный индивид решает ценно-

стную альтернативу между коллективизмом и индивидуализмом. Индивидуалисты стремятся к иерархическим социальным отношениям и готовы к риску, а коллективисты стремятся к горизонтальным, равноправным социальным отношениям и сохранению своего статус-кво.

Проведенные исследования показали, что изменения в ценностной системе современного болгарина выражаются в усилении установки к индивидуализму: возрастает стремление к успеху, свободе, богатству, самоутверждению за счет стремления к сотрудничеству, справедливости, следованию традициям, соблюдению порядка. Постепенно меняется идеал социальных отношений — уменьшается стремление к равенству в социальных отношениях и нарастает стремление к иерархии.

На макроуровне декларируются западноевропейские и американские ценности, идеалы и установки. В связи с этим возникает вопрос, какой социальный субъект способен осуществить социальные изменения в Болгарии. Носителями тенденции к модернизации болгарской культуры являются лица с индивидуалистическими ценностными установками. Их культурный идеал близок к западноевропейским идеалам. Носителями консервативной тенденции в болгарской культуре являются люди с коллективистскими установками. Их культурный идеал близок восточноевропейским идеалам. Проведенные в 1995 г. (1216 респондентов) и в 1996 г. (600 респондентов) исследования показали, что в группах, выражавших консервативную тенденцию (учителя и студенты Духовной академии) в ценностной системе, доминировал коллективизм. В группах, выражавших тенденцию к модернизму (бизнесмены и безработные) преобладал индивидуализм.

В целом же болгарская культура остается внутренне противоречивой. Культурную модель индивидуалистов можно определить как эгалитарный либерализм, близкий к культурной модели западноевропейских студентов. Культурную модель коллективистов отражает эгалитарный консерватизм, близкий к культурной модели восточноевропейских учителей. Меняющиеся правительства в Болгарии отдают предпочтение то одной, то другой из ценностных моделей, что обуславливает нестабильность болгарской внешней и внутренней политики.

Ценности эгалитаризма и профессионализма могут сыграть роль объединителей для людей с противоположной ценностной ориентацией. Более релевантной объединительной категорией автор считает профессионализм. Амбициозность, независимость, успех и другие атрибуты профессионализма имеют значение для людей с любой политической

ориентацией и существенны для изменений как в индивидуальной, так и в социальной жизни.

Объединение болгарской нации на основе ценностей эгалитаризма также возможно. Согласно исследованиям, у индивидуалистов ценности эгалитаризма занимают третье место в ценностной иерархии, вслед за профессионализмом и самостоятельностью. Значимость эгалитаризма в болгарской политике обусловлена тем, что ориентация только на профессионализм и иерархичность может оказаться опасной. В них делается акцент на самоутверждении за счет самоотдачи, что характерно для индивидуалистов. Подобный подход может сформировать общество со слабыми институтами социальной защиты.

Будущее развитие страны требует сближения в определенной степени культурных моделей индивидуалистов и коллективистов. Необходимо утверждение такой сбалансированной ценностной модели, которая уменьшит социальную цену перехода как в индивидуальном, так и в социальном плане.

Л.М.Светлорусова

Ф.САБО, А.БОРШАНЬИ
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ КРИЗИС В ВЕНГРИИ:
ФАКТЫ И МНЕНИЯ

Перед Второй мировой войной, в годы правления Хорти, венгерские социогграфы называли туберкулёз, заболеваемость которым приобрела в стране массовый характер, *morbus hungaricus*, т.е. венгерской болезнью. В наши дни этим названием обозначают наблюдаемое во всех регионах сокращение численности венгерского населения. Вне всяких сомнений, демографические проблемы возникли после развала социалистической системы во всех странах Центральной и Восточной Европы. В начале нового века во всех этих странах проходила перепись населения. По ее данным, у западных славян численность населения удерживается на прежнем уровне, а вот в остальных странах региона она в значительной мере сократилась: в Украине более чем на 3 миллиона, в Румынии более чем на 1 миллион, в Сербии и Черногории почти на полмиллиона, а в Венгрии на 200 тыс. по сравнению с данными за прошлое десятилетие.

На первый взгляд может показаться, что дела в Венгрии обстоят не так уж плохо, однако при внимательном анализе данных становится понятным, что именно в Венгрии положение является наиболее серьезным. Дело в том, что сокращение численности населения началось в Венгрии уже 1981 г., что было нетипичным для всей Европы того времени, за исключением немецких земель. Исследуя положение в Венгрии, необходимо принимать во внимание и демографическую ситуацию в среде венгерских меньшинств, проживающих в соседних с ней странах, поскольку по Версальскому договору 1920 г. треть населения Венгрии оказалась за ее пределами после того, как границы страны были пересмотрены. Так возникло то трехмиллионное национальное меньшинство, ко-

торое вплоть до развала Советского Союза считалось самым большим в Европе. Теперь, как мы знаем, таковым считаются русские. Численность проживающих в соседних странах венгров еще больше увеличилась, когда в самой Венгрии начались негативные процессы. 20 лет назад более половины населения Карпатского бассейна, который приблизительно равняется по территории исторической Венгрии, составляли венгры. В наше время их число не превышает и 40%, и это при том, что из Венгрии, в отличие от Румынии, Украины и бывшей Югославии, не было значительного оттока населения. Сокращение численности населения в вышеупомянутых трех странах можно объяснить именно эмиграцией. Из Румынии, наряду со значительным числом румын, выехали прежде всего венгры, немцы и цыгане, из Украины — немалая часть евреев, русских и поляков. Что же касается Югославии, то она уже во времена Тито превратилась в своего рода «проходной двор», когда сотни тысяч людей легально выезжали на работу за границу. Военные конфликты 90-х годов повлекли за собой новые потери.

Положение в Венгрии после 1956 г. было относительно стабильным, даже смена политической системы здесь прошла спокойнее, чем в других странах, но, тем не менее, сокращение численности населения приняло характер эпидемии. Изучающие закономерности демографических процессов специалисты знают, что сокращение численности населения не является результатом экономического или политического кризиса, ухудшающихся условий жизни. Это доказывают примеры многих благополучных западноевропейских стран, которым лишь с помощью иммиграции удается поддерживать численность населения и баланс трудовых ресурсов.

С точки зрения этнического состава, Венгрию можно назвать почти гомогенной страной, поскольку за исключением 190 тыс. граждан, считающих себя цыганами, в ней проживает лишь несколько десятков тысяч человек, принадлежащих к тому или иному меньшинству. По данным за 2001 г., это 62 тыс. немцев, 8 тыс. словаков, 16 тыс. хорватов, 8 тыс. румын, 5 тыс. украинцев, 4 тыс. сербов, 3 тыс. поляков и словенцев и т.д. Это всего лишь около 3% от общего населения страны, составляющего 10 млн. 198 тыс. человек, в то время как в окружающих Венгрию странах — за исключением Польши и Чехии, где ситуация похожа на венгерскую, — по-прежнему проживают значительные по своей численности национальные меньшинства. В Украине, по официальным данным, доля русских составляет 17,3%, в Румынии и Словакии доля венг-

ров — 8% и 9,7%, не говоря уже о Сербии-Черногории, где двухмиллионное албанское меньшинство, возможно, составляет 20% от приблизительно 10-миллионного населения страны. Мы не приводим точных цифр потому, что имеющиеся в нашем распоряжении данные переписи 1991 г. нельзя считать полностью достоверными из-за сопротивления албанцев при проведении переписи. Но и кроме них в Сербии-Черногории проживает немало представителей других меньшинств. Помимо санджакских мусульман и албанцев в Приштине, это 290 тыс. венгров. Они проживают почти исключительно в пограничной с Венгрией Боеводине, где составляют 14,3% населения.

На численность венгров негативно влияют всевозможные демографические факторы. На численность венгров, проживающих в самой Венгрии, — в первую очередь естественная убыль населения, хотя надо заметить, что данными относительно миграции за пределы страны мы не располагаем. На численность венгров, проживающих за пределами Венгрии (за исключением Словакии), прежде всего — эмиграция, и лишь на втором или третьем месте после нее можно назвать негативное соотношение между рождаемостью и смертностью.

Говоря о венграх, проживающих за пределами страны, нельзя пренебрегать таким фактором, как ассимиляция, особенно в случае Словакии, хотя именно в этом вопросе мнения расходятся в наибольшей степени.

Как мы видим, население Венгрии в 2001 г. составляло 10 млн. 198 тыс. человек, всего на 185 тыс. меньше, чем в 1990 г., когда оно равнялось 10 млн. 375 тыс. человек, в то время как смертность была намного больше — 350 тыс. человек. Каким же образом получились столь «благополучные» показатели на проходившей два года назад переписи населения? Хотя многие специалисты указывают на методологические ошибки статистической обработки, большинство все же сходится на том, что баланс был в некоторой мере уравновешен за счет иммигрантов. Это подтверждается и данными последних переписей населения соседних стран, где было зарегистрировано меньше, чем ранее, венгров: в Румынии на 190 тыс. (1 млн. 420 тыс. венгров), в Словакии на 47 тыс. (530 тыс. венгров), в Сербии-Черногории более чем на 50 тыс. (290 тыс. венгров), в Украине на 6,5 тыс. (154 тыс. венгров), в Хорватии на 6 тыс. (16 тыс. венгров). В Словении данные переписи населения пока не обнародованы, однако можно предположить, что и там число венгров (8 тыс.) сократилось на несколько тысяч. Именно среди этих 300 тысяч венгров и

следует искать тех, кто переселился в Венгрию. Точные или даже максимально приближающиеся к точным цифры назвать трудно, поскольку последовавшие за сменой системы изменения, в первую очередь постоянное или временное облегчение режима пересечения границы, неполнота и несогласованность регистрации делают это невозможным. В области миграции столько сложных, скрытых, более того, нелегитимных элементов, что даже обладающие стабильной управленческой системой западные страны не способны регистрировать и отслеживать их, а что уж говорить о зачастую буквально захлебывающихся в хаосе средне-и восточноевропейских бюрократиях. За исключением, пожалуй, Германии, ни в одной стране статистики не в состоянии отслеживать передвижение въезжающих и выезжающих мигрантов.

Из всех граничащих с Венгрией стран только в Австрии отмечается хоть и небольшое, но увеличение (около 7 тыс. человек) численности венгров. Этот факт помогает нам понять демографическую ситуацию, сложившуюся за последние десять лет в странах бывшего социалистического лагеря. Международная миграция происходит в направлении с востока на запад, ее цель — оседание в наиболее развитых, заинтересованных в притоке рабочей силы странах. Картина несколько усложняется тем, что для двух наиболее многочисленных национальных меньшинств Европы, русских и венгров, так же, как для, возможно, и молдавских румын, стрелка компаса указывает не на часть света, а на историческую родину, правда, в последних двух случаях и это — западное направление.

Таким образом, демографические потери венгров за первое десятилетие после смены системы составляют примерно полмиллиона человек. 60% этого числа приходится на соседние с Венгрией страны, а около 40% на саму Венгрию. И хотя мы не располагаем данными относительно точного числа венгров, эмигрировавших на Запад, мы всё же попытаемся определить масштабы этих потерь: всего за одно десятилетие венгры потеряли 3—4% от общей своей численности. Естественно, это утверждение носит образный характер, поскольку многие из них лишь изменили местожительство или идентификацию. Но и тогда эти показатели тревожны, особенно для тех, а их немало в Венгрии, кто силу нации склонен видеть, в первую очередь, в численности ее населения.

Трудно расставить по степени важности факторы, ведущие к сокращению численности венгров — эмиграцию, естественную убыль и ассимиляцию. Отчасти из-за неполноты имеющихся у нас данных, отчасти

из-за того, что в каждой стране ситуация имеет свои особенности. В Венгрии, безусловно, на первом месте стоит естественная убыль населения, однако нельзя забывать и о том, что несколько десятков тысяч человек уехало из нее. Проанализировав данные немецкой статистики, можно прийти к заключению, что в Германии постоянно находится около 60 тысяч венгров, часть из которых, возможно, уже получила гражданство, часть проживает временно, а может быть, даже нелегально. И в Австрию могло попасть около 20 тысяч венгров, особенно из Румынии. В Венгрии изменения в идентификации странным образом затронули не только меньшинства. Интересным и в своем роде уникальным явлением можно считать то, что за исследуемый период увеличилась, причем в заметных масштабах, численность всех — за исключением румын — меньшинств: цыган — на 50 тыс., немцев на 30 (!) тыс. человек. Наш анализ еще больше усложнится, если мы введем в него проблему признания родного языка и национальной принадлежности, поскольку сопоставление этих данных проливает свет на новые аспекты проблемы. Заметим только, что во всех соседних с Венгрией странах отмечается одно и то же явление: намного больше число тех, кто во время переписи назвал в качестве родного языка венгерский, чем тех, кто признал свою национальную идентификацию. В Словакии, например, более 10% из тех, кто считает родным языком венгерский, не признали себя венграми. Венгерские аналитики отмечают, что это очень высокое соотношение, по сравнению с этим в Румынии этот показатель, например, составляет 1—2%. Явно, что в Словакии что-то не в порядке в отношении к меньшинствам как в официальной политике, так и в общественной жизни. На это же указывает еще один факт. Партия 9,7-процентного венгерского меньшинства *Венгерская коалиционная партия* получила на выборах 11,3% голосов. Некоторые наивные аналитики писали по этому поводу, что политика этой партии оказалась настолько привлекательной, что за неё проголосовали и словаки, тогда как речь идет просто о том, что в антивенгерской атмосфере «венгров-избирателей» обнаружилось больше, чем предполагалось по статистике. Подобные примеры столь странного проявления своей национальной идентификации уже бывали в истории. Например, в свое время в буржуазной Чехословакии, когда представители венгерского населения, вытесненного официальной статистикой за 20%-ный рубеж, один за другим выиграли на выборах в органы самоуправления в Кошице, Ужгороде и других городах.

На наш взгляд, сомнительной является и методика проведения переписи населения в Словакии, поскольку введение анонимности переписных листов, на первый взгляд необходимое для обеспечения соблюдения прав личности, делает невозможной последующую проверку точности заполнения. И если переписчик был активным словацким патриотом, это могло отразиться на итогах переписи.

Несмотря на практически завершившуюся эмиграцию венгерской интеллигенции из Украины, потери там относительно невелики: раньше там проживало 157 тыс. венгров, теперь их стало всего на 4% меньше. Однако прискорбен тот факт, что в Берегово, где раньше венгры составляли абсолютное большинство, теперь они лишь в относительном большинстве. Говоря об Украине, необходимо хотя бы бегло коснуться вопроса русинов. Известно, что венгры и словаки предпочли бы, чтобы закарпатские славяне признали себя русинами, а не украинцами. По данным переписи в Венгрии, в стране проживает тысяча русинов, и 6 тысяч украинцев. В Словакии это соотношение пятьдесят на пятьдесят: по пятнадцать тысяч тех и других. А вот в Закарпатье русины, похоже, вымирают, поскольку в статистиках они не фигурируют. Или это просто такой вопрос, который воскрешает неприятные, дурные воспоминания?

Специалисты, исследующие потери в численности венгров в Румынии, расходятся во мнении относительно того, который из демографических факторов — эмиграцию или естественную убыль — считать определяющим. Похоже, уровень ассимиляции в Трансильвании, где проживают большинство венгров, составляющих 20% от всего населения, невысок. Можно заметить, что среди рассеянно проживающих венгров случаи ассимиляции встречаются намного чаще, чем среди компактно проживающего на территории в пятнадцать тысяч квадратных километров миллионного населения Восточной Трансильвании. Тем не менее численные потери здесь просто убийственны для венгров. В каждом из таких средних по численности населения городов (150–300 тыс. человек), как Клуж, Орад, Тыргу-Муреш, Тимишоара, только за одно десятилетие численность венгров сократилась на 15–20 тыс. человек, в результате чего этнический состав этих городов радикально изменился. В Клуже, где еще 40 лет назад венгры преобладали, их численность официально опустилась ниже 20-процентной планки, что особенно прискорбно, поскольку только выше этой границы закон обеспечивает право на двуязычность в общественной жизни. Вследствие эмиграции и старения населения уже и в Тыр-

гу-Муреше, столице Восточной Трансильвании, в настоящее время проживает больше румын, чем венгров. Многие полагают, что мы имеем дело с временной, «циркулирующей» миграцией, то есть уехавшие на Запад, в том числе и в Венгрию, венгры когда-нибудь могут вернуться. Однако для этого Румынии пришлось бы очень «поднапрячься», без быстрой модернизации эти планы останутся лишь мечтами. Во всяком случае, в Венгрии считают, что этот процесс необратим. Можно ожидать, что некогда населенные венграми территории постепенно будут пустеть, даже в том случае, если уже несколько лет обсуждающийся закон о льготах, призванный материально поддержать желающих остаться на родине, оправдает возлагаемые на него надежды.

Похоже, что и в Сербии-Черногории, и в Северной Воеводине устойчивое демографическое положение венгров пошатнулось. За приблизительно 20-процентным сокращением населения последовало масштабное заселение сербов, разбавившее когда-то почти компактное проживание на этой территории венгров. Перенесший за последнее десятилетие большие страдания сербский народ с демографической точки зрения получил утешение только в этом регионе, его численность возросла здесь с 57 до 65%. Хорватских венгров согнал с насиженных мест конфликт между сербами и хорватами, линия фронта которого проходила как раз по их земле. Те из них, кто вернулся домой из Германии или Венгрии, потянулись главным образом в хорватские города. Их национальное будущее, похоже, так же предопределено, как судьба нескольких тысяч венгров в Словении.

Тему демографического кризиса в Венгрии можно назвать вечной. В том, что сокращение численности населения — это серьезная тема, согласны все, и левые, и правые. Единодушны они и в том, что проживающим вне пределов Венгрии соотечественникам надо добиваться лучшей жизни там, где они родились, посредством реализации прав меньшинств и экономического развития. Однако относительно масштабов конкретных мер и возможностей согласия уже нет, противоречия обнаружились при принятии закона о поддержке проживающих за границей венгров. Националистически настроенные правые попытались давлением заставить правительства соседних стран пойти на уступки, однако некоторых результатов они добились лишь там, где для европейской интеграции требовалась и поддержка Венгрии. Например, в Румынии и Югославии. Сербская элита, долгое время считавшая свое положение безнадежным, настолько позитивно относится к поддержке венгров на

законодательном уровне, что даже предложила возможность двойного гражданства. В отличие от этого румынское правительство предприняло попытку пойти на попятную и выйти из соглашения, когда в 2002 г. в Будапеште сменилось правительство. В Словении, Хорватии и Украине венгры не представляют собой серьезных статистических единиц, именно поэтому там готовы на уступки по отношению к ним. А вот Словакия и, что удивительно, Австрия настроены негативно. Правое правительство Микулаша Дзуринды так же решительно выступает против венгерского закона о льготах, как и предшествовавшее ему. И оно может себе это позволить, поскольку дорога в Европейский союз и в НАТО им открыта. Австрия не считает возросшее в результате иммиграции до 40 тыс. человек венгерское население исконно проживавшим там. Они готовы подерживать только несколько тысяч бургенландских венгров. Им они намерены предоставить те права, которые предписываются нормами ЕС и которые действительны в Западной Европе. Похоже, Венгрии и венгерской диаспоре в Карпатском бассейне придется осознать, что их европейская мечта — по крайней мере, в отношении национальных прав, — основывается на иллюзиях.

Так почему же венгерскую демографическую ситуацию, несмотря на наличие в ней общих с другими центрально- и восточноевропейскими странами черт, следует считать особой, почему ее с полным основанием можно назвать *morbus hungaricus*? Венгрия по-прежнему входит в число стран с наиболее низкой рождаемостью в регионе, и поскольку эта тенденция удерживается уже несколько десятилетий, по старению населения она находится на первом месте. В формировании в стране негативных демографических процессов западного типа сыграло роль немало причин: с одной стороны, страшные национальные трагедии — потеря территорий по Версальскому договору, мировые войны, эмиграция в 1956 г. (200 тыс. беженцев), с другой стороны, опередившая соседние страны модернизация, а также роль и вес самого крупного метрополиса региона Будапешта. При всем этом уровень здравоохранения и социального обеспечения оставался «весьма восточноевропейским». Характерно, что по продолжительности жизни более развитая в экономическом отношении Венгрия и сегодня не опережает соседей. Однако подлинную специфику венгерской проблемы надо искать в социологическом положении и поведении той части венгерской нации, которая проживает за ее пределами. На пороге нового тысячелетия, вступая в эру демократии, венгры за рубежом стремятся освободиться от своей роли жертвы, по-

давяющее большинство надеется найти лучшую долю в Венгрии. Однако венгерские политики еще не осознали этого. Националисты, возможно, ещё надеются на какое-то возмещение национального ущерба, пусть даже в одеждах ЕС, что же касается либерально-космополитических политиков, то они с радостью доверили бы решение этого вопроса глобальным тенденциям, если бы не соображения борьбы за голоса избирателей. В среде специалистов постепенно распространяется признание того факта, что миграция, являющаяся частью демографической проблемы, может обернуться пользой для страны, поскольку она способна на несколько десятилетий отодвинуть экономические проблемы, вытекающие из старения населения, за счет вливания представителей молодого поколения зарубежных венгров. Результаты переписи населения в Венгрии 2001 г. показывают, что Венгрия, подобно западноевропейским странам, превратилась в страну иммиграции. Примерно 80% прибывающих сюда мигрантов составляют венгры, с которыми не возникает столько проблем, сколько с иммигрантами на Западе, где большая их часть является представителями других цивилизаций. Со временем это научное наблюдение может перерасти в концепцию национальной стратегии. В бурлящей, изменяющейся, объединяющейся Европе борьба с сокращением численности населения, считающимся *morbus hungaricus*, при умелом политизировании может обернуться для Венгрии преимуществом.

Л.С. ЛЫКОШИНА

КРИЗИС ВЛАСТИ В ПОЛЬШЕ. ЛЕВЫЕ УХОДЯТ?

(Аналитический обзор)

В 2003 г. польские политики, публицисты и аналитики, следящие за развитием политических процессов в Польше, довольно единодушно заговорили о кризисе власти и кризисе государства. Доказательством такого рода позиции служили, в частности, результаты социологических исследований, свидетельствующие о падении рейтинга правительства, снижении доверия к нему, сообщения о все новых и новых экономических аферах с участием высокопоставленных должностных лиц, передаваемые польскими СМИ, непрекращающийся рост безработицы и трудности в экономике.

Между тем, кажется совсем недавно, осенью 2001 г., все было по-другому. Тогда на очередных парламентских выборах польские левые набрали более 40% голосов избирателей и стали лидерами парламентской гонки. Политический маятник в стране решительно качнулся влево. Поражение прежних хозяев польского сейма стало воистину сокрушительным: они даже не вошли в парламент. А ведь это были политические силы, связанные с «Солидарностью» (Избирательная акция «Солидарность» — ИАС), с системными реформами и их лидером — Л.Бальцеровичем (Союз Свободы — СС). Победа левых ни для кого в Польше не явилась неожиданностью: ее предсказывали, ее ждали. Более того, многие аналитики рассчитывали даже на больший успех левых сил, на то, что последние сумеют получить большинство в сейме и не будут

нуждаться в коалиции с другими парламентскими фракциями. Но хотя победа оказалась «одна на всех», это была победа.

Итоги выборов 2001 г. стали «вторым пришествием» левых во власть: первое произошло в 1993 г., когда социал-демократы в союзе с Польской крестьянской партией образовали правящую коалицию в сейме.

Новый век Польша встретила с президентом «социал-демократического происхождения» и с парламентом, где первую скрипку играют представители той же политической формации. Однако объективные условия, в которых приходится действовать нынешним социал-демократам, достаточно сложны, что связано в первую очередь с серьезными экономическими и социальными проблемами, переживаемыми Польшей в начале XXI в.

Триумфальный полет «польского орла» к вершинам экономического развития в конце 90-х годов заметно осложнился. В 2000 г. темпы экономического роста Польши резко снизились (до 1%). Это был самый низкий показатель среди стран, стремящихся вступить в ЕС. В 2003 г. положение дел несколько изменилось: был достигнут экономический рост на уровне 3%, но население этого пока не ощутило.

Современный среднестатистический поляк в 2,5 раза беднее, чем его аналог в ЕС. Уровень благосостояния в Польше в 2 раза ниже, чем в самых бедных странах ЕС — Португалии и Греции. Между тем в Словении уровень жизни составляет 72 % от среднего по ЕС, в Чехии — 60, в Венгрии — 52, в Словакии — 48 %.

Заметно сократились иностранные инвестиции: если в предшествующие годы они составляли около 10 млрд. долл. ежегодно, то в 2001 г. — лишь 6,7 млрд. долл., а в 2002 г. — не более 6 млрд. долл. Причем это сокращение происходит на фоне роста иностранных инвестиций у соседей Польши — Чехии и Венгрии. Печальный рекорд принадлежит Польше и в уровне безработицы, которая в 2002 г. составила 19,3%, тогда как в среднем в странах — кандидатах в ЕС эта цифра около 12,5, а в самих странах ЕС — около 8,5% (1, с. 59).

По мнению многих экономистов, причина трудностей польской экономики — в низкой конкурентоспособности, обусловленной незавершенностью экономических реформ и структурной перестройки экономики. Бесконечная реформа угольной и горно-добывающей промышленности, монополия в газово-энергетическом комплексе, обуславливающая высокие цены на энергоносители — вот главные беды польской экономи-

ки. Эти беды усугубляются слабым развитием рыночных отношений в сельском хозяйстве, где 80% бюджетных дотаций идет на выплату пенсий и пособий.

Весьма неблагоприятна структура польского экспорта: в Германию, являющуюся основным внешнеторговым партнером страны, польский экспорт лишь на 31% составляют продукты высокой технологии (тогда как в Венгрии аналогичный показатель 72, в Словакии — 56, в Чехии — 50% (там же). Замедление темпов экономического роста и в целом достаточно сложные условия развития польской экономики сопровождаются достаточно острыми демографическими и социальными проблемами.

Один из лидеров Союза труда (партии, выступающей в коалиции с СДЛ) А.Малаховский, очевидно, под влиянием свалившихся проблем, писал на страницах «Политики»: «Трансформация нам не удалась. Я говорю так, как депутат Сейма Х созыва, который голосовал за эту трансформацию... Несомненно, победа либеральной доктрины стала катастрофой, недоразумением. Может потому, что реализовали ее зараженные американским либерализмом бывшие коммунисты... например, Бальцерович... очень умный человек... Они поверили, что применение законов либеральной экономики в заблудшей социалистической экономике даст хорошие результаты. Не дало» (9, с. 9).

Наверное, А.Малаховский слишком пессимистичен. Однако, по данным ЦИОМ, 75 % поляков в 2001 г. полагали, что правительство Е.Бузека не оправдало возлагавшихся на него надежд. Причин много: и неудачные реформы, и коррупция, и отсутствие должного контакта с обществом, и т.д.

С очень резкими оценками предшественников выступала и правящая команда. Л.Миллер заявил, что со времен Т.Мазовецкого ни одно правительство не было в столь тяжелом положении. Премьер всячески подчеркивал мысль о том, что для его правительства оказался неожиданным масштаб экономического кризиса, в котором оказалась страна после ухода предшествующего кабинета.

В программном заявлении премьера (октябрь 2001 г.) содержалась формулировка основных задач, стоящих перед страной и правительством. Речь шла прежде всего о необходимости достижения финансовой стабилизации и активизации усилий по интеграции Польши с Европой.

Ведущие экономисты и аналитики нового кабинета в январе 2002 г. обнародовали «Рапорт открытия», где подробно описывалось

положение польской экономики в момент прихода к власти кабинета Л.Миллера. Авторы документа основную причину кризиса усматривали в неверной, по их мнению, концепции предшественников, суть которой в «охлаждении» польской экономики путем снижения внутреннего спроса, как потребительского, так и инвестиционного, что должно было привести к снижению инфляции (14, с. 6).

Оценив ситуацию (на страницах оппозиционного правительству прессы эту оценку признали, правда, не очень содержательной и уж слишком долго готовящейся), новое правительство предложило свои меры по выходу из кризиса. При этом, как подчеркивал Л.Миллер, социал-демократы исходили из того, что экономика и государство — это не враги. Основой как эффективной экономики, так и эффективного государства должны быть свобода личности, социальная справедливость и экономическая эффективность. «Социальная рыночная экономика требует присутствия государства. Мы отвергаем либеральную концепцию государства, сводящую его роль к функциям ночного сторожа» (8, с. 4).

По истечении 100 дней, которые, по оценкам самого правительства, прошли вполне успешно, Совет министров принял стратегический план социально-экономического развития страны на 2002—2005 гг., состоящий из 3-х частей, образующих так называемые «пакеты».

Первый пакет — «Прежде всего предпринимательство» — рассматривал ряд мер в целях ликвидации многих формальных препятствий в процессе создания и функционирования частных предприятий.

Второй пакет — «Первая работа» — предусматривал действия по созданию льготных условий при приеме на работу выпускников учебных заведений. Принимать их станет выгодно, так как государство берет на себя часть расходов по уплате социальных налогов.

Третий пакет — «Инфраструктура — ключ к развитию». В нем определяются меры по развитию дорожного и жилищного строительства.

По истечении 100 дней Л.Миллер полагал, что главное сделано, и польский «Титаник» благополучно миновал айсберг.

В действительности положение в Польше непростое, и, как это ни парадоксально, правомерным представляется мысль обозревателя «Политики» Я.Парадовской: «Трагедия левого правительства состоит в том, что потенциальный экономический успех Польши зависит от того, сколько предвыборных обещаний не будет выполнено...» (10, с. 19).

Экономика требует ограничения расходов государства, рационализации системы социального обеспечения, ограничения всевластия

профсоюзов — всего того, что никак не вписывается в рамки программы левой ориентации. По сути, правительство должно проводить либеральную политику, иногда для маскировки называемую прагматической.

Очевидно, маскировка не удалась. Во всяком случае в конце 2003 г. 83% поляков считали, что СДЛС не заботится о бедных и слабых; 72% полагали, что левые не слышат голоса общества, не помогают предприятиям, переживающим трудные времена, не облегчают старт молодежи из бедных семей, 63% респондентов считали партию социал-демократов партией нечестных людей. Только 40 % поляков считали, что левые — это действительно левые (6, с. 1).

Таким образом, очевидно, что в глазах общества партия в значительной степени утратила свою левую идентичность.

Заметим, что уже в конце 2001 г. социологические опросы показывали, что, по мнению поляков, СЛД не выполняет свои обещания.

В ходе предвыборной кампании левые наиболее остро критиковали службу здравоохранения и реформу правительства Бузека (создание больничных касс). Речь шла о централизации и формировании Национального фонда здоровья. Население поддерживало проект, но попытки его реализации еще больше запутали сложную систему здравоохранения, и сейчас только 4% поляков положительно оценивают перемены. Не очень удачно складывается ситуация и с реформой образования. Еще 1 июня 2001 г. было объявлено о вступлении в жизнь с 8 апреля 2002 г. новых правил сдачи экзаменов на аттестат зрелости. Предполагалось, что они будут состоять из двух частей: устной, сдаваемой в школе, и письменной, оцениваемой за пределами школы. После пробного экзамена по математике, закончившегося полным провалом, введение новой схемы экзамена было приостановлено, что многими в Польше было расценено как победа «слабых учителей», боящихся внешнего контроля.

Не удалось Миллеру достичь реальных сдвигов и в решении одной из самых болезненных польских проблем — проблемы горнодобывающей отрасли. Все 90-е годы сменяющие друг друга правительства вкладывали деньги в отрасль, но особых результатов не достигли. Правительство Миллера пыталось внедрить рыночные отношения в горно-добывающую отрасль при сохранении неких социальных гарантий, но это не удалось. Накануне референдума о вступлении Польши в ЕС работа над многими непопулярными законами была приостановлена по понятным причинам, связанным с опасениями за популярность правительства.

Левые не сумели (так же как и их предшественники) избавиться от коррупции. Ряд громких скандалов, свидетельствующих о наличии этого порока во властных структурах, потрясли польское общество (3, с. 9).

После двух лет пребывания у власти Л.Миллер стал едва ли не самым большим разочарованием польской политики. Между тем, придя к власти, он был одним из самых популярных лидеров в Польше.

Миллер и сейчас не согласен с тем, что за ним только поражения. К числу успехов он относит экономический рост, низкую инфляцию, достаточно высокий рейтинг СЛД, успех референдума о вступлении в ЕС, укрепление позиций Польши в мире.

Неправомерно отрицать эти успехи, особенно в контексте тех трудностей, с которыми пришлось столкнуться Миллеру и его правительству: бюджетный дефицит, стагнации в мировой экономике, последствия событий 11 сентября и т.д. Вместе с тем многие проблемы социал-демократов объясняются факторами чисто субъективными.

«В иерархическом мире, существовавшем в Польше на протяжении большей части XX в., — отмечает на страницах «Политики» Е.Жаковский, — Лешек Миллер поднялся с низшей до высшей ступени социальной лестницы. В том мире он научился делать успехи» (15, с. 25).

Ему помогали и способности, и амбиции, и трудолюбие, и упорство, и умение держать удар. Он стал жестким лидером, «канцлером», превратившим партию в «политическую фабрику», позволившую ему выиграть выборы и возглавить правительство. Но тут начался спуск под гору.

Миллер, полагает Е.Жаковский, столкнулся с совсем другим миром. Механика этого мира была иной. Это был не мир иерархического подчинения, а мир сложных сетевых связей, мир синергетики, где все участники игры достигают успеха при условии вовлечения других в орбиту собственных целей. Миллер, как и Валенса, не понимал и не принимал этого мира (15, с. 26).

Действительно, подобно Валенсе, Миллер слабо разбирается в экономике и во внешней политике. Ошибкой была и его тактика, основанная на решительном осуждении и обвинении предшественников. Избиратели поверили, что новое правительство быстро устранит все недостатки прежнего, а быстро все исправить попросту не всегда возможно. Хотя бы потому, что существуют объективные обстоятельства.

Соответственно избиратели перенесли свое неприятие прежнего правительства на новое, которое ничего не смогло быстро изменить к лучшему. Уже никто в Польше не говорит (как это было два года назад),

об «эпохе Миллера», не называет его «канцлером». Однако, возможно, рано ставить крест на этом политике.

Поле для потенциального маневра может быть связано с созданием новой «проевропейской» партии, облик которой пока не очень ясен, но сама идея такой партии активно проводится А.Квасьневским. Не исключено, что новым президентом Польши станет И.Квасьневска — жена нынешнего президента. Это конечно же усилит позиции левых. Возможность избрания Квасьневской отнюдь не невероятна: во всяком случае, в начале 2004 г. именно ее кандидатура имела наибольшее число сторонников в Польше.

Но это — лишь потенциальная возможность. Осенью же 2003 г. впервые после парламентских выборов левиза в опросах общественного мнения уступила место правым. Левых поддеживало 20 %, а такие правые партии, как Гражданская платформа (ГП) и Право и справедливость (ПиС) соответственно 22 и 9% (7, с. 1).

Высокий рейтинг ГП и ПиС свидетельствует, по мнению социолога и политолога Т.Жуковского, что «политический ветер в Польше начал дуть вправо» (16, с. 4).

Социал-демократы надеялись, что отстаивание ими польских национальных интересов при обсуждении проекта конституции ЕС осенью 2003 г. поднимет рейтинг партии и правительства Л.Миллера, но этого не произошло. Более того, позиции правых еще более усилились (2, с. 5).

Нынешние польские правые представлены, прежде всего, партиями Гражданская платформа, Право и справедливость, а также Лига польских семей (ЛПС).

ГП и ПиС имеют достаточно целостные программы. ГП делает акцент на либеральную экономическую программу, ПиС — на сильное государство, жесткие законы и борьбу с преступностью. Экономическая программа ПиС менее жестко-либеральная, чем у ГП и явно носит оттенок некоторой социальности. Обе группировки имеют сходные позиции в области внешней политики, и если несколько различаются в нюансах отношений с Европой, то совершенно едины в проамериканской ориентации.

ЛПС придерживается совершенно иной внешнеполитической ориентации, выступает против европейской интеграции, видя в ней угрозу национальной идентичности. В сфере экономики ЛПС выступает с позиций протекционистских и антикапиталистических. Эти программные особенности партии не позволяют ей органически вписаться в правый спектр и вой-

ти в коалицию с другими правыми силами. Скорее ЛПС обречена на изоляционизм (11, с. 89–26; 173–208; 239).

Потенциально ГП и ПиС могут быть союзниками в предстоящих в 2005 г. парламентских и президентских выборах. Но на деле эти партии конкурируют между собой, борясь за доминирующее положение. В сфере внутренней политики ПиС выступает с идеей IV Речи Посполитой, которая сменила бы переживающую кризис III Речь Посполитую. Это означает принятие новой конституции и построение нового политического порядка. ГП придерживается менее радикальных позиций, ограничиваясь требованиями сокращения численности парламента, уменьшения привилегий депутатов.

А.Халль, один из идеологов правницы, считает лозунг IV Речи Посполитой неоправданным, ибо несомненный кризис польского государства это не кризис конституции, а скорее кризис моральный и политический (4, с. 28). С такой позицией согласны и многие другие польские аналитики, считающие, что институт польской демократии работает, в принципе, совсем неплохо, что самым причудливым образом сочетается с тем несомненным фактом, что III Речь Посполитая «обросла патологией» (по выражению Я.Парадовской) (10, с. 20).

Возможно, прав президент А.Квасьневский, полагающий, что III Речь Посполитая просто прошла некий цикл своего развития и настает время перемен. Президент считает, что после выборов 2005 г. польская политическая сцена должна принципиально измениться. Могут появиться новые партии, европейски ориентированные, обладающие мировоззренческой открытостью. Страна устала от нынешних партий и от давно известных политиков, которые, кажется, «были всегда». Тем более, что сегодняшние секторы польской политики не имеют четкой идейной ориентации. Причем это касается и правых, и левых. «Если бы меня спросили, — замечает А.Квасьневский, — в чем состоят идейно-программные принципы ГП, я также затруднился бы с ответом, как в случае с СЛД в 2000 г.» (5, с. 26).

Действительно, по наблюдениям социологов, элита все более консолидируется и дистанцируется от общества, становится более гомогенной в социальном смысле.

Так ли велика, однако, пропасть между правыми и левыми в Польше? Исследования показывают, что в польской элите периода конца 90-х годов (а речь идет как о политической, так и административной и экономической элитах) весьма немного людей, совершивших некий

беспрецедентный социальный взлет; революционной смены кадрового состава не произошло. Среди новой элиты преобладают люди так называемого «второго эшелона» прежней системы, причем каждый четвертый представитель новой элиты принадлежал к таковой и перед 1989 г. Исторически сложившееся деление на «мы» и «они», так часто употребляемое в политической публицистике, не имеет применительно к элите «серьезного социологического обоснования» (если под этим делением понимать «левицу-правицу»). Это, скорее, пишет элитолог Е.Василевский, «элемент политико-пропагандистской игры, рассчитанной на воскрешение черно-белого мира добрых шерифов и злых бандитов» (13, с. 98).

В реальности деление на левицу и правицу основано на политической генеалогии и отношении к религии и в значительно меньшей степени на разнице позиций в экономических и политических вопросах. Между членами элиты нет серьезных расхождений в вопросе об основных параметрах существующей системы. В качестве таковых признаются демократия и рынок. Это не исключает, однако, споров о том, какими должны быть демократия и рынок. Даже достаточно серьезные расхождения в сфере мировоззрения не переходят существующих границ системы.

Польский премьер философски замечает, что «власть имеет горький вкус. Иногда очень горький». Он не согласен с оппозицией, использующей только черные тона при анализе ситуации в стране. Премьера не очень задевают шутки «о супчиках Миллера» (бесплатном питании в школах). Он часто и много ездит по польской провинции, отлично знает, что в Польше по-настоящему хорошо живут не более 10% граждан. Поэтому премьер полагает важным для себя заботу о том, чтобы «супчики» были вкусными и доставались всем в них нуждающимся.

Однако нынешнее положение дел в польской экономике не позволяет правительству сохранять имидж (и тем более сущностные характеристики) традиционно заботящегося о бедных и слабых левого правительства. Если оно останется «идейно чистым» левым и социал-демократическим, оно обречено на неудачи.

Жизнь диктует необходимость дрейфа в сторону решений скорее либеральных. И правительство движется в этом направлении: отмечены некоторые социальные пособия, ужесточена финансовая дисциплина, внесены некоторые изменения в трудовое законодательство, ограничи-

вающие роль профсоюзов, ограничено право на труд для пенсионеров, увеличены налоги и т.д.

Ключевой же своей задачей Л.Миллер считает движение Польши в Европу, которое рассматривается не только как стратегическая цель, определяющая вектор развития страны на перспективу, но и как возможность преодолеть экономические трудности дня сегодняшнего. Стратегия правительства с учетом вступления в ЕС предполагает быстрый экономический рост, ограничение безработицы и использование средств Союза для реструктуризации экономики и повышения ее конкурентоспособности. Возможно, именно ЕС станет для левых якорем спасения, и их твердая позиция в защите интересов Польши при обсуждении проекта Конституции ЕС сделает настроения общества более благоклонными к СЛД, а ветер политических перемен, подувший вправо, не сметет польских социал-демократов с лидирующих позиций в польской политике.

Несомненно, однако, что проблемы, стоящие перед правительством, весьма серьезны. Трудно не согласиться с мнением известного польского социолога Ядвиги Станишкис, согласно которому «этот посткоммунизм более сложен, чем коммунизм. Попытка построения капитализма в условиях глобализации еще труднее, чем выход из коммунизма» (12, с. 79).

Список литературы

1. Balicka M. Ogon, dawniej tygrys // Polityka. – W-wa, 2002. – N 3. – S. 57–59.
2. CBOS. Komunikat z badań. Grudzień-2003. Preferencje partyjne. – W-wa, 2003. – 27 S.
3. Gottesman K. Zmierch ery Millera // Rzeczpospolita. – W-wa, 2003. – 30 paźd. – S. 9.
4. Hall A. Więcej wizji // Polityka. – W-wa, 2003. – N 45. – S. 28–29.
5. Kwaśniewski A. Jeszcze zatańczę i zaspiewam // Ibid. – N 47. – S. 24–26.
6. Lewicowość na papierze // Rzeczpospolita. – W-wa, 2002. – 2 paźd. – S. 1.
7. Lewica ustępuje prawicy // Ibid., 2003. – 19 list. – S. 1.
8. Miller L. Po pierwsze przedsiębiorczość // Trybuna. – W-wa, 2002. – 25 list. – S. 4.
9. Opinie // Polityka. – W-wa, 2002. – N 11. – S. 9.
10. Paradowska J. Stodniówka Millera // Ibid. – N 5. – S. 19–20.
11. Partie i ich programy. – W-wa, 2002. – 254 S.
12. Staniszkis J. Struktury nie marzą // Res Publika Nowa. – Kraków, 2002. – N 5. – S. 78–86.
13. Wasilewski J. Normatywna integracja polskiej elity po transformacji // Jak żyją polacy. – W-wa, 2001. – S. 71–100.
14. Wiedzieć żeby naprawić // Gaz. wyborcza. – W-wa, 2002. – 6–7 kwiet. – S. 9–10.
15. Zakowski J. Zejszcie smoka // Polityka. – W-wa, 2003. – N 43. – S. 24–26.
16. Zukowski T. Wiatr wieje w prawo // Rzeczpospolita. – W-wa, 2003. – 20 list. – S. 4.

**К. МАКМАНУС-ЧУБИНЬСКА, В.Л. МИЛЛЕР,
Р. МАРКОВСКИЙ¹, Я. ВАСИЛЕВСКИЙ.
ДВОЙСТВЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ПОЛЯКОВ**

**C. MCMANUS-CZUBIŃSKA, W.L. MILLER,
I. MARKOWSKI R., I. WASILEWSKI.**

**Popwojna tożsamość polaków // System partyjne i zachowania wyborcze. —
W-wa, 2002. — S. 241–267.**

Нынешняя Польша — одно из немногих мононациональных государств Европы. В результате изменения границ после Второй мировой войны, массовых переселений 40-х годов XX в. образовалось этнически однородное государство, отличающееся от межвоенной Польши, раздираемой национальными конфликтами.

По данным социологических исследований начала XXI в., 99% респондентов в Польше идентифицируют себя как поляков и 94% из них гордятся этим (с. 241).

Между тем проблема национальной идентичности не столь однозначна как может показаться при первом приближении. Имеют место по меньшей мере два типа идентичности: исключительно польская и двойственная, польская и европейская. В польской интеллектуальной традиции Польша рассматривалась именно как часть Западной Европы, а отнюдь не как центрально- или восточно-европейская страна. Именно такое представление основывалось на победах Яна Собеского над турками под Веной (XVII в.) и победе поляков в 1920 г. над большевиками под

¹ К. Макманус-Чубиньска и В.Л. Миллер — сотрудники Университета в Глазго;
Р.Марковский — Высшей школы социальной психологии (Варшава);
Л.Василевский —Института политических исследований ПАН.

Варшавой. Оба события рассматривались как проявления исторической миссии Польши — оплота католицизма и защитницы западной цивилизации от варварского Востока, причем такой подход был характерен для интеллектуальной элиты, а не для простых поляков, вполне безразлично относящихся к Европе.

Согласно исследованиям последних лет, две трети поляков в той или иной степени декларируют двойственную идентификацию, причем 23% ощущают себя в равной мере и поляками и европейцами (с. 244).

Национальная самоидентификация в немалой степени определяется историческими предпосылками, но во многом и современностью. Вряд ли можно полагать, что в ближайшем будущем поляки откажутся от польской идентификации, но возможно изменение соотношения между исключительно польской и двойственной идентификацией.

Обе категории респондентов (и исключительно польской, и двойственной идентификации) гордятся своей «польскостью». Но поляки, декларирующие двойственную идентификацию, понимают эту польскость более широко, они более открыты миру.

Двойственная идентификация характерна в большей степени для людей молодых, «экономических победителей» эпохи пост-коммунизма, жителей крупных городов, имеющих достаточно высокий образовательный уровень и воспитанных в семьях, где родители также имеют высокий уровень образования.

Исключительно польская идентификация — удел поляков старшего возраста, относительно бедных, малообразованных, живущих в маленьких городах или в деревнях и чаще — происходящих из крестьянских семей. В целом можно говорить, что исключительно польская идентификация преобладает в традиционных сегментах общества, а двойственная — в модернизированных.

Исключительно поляками ощущают себя только 17% респондентов, материальное положение которых улучшилось после 1989 г., и почти половина тех, чье материальное положение ухудшилось (с. 248).

Только ¼ занятых в сфере торговли ощущают себя исключительно поляками, но среди занятых в сельском хозяйстве число таковых превышает 50%.

Исключительно польская идентификация, несомненно, связана с уровнем религиозности: таковую декларируют 45% регулярно практикующих и только 17% редко посещающих церковь (с. 250). Еще больше влияет на характер самоидентификации уровень образования: число лиц

исключительно польской идентификации среди лиц с университетским образованием в три раза ниже, чем среди лиц с начальным образованием (там же).

Пол респондентов незначительно влияет на характер идентификации, а возраст — весьма существенно. Среди группы респондентов, родившихся до 1950 г., число сторонников только польской идентификации превышает 50 %, а среди группы респондентов, родившихся в 1967—1983 гг., едва достигает одной пятой (с. 250).

Интересно, что национальная идентификация имеет некие региональные параметры. Для современной Польши характерны специфические черты территорий, некогда входивших в состав России, Пруссии и Австрии. Именно в последнем регионе (т.е. бывшей Галиции) больше всего поляков только польской идентификации и меньше всего — двойственной. Число сторонников последней растет по мере продвижения на северо-запад. Этот факт сочетается с традиционно более правой политической ориентацией бывшей Галиции.

Авторы статьи подчеркивают, что среди факторов, в наибольшей степени влияющих на национальную идентификацию, на первое место, несомненно, выдвигаются возраст и образование (с. 252).

Между респондентами, декларирующими исключительно польскую и двойственную идентификацию, имеют место значительные различия в политических взглядах. При этом авторы замечают, что трудно говорить о симпатиях к каким-либо определенным политическим партиям: скорее правомерно вести речь об уровне антипатии. Респонденты с двойственной идентификацией наиболее негативно относятся к Польской крестьянской партии, Самообороне Речи Посполитой (партии правопопулистского толка) и Лигу польских семей (правонационалистической партии). Больше других поляков респонденты данной идентификации недолюбливают социал-демократов.

Проследившая зависимость между особенностями национальной идентификации и системой ценностей, авторы статьи пришли к выводу, что респонденты с двойственной идентификацией чаще выражают одобрение демократической форме правления, более толерантны и склонны к гуманизации правовых норм. Они также твердо убеждены в недопустимости вмешательства церкви в дела государства и относительно чаще не одобряют преподавание религии в школах.

Респонденты с исключительно польской идентификацией относительно чаще выступают за государственное вмешательство в экономику, развитую систему социальной защиты, прогрессивный налог.

Проведенные исследования, как отмечают авторы, не дают основания для утверждения о наличии двух типов национальной идентичности: польской и европейской. Суть вопроса в том, что двойственная, польско-европейская идентичность несколько расширяет, обогащает исключительно польскую, а если и не приемлет чего-либо в ней, то только традиционализм и провинциализм. Конфликт между поляками исключительно польской и двойственной идентификации тем не менее существует. Он не ограничивается только отношением к Европе или ЕС. Во многом прав А.Михник, полагающий, что в современной польской культуре имеют место расхождения между теми, кто рассматривает Польшу как часть Европы, и сторонниками национализма и полоноцентризма. «...Этот конфликт действительно есть, он имеет свою структуру и представителей обеих сторон. В значительной мере это конфликт между Польшей традиционной и Польшей современной, Польшей светской и Польшей фанатической, Польшей образованных людей и Польшей малограмотных, Польшей молодых и Польшей старых, Польшей, исполненной надежд, и Польшей, исполненной опасений» (с. 262).

Л.С.Лыкошина

Л.С. ЛЫКОШИНА
ТРУДНЫЙ ПУТЬ В ЕВРОПУ
(О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ВСТУПЛЕНИЯ ПОЛЬШИ В ЕС)
(Аналитический обзор)

К числу наиболее значимых процессов в жизни начала XXI в., несомненно, относится процесс интеграции Польши в европейские структуры, в частности в ЕС. В принципе польское общество однозначно поддерживает этот процесс, что в полной мере проявилось в ходе референдума о вступлении в ЕС, когда более 70% поляков высказались «за». Тем не менее движение в Европу оказалось сопряжено с рядом достаточно серьезных проблем и острых моментов, один из которых проявился в 2003 г.

«Ницца или смерть». Под этим суровым заявлением могли бы подписаться многие польские политики осенью 2003 г. Хотя, на первый взгляд, для подобного рода непреклонности не было подходящего повода — ведь речь шла о деле сугубо мирном: о проекте Конституции ЕС.

Предполагалось, что Конституция будет принята в декабре 2003 г., на чем особенно настаивал С.Берлускони, стремящийся к тому, чтобы это знаменательное событие произошло именно в то время, когда Италия председательствовала в ЕС.

Как известно, этого не произошло, сроки принятия Конституции отодвинулись, но само обсуждение проекта высветило многие сложные проблемы ЕС, показало как непросто строить общеевропейский дом в контексте серьезного несовпадения интересов его нынешних и будущих обитателей.

Многие страны, как из числа членов ЕС, так и из числа готовящихся стать таковыми в 2004 г., высказали ряд предложений по поводу проекта, выразили несогласие с некоторыми его положениями, но накал страстей нигде не был столь силен, как в Польше.

Договор, принятый в Ницце в 2000 г., действительно был весьма выгоден для Польши: достаточно сказать, что страна после вступления в ЕС имела бы при голосовании почти столько же голосов, что и в Германии (Польша — 27, Германия — 29). Конечно, договор очень импонировал многим политикам в стране, заговорившим даже о неких «державных» амбициях Польши в Европе.

Согласно новому проекту, принцип исчисления голосов ставился в прямую зависимость от численности населения страны и, соответственно, Польша отстала от Германии в 2 раза.

Кроме того, проект предусматривал ограничение числа полномочных комиссаров пятнадцатью с тем, чтобы комиссары от остальных, вновь вступающих в ЕС стран, не имели права голоса. Изменялся также, по сравнению с Ниццей, и срок действия главы Совета: этот срок увеличивался, что определяло невозможность каждой стране реализовать свои потенциальные шансы руководства ЕС.

Вышеназванные, а также ряд других положений проекта, каковой бы ни была их оценка, существенно меняли соотношение влияния больших и малых стран — членов ЕС не в пользу последних. Между тем именно малые страны после расширения ЕС в 2004 г. займут в Союзе доминирующее положение.

Несомненный отказ от принципа эгалитаризма в сторону усиления влияния государств-основателей ЕС не вызвал особого энтузиазма у представителей польского политического класса. Немногочисленные голоса в пользу необходимости признания неизбежности идущего процесса, трезвой оценки реальных возможностей и потенциала Польши, поиска компромисса и попыток «отыгаться» на другом поле, в принципе, утонули в хоре сторонников лозунга «Ницца или смерть». С умеренных позиций, склоняющихся скорее к принятию проекта Конвента, выступили, прежде всего, те политики, которые в 90-е годы придерживались активной проевропейской позиции: Б.Геремек, А.Смоляр, А.Олевский.

Лагерь же сторонников Ниццы объединил людей самой разной политической ориентации. Об однозначном неприятии предлагаемого Конвентом проекта Конституции ЕС заявила крайне правая партия «Лига польских семей». Лидер фракции этой партии в Сейме М.Котлиновский решительно отстаивал идею «Европы отечеств» и равных прав каждого государства.

Один из авторитетных польских политиков правого спектра, лидер партии «Право и справедливость», президент Варшавы Л.Качиньский, отметил, что «вопрос европейской Конституции — это вопрос нашей независимости и суверенитета. Это вопрос фундаментальный, и ни о каких уступках не может быть и речи» (4, с. 17). По мнению Л.Качиньского, ЕС явно предпочитает принцип национального эгоизма принципу европейской солидарности сильных стран, которые отнюдь не торопятся помогать слабым.

«Право и справедливость» не желает поддерживать возможное очередное предательство польских национальных интересов со стороны правящей элиты, не считает возможным поддерживать партию «белого флага» и решительно выступает за референдум по поводу конституции ЕС. ПиС выступила даже с идеей нового референдума по вопросу о вступлении Польши в ЕС, аргументируя свое предложение тем обстоятельством, что проведенный в стране референдум, в котором поляки однозначно высказались «за», проходил в принципиально иных условиях, когда облик ЕС определял Договор Ниццы.

С поддержкой последней и готовностью стоять до конца выступила Польская крестьянская партия, а лидер левого Союза труда Т.Налэнч декларировал готовность партии выйти из правящей коалиции, в которой ныне состоит СТ вместе с Союзом демократических левых сил, если правительство не сумеет защитить систему Ниццы. Сам глава правительства Л.Миллер делал, кажется, все возможное и невозможное, пытаясь отстоять Договор Ниццы. Чудом уцелев в авиакатастрофе, Миллер отправился в Брюссель в декабре 2003 г. в инвалидной коляске и специальном корсете для позвоночника, проявив нестигаемое упорство в отстаивании интересов Польши. Не выражая решимости «умереть за Ниццу», но все же достаточно упорно выступал за нее и польский президент А.Квасьневский.

«Дело Ниццы» сплотило и правых, и левых. Хотя нет оснований говорить о монолитном единстве в стране как тех, так и других. Да и мотивы такого рода твердости весьма различны, хотя категория национально-государственных интересов присутствует в аргументации обеих сторон.

Польский писатель и публицист, главный редактор «Газеты польской» П.Вежбицкий полагает, что проблема суверенитета — одна из важнейших в современном мире. В Европе XXI в., мирной и свободной от конфликтов, суверенитет остается ценностью, которую следует защи-

шать, охранять и за которую следует бороться. Хотя бесспорно, что национальный эгоизм и безумный национализм лежат у истоков двух мировых войн, не менее бесспорно, что недостаток воли для защиты государственного суверенитета лежал в основе агрессии. «Не было бы Аушвица, если бы не оккупация почти всей Европы. Не было бы Катыни, если бы не советская империя, построенная на насилии и господстве» (7, с. 25).

В нынешней Европе Польше действительно явно никто не угрожает, но это не значит, что не следует заботиться о своих национальных интересах. Как заботятся о них французы и немцы. Только в этом случае употребляются слова «солидарность», «братство», «универсализм». Если же Польша отстаивает свои позиции, то это называется «партикуляризм», «размахивание саблей», «эгоизм». Польша обязана сохранять бдительность в отстаивании своих позиций на международной арене. Суверенитет не следует пересчитывать на валюту. Деньги быстро истратятся на разные нужды, а положения конституции будут действовать на протяжении десятилетий.

Сейчас у Польши солидные союзники, но никто не заменит саму Польшу, никто не будет помогать стране, не желающей или не могущей защитить себя. Если бы польские политики, вняв голосу противников НАТО, не вступили бы в альянс, сейчас Варшава была бы один на один с Москвой, Минском, Гаваной и Пхеньяном.

Польша чувствительна и суперчувствительна к проблеме суверенитета. В европейской ментальности присутствует уважение к самобытности. «Народы имеют право быть сверхчувствительными. Пусть немцы будут сверхчувствительными к проблеме холокоста. Пусть французы будут сверхчувствительны к проблеме коллаборационизма. А у нас своя сверхчувствительность.

Именно так, абсолютно не следует бояться, что Европа нас не поймет. Европа именно тогда нас поймет, Европа именно тогда начнет нас ценить, когда мы будем строптивыми, непослушными, трудными, особенными, экзотичными... Европа не заканчивается политиками и дипломатами из Брюсселя, она ждет от нас, что мы будем сами собой. Если хочешь, чтобы тебя считали европейцем — старайся прежде всего быть поляком. Не скрывай того, что в тебе есть. Сделай слабость силой...

Действительно, национальный суверенитет для нас все еще божество, доброе божество. Миром правят не только интересы. Миром правят также идеи. ...Во имя идеи национального суверенитета, во имя идеи национальной независимости миллионы европейцев

были готовы прежде и готовы сейчас рискнуть и пожертвовать многим. Мысль об интеграции, федерации, унификации – это интересная идея. Любопытно, однако, найдется ли в Европе хоть кто-нибудь, кто был бы готов ради этой идеи чем-нибудь рискнуть и пожертвовать» (2, с. 25).

Выступая с совершенно иной точкой зрения, С.Сераковский (главный редактор «Политической критики») полагает, что процесс глобализации многое изменил в мире. Рынок действует на принципах наднациональных. Ни одно государство не в состоянии контролировать в нынешних условиях глобальный капитал. И уже сейчас суверенитет польского правительства, как и любого другого, в значительной мере ограничен.

Глобализация изменила и традиционные представления о государственном суверенитете. В современной международной практике нарушение прав человека в той или иной стране является достаточным поводом для нарушения этого суверенитета со стороны других стран.

Все более наднациональный характер приобретают экологические проблемы. Глобальные СМИ оказывают серьезное влияние на формирование общественного мнения во всем мире.

Все эти факторы, несомненно, ослабляют роль национального государства. «Пришло время, – полагает С.Сераковский, – наднациональной политики. И те, кто решил охранять только что обретенный суверенитет Польши, *de facto* превращают нас в несuverенный народ, лишенный влияния на ход истории. Они выбирают медленную маргинализацию. Если бы я был демагогом, я сказал бы: Европа или смерть» (с. 18).

В Европе имеет место противостояние «суверенистов» и «федералистов», т.е. сторонников приоритета национального государства и сторонников создания в перспективе некоего солидарного многонационального государства, заботящегося о благе своих граждан независимо от их национальной принадлежности. Очевидно, что ЕС еще долго не будет таким супергосударством и сейчас в нем преобладают частные, а не солидарные интересы. Европейская конституция может стать шагом в этом направлении, а может явиться препятствием на пути к такому супергосударству.

Польское правительство, отмечает С.Сераковский, допустило большую ошибку в информационной политике, убедив граждан, что ЕС – это некая благотворительная организация, основная задача которой – оказание финансовой помощи. Политическая же элита (и правая, и ле-

вая) предпочла занять узконациональные позиции, не думая о будущем, о стратегических задачах, ибо боится утраты популярности.

С.Сераковский выступил с инициативой подготовки письма двухсот польских интеллектуалов, осуждающих позицию польского правительства и предостерегающих от превращения Польши в оплот консерватизма и партикуляризма. Под этим «Открытым письмом к европейской общественности» стояла подпись известного польского философа и ученого Е.Шацкого, полагающего, что национальный суверенитет в известном смысле слова не более чем фикция. Вполне суверенны лишь несколько стран в мире, такие как США, Китай, Северная Корея. Все другие страны обладают лишь ограниченным суверенитетом, хотя бы в силу действия таких документов, как Декларация прав человека. Национальное государство в том виде, в каком оно существовало в XIX и XX вв., исчезает, оно исчерпало себя (6, с. 20).

Польские политики в ходе обсуждения выступили, по сути, со следующими предложениями: сохранить систему распределения голосов, принятую в Ницце; признать за каждой страной право иметь одного полноправного комиссара в Европейской комиссии; для обеспечения каждой стране возможности осуществлять руководство в ЕС ввести систему группового представительства, с тем чтобы одновременно руководящие функции исполняли представители четырех государств; исключить возможность создания внутри ЕС неких военных союзов, не включающих всех членов Союза (а именно такого рода идею высказывали ведущие страны ЕС, в частности, И.Фишер говорил о том, что если принятие Конституции будет тормозиться, то страны-основатели будут искать способы и формы более тесного взаимного сотрудничества, в том числе и в виде создания военных союзов внутри ЕС). Наконец, Польша настаивала на введении в преамбулу Конституции положения о христианских ценностях как основы ЕС. Против последнего положения достаточно активно выступает Франция — страна с наиболее выраженными в Европе светскими традициями. Да и в самой Польше нет абсолютного единства по этому вопросу. Во всяком случае, в «Открытом письме к европейской общественности» содержится призыв к устранению из преамбулы любых апеллиций к источнику ценностей новой, единой Европы.

Вместе с тем польский епископат (позиция которого, несомненно, очень важна для страны, чье население более чем на 90% декларирует свой католицизм), настойчиво призывает к введению в текст преамбулы ссылки на христианские корни европейской цивилизации. Очевидно, не

случайно именно в 2003 г., когда проблема расширения ЕС приобрела реальные очертания, появилось апостольское послание Иоанна Павла II «*Ecclesia in Europa*» и специальный документ Конгрегации Веры «Католики и политика».

Польские католики в референдуме по вопросу о вступлении в ЕС голосовали в основном «за», тем самым солидаризируясь с позицией Иоанна Павла II, всячески поддерживающего идею европейской интеграции. Но в Польше немало тех, кто вслед за главным редактором католического журнала «Знак» Е.Говиным убежден, что «...если окажется, что новая европейская идентичность создается вне христианской традиции, следует приложить все старания к тому, чтобы процесс интеграции был остановлен на экономическом уровне... Ибо единства нельзя достичь любой ценой» (3, с. 3).

Таким образом, дискуссия о проблемах Европейской конституции приобретает глубокий мировоззренческий смысл, свидетельствует не только о чисто тактических разногласиях политических партнеров, но и о весьма ощутимых различиях в менталитете. Апелляция к христианской традиции, вовсе не бесспорная и, возможно, нежелательная для многих западноевропейцев, становится такой важной для поляков.

Не следует при этом преувеличивать глубину религиозных чувств поляков. К разряду общих мест относится, скорее, обрядовая религиозность польских католиков, постоянно отмечаемая исследователями. Да и электоральные предпочтения многих польских избирателей, считающих себя католиками и бестрепетно отдающих голоса левым партиям и ныне действующему президенту, без утайки заявляющему о своем агностицизме и едва ли не атеизме, тоже о многом говорят.

Обсуждение Конституции акцентировало и еще одну весьма болезненную проблему: очень по-разному относятся западноевропейцы и жители Центральной и Восточной Европы к Америке. Для Западной Европы США не только партнер, но и, в известной степени, соперник в цивилизационном и политическом споре. Для центрально- и восточноевропейца все по-другому: США — это оплот борьбы с ненавистным коммунизмом в прошлом, это гарантия защиты от потенциальной российской угрозы в настоящем.

Известно, с какой симпатией относятся к США президент Польши А.Квасьневский и глава правительства Л.Миллер. Это несколько не ставит под сомнение приверженность польских лидеров идее общеевро-

пейского дома. Однако, по мысли нынешних польских руководителей, без США этот дом не будет достаточно прочным.

Различия менталитета очевидны, и бессмысленно делать вид, что их нет и Европа едина.

Сможет ли ЕС реально, а не декларативно способствовать формированию этого единства не только в экономической, политической, но и в духовной сфере, – вопрос будущего. Возможно, окажется прав польский философ и публицист Б.Цивиньский, видящий в качестве одного из вариантов развития событий принятие европейцами ЕС в качестве прежде всего экономического, а отнюдь не духовного сообщества. «Лучше реальный рынок, чем иллюзорная общность» (1, с. 9).

Но и реальный рынок тоже достаточно труднодостижимая цель. Во всяком случае, как свидетельствуют данные доклада Европейской комиссии (октябрь 2003 г.), из всех стран, готовящихся вступить в ЕС, Польша подготовлена к этому хуже всех.

Собственно, и сами поляки с этим согласны. 64% поляков полагают, что страна не готова к вступлению в ЕС. Наибольшее беспокойство вызывают состояние сельского хозяйства, общий уровень экономического развития и рост безработицы в стране.

Вместе с тем почти половина респондентов уверена в том, что со вступлением в ЕС положение Польши улучшится. Это, прежде всего, молодежь, живущая в крупных городах и неплохо зарабатывающая. 35% населения считают, что со вступлением в ЕС жизнь в Польше станет еще хуже, а 17% полагают, что ничего не изменится (там же).

Не самым благоприятным образом на общественное настроение влияет достаточно активно обсуждаемая в стране так называемая «проблема изгнанных». Эта непростая проблема, касающаяся немецкого населения, изгнанного после войны из Чехословакии и Польши, приобрела именно сейчас, накануне вступления Чехии и Польши в ЕС, особую остроту.

Глава действующего в Германии Союза изгнанных Э.Стейнбах настойчиво проводит идею создания Центра изгнанных в Берлине, ставит вопрос о необходимости отмены декретов Бенеша и так называемых декретов Берута, касающихся выселения немцев. Более того, в свое время Э.Стейнбах пыталась увязать этот вопрос с приемом Польши и Чехии в ЕС. Правда, дальше слов дело не пошло, и позиция Союза изгнанных вовсе не совпадает с официальной позицией Германии. И.Рау и Г.Шредер неоднократно выражали уверенность, что проблемы изгнан-

ных не скажутся негативно на польско-немецких отношениях. На встрече И.Рау с А.Квасньевским в октябре 2003 г. германский лидер предостерег от неосторожных слов и заявлений, способных осложнить польско-немецкие отношения. Однако уже сам факт обострения проблемы изгнанных именно в данный момент, сопряженный с разногласиями между Польшей и Германией по некоторым аспектам деятельности ЕС, достаточно красноречив.

Никому из польских политиков не пришлось «умирать за Ниццу» и, более того, неуклонно теряющее популярность правительство Л.Миллера своей твердой линией в конституционных дебатах снискало поддержку большинства поляков, считающих, что позиция Польши правильная, а возможно, и слишком умеренная. Хотя очень немногие в Польше читали объемистый (более 200 страниц) проект Конституции ЕС, большинство уверено в том, что она нужна при условии учета польской позиции.

Итак, «путь домой», в Европу, обретение европейской идентичности оказался для Польши усыпанным не только лепестками роз, но и весьма болезненными колючками. Правда, в правильности избранного пути большинство поляков нисколько не сомневаются, а дорогу, как известно, осилит идущий. Тем более, что возникающие трудности преодолимы, а компромисс в большинстве случаев достижим.

Споры польских политиков о конституции ЕС, несомненно, содержат в себе различные подходы к более глобальным проблемам, касающимся видения будущего Европы и места в ней Польши. Размышляя о правомерности лозунга «Ницца или смерть», авторитетный польский политик Б.Геремек заметил: «Умирать в Европе очень легко — кладбищ хватает. Трудно жить в Европе. Главный вопрос состоит в том: как жить в Европе?».

Польша всегда боролась с опасностью стать периферией Европы. Эта опасность может реализоваться сейчас, ибо дело отнюдь не в числе голосов и в способе их подсчета. Следует противопоставить «белому флагу неверия в свою страну голубой флаг надежды и уверенности в польских возможностях и польской силе» (2, с. 17).

Список литературы

1. Cywinski B. Europa w poszukiwaniu duszy // Rzeczpospolita. – W-wa, 2003. – 4/5 paźd. – S. 9.
2. Gieremek B. Polska nie ciotka rezydenta // Gaz. wyborcza. – W-wa, 2003. – 2grud. – S. 16–17.
3. Gowin J. Katolicy i polityka // Rzeczpospolita. – W-wa, 2003. – 4/5 pazd. – S. 8.
4. Kaczyński L. Nie słuchajcie partii białej flagi // Gaz. wyborcza. – W-wa, 2003. – 19 list. – S. 16–17.
5. Sierakowski S. Wplywom – nie! Kapitalowym – tak // Ibid. – 10 grud. – S. 18–19.
6. Szacki J. Ani zdrada, ani katastrofa // Ibid. – 21 list. – S. 20.
7. Wierzbicki P. Dobry bozek – suwerenność // Ibid. – 12 grud. – S. 24–25.

Т.Г.БИТКОВА
РУМЫНСКАЯ ЭКОНОМИКА:
ПРЕОДОЛЕНИЕ КРИЗИСА И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

После трех лет сильного падения производства и катастрофической инфляции, достигшей в 2000 г. 40,7%, румынская экономика начала выходить из стопора. Первые годы нового тысячелетия отмечены положительными результатами.

Кризисные явления в экономике обозначились уже в начале 90-х годов при первых попытках ее реформирования. Централизованная социалистическая экономика была образованием хотя и искусственным, а также малоэффективным, но все же имела собственную логику функционирования и была несовместима с теми, зачастую хаотичными, процессами движения к рынку, которые начались в Румынии.

Ситуация, с которой столкнулись реформаторы, осложнялась тем, что румынская хозяйственная жизнь представляла собой организм, элементы которого изначально плохо сочетались между собой. Руководители социалистической Румынии делали все возможное и даже невозможное для индустриализации своей традиционно аграрной страны, чтобы продемонстрировать перед Москвой свою независимость.

Как известно, согласно проекту экономической интеграции СЭВ, одни страны (Румыния, Болгария) должны были развивать преимущественно сельскохозяйственное производство, другие (СССР, ГДР, Чехословакия, Венгрия) – современные отрасли промышленности. Освободившись в 1958 г. от военного присутствия СССР на своей территории, Румыния решительно заявила о несогласии с проектом социалистической интеграции. Международному разделению труда она противопоставила концепцию самостоятельного развития, включающую индустриализацию. Вскоре Румыния приступила к строительству больших промыш-

ленных комплексов, несмотря на отсутствие необходимых сырьевых ресурсов. При этом железную руду, например, стали ввозить из Индии и Бразилии, лишь бы не ставить себя в зависимость от поставок из СССР. Одним из самых крупных предприятий, построенных в тот период, был металлургический комбинат в г. Галац, ставший символом румынской самодостаточности.

Поскольку социалистическая индустриализация, которой упорно следовал и преемник Дежа Чаушеску, была порождена не столько экономическими потребностями, сколько политическими намерениями, то промышленные комплексы оказались великанами, которые имели под собой зыбкую почву. Сырье ввозилось из-за рубежа с запланированными потерями. Для высоких технологий не хватало кадров, имеющих опыт и обладающих необходимой культурой труда.

Несмотря на политику модернизации и всеобщего образования, Румыния к началу 90-х годов представляла собой страну с низким уровнем экономического развития, хотя внешних долгов она не имела благодаря политике жесткой экономии, которую в последние годы своего правления проводил Чаушеску, доведя жизненный уровень населения почти до биологического выживания.

С началом рыночных реформ промышленное производство стало не просто снижаться, но разрушаться. Особенно нерентабельными оказались большие предприятия. За десять лет реформ промышленность потеряла 2,1 млн. человек. Как свидетельствовали статистические данные, большинство занятых ранее в промышленности становились безработными, не находя своего места в других отраслях экономики (22, с. 59). Не лучшим образом обстояли дела и в сельском хозяйстве. Реформирование крупных государственных и кооперативных объединений, а также частичная реституция земельных угодий не приносили желаемых результатов. Резко упал и без того низкий уровень жизни основной части населения. Социальный кризис тормозил дальнейшие шаги по децентрализации и либерализации экономики.

Попытки имплантации на румынскую почву экономических структур и хозяйственного мышления западного образца осуществлялись с трудом. Социально-психологическая среда румынского общества, только что вышедшего из тоталитаризма и несущего черты традиционной крестьянской культуры и так называемого «балканизма», имела отличные от Запада привычки и ценности. Политологи и культурологи выделяют такие не способствующие реформам черты, как непотизм, нефор-

мальные связи и продажность в политике, прислужничество, косность, нечестность, равнодушие, апатию, грубость, ксенофобию в общественной жизни, отсутствие дисциплины труда, неумение рационально использовать время, тщательно выполнять работу (17, 18, 20, 23, 28). Коррупция и значительный вес теневой экономики стали логическим продолжением этих свойств, определив во многом структурные взаимоотношения на макроэкономическом уровне.

В 1998 г. в Румынии было зарегистрировано опасное падение экономических показателей, в 1999 г. она вступила в состояние серьезного финансового кризиса. Безудержно росли цены, усилилась инфляция, произошло невиданное за весь период реформ падение производства, сократился объем внутренних и иностранных инвестиций. Внутренний валовой продукт снизился на 5%. Не принесла желаемых результатов и ставка на распродажу госсобственности и ускоренную приватизацию крупных экономических объектов.

Однако, как это ни парадоксально, именно теневая экономика оказалась одним из факторов, позволивших Румынии удержаться на плаву в 1999 г. Ее меньше коснулся кризис, она жила по своим, более автономным законам. Как отмечало итальянское издание «Джорнале», в этот период около трети богатства страны производилось в теневой экономике, а наряду с 1,3 млн. зарегистрированных безработных миллионы румын имели по 2–3 работы. Газета «Адеверул», напротив, отмечала, что именно увеличение после 1996 г. доли теневой экономики ввергло страну к 1999 г. в кризис.

Со ссылкой на доклад казначейства США газета писала, что в период своего правления (1990–1996) Партия социальной демократии Румынии и администрация президента Илиеску, которых обвиняли в скрытых коммунистических симпатиях и которые не смогли осуществить последовательные реформы в экономике, все же «не бросили страну на произвол судьбы» (см.: 2). Доля теневой экономики не превышала тогда 20% от реального производства. Праволиберальная коалиция во главе с Э.Константинеску, пришедшая к власти в 1996 г. и намеревавшаяся ускорить реформы, на деле предоставила свободу местной мафии, которая вместе со своими иностранными партнерами превратила страну в огромный черный рынок. Румынское руководство этого периода не только не выполняло соглашений с МВФ, но и провалило собственные правительственные программы. По оценке газеты, в конце 1999 г. доля теневой экономики составляла 49,1% от ВВП (там же). Радикализация методов

проведения структурных и финансовых реформ обернулась неуправляемостью экономики и социальным шоком.

Таким образом, итоги парламентских и президентских выборов 2000 г., на которых снова победили И.Илиеску и Партия социальной демократии Румынии, были предсказуемы. Новое старое румынское руководство, которое заявило о своей социал-демократической ориентации, рассчитывало исключительно на поддержку из-за рубежа, ибо внутренние ресурсы в значительной мере были подорваны необдуманными действиями их предшественников. Праволиберальной коалиции так и не удалось создать дееспособной команды для проведения реформ.

Положительные сдвиги, которые наметились в румынской экономике после 1999 г., произошли благодаря не только смене курса, но и усилению западной помощи. Уже с начала 90-х годов румынское руководство заявило о своем желании интегрироваться в европейское экономическое и политическое пространство. В 1993 г. в Брюсселе было подписано соглашение о присоединении Румынии к ЕС в качестве ассоциированного члена, а в 1995 г. это соглашение вступило в силу. Однако низкие экономические показатели мешали Румынии приблизиться к намеченной цели.

Экспертиза документа Европейской комиссии «“Повестка дня” 2000» показывала, что Румыния не могла быть включена в 1997 г. в переговоры о вступлении в ЕС наряду с Венгрией, Польшей, Чехией, Словенией и Эстонией. Согласно документам, принятым на саммите ЕС в Люксембурге в декабре 1997 г., Румыния была признана лишь участницей «процесса интеграции», но не «процесса переговоров». Согласно оценкам отчета Европейской комиссии в октябре 1998 г., Румыния оказалась единственной из стран-претендентов, не сумевшей продвинуться в экономике. Несмотря на это, она не снижала активности своей политики, направленной на то, чтобы убедить западных партнеров в неотложности таких переговоров.

Самым сильным аргументом в пользу Румынии стала ее поддержка натовских бомбардировок в Югославии в 1999 г. Позиция Румынии в балканском конфликте оказалась решающим фактором в ускорении процесса принятия страны в «клуб» европейских претендентов. 4 мая 1999 г. британский премьер Тони Блэр, выступая перед румынским парламентом, дал высокую оценку румынской внешней политике и заверил, что теперь он считает своим обязательством содействовать Румынии в начале переговоров о вступлении в ЕС (7).

Европейская комиссия, анализирувавшая румынскую экономику за 1999 г., хотя и подтвердила отрицательные выводы в целом, но все же отметила некоторые положительные сдвиги и рекомендовала ЕС начать переговоры с Румынией. На декабрьском саммите 1999 г. в Хельсинки Румыния была включена Евросоюзом в переговорный процесс. При этом в стране был налицо структурный экономический кризис. Таким образом, обстоятельства включения Румынии в эти переговоры относились исключительно к политической сфере, хотя речь шла в первую очередь об интеграции экономической.

К новому 2000 г. Румыния получила от ЕС часть обещанного транша в 209 млн. евро, что, однако, не приблизило ее к кандидатам-фаворитам. ЕС объявил, что в 2004 г. десять из двенадцати стран-кандидатов должны стать полноправными членами ЕС. Для Румынии «испытательный срок» продлевался до 2007 г.

Представители Евросоюза и западные экономисты неустанно подчеркивают, что и в момент вступления Румынии в ЕС переходный период не закончится. «Должно пройти еще по крайней мере десять лет интенсивных реформ, как это было с Испанией и Португалией, когда они вступали в ЕС. Надо меньше смотреть на Брюссель и больше обращать внимание на своих региональных соседей» (15).

Правительство, сформированное в конце 2000 г. после второго пришествия во власть И.Илиеску, получило на протяжении последующих лет солидные денежные вливания в экономику от западных структур и международных кредитных фондов. К 2003 г. оно добилось экономических результатов, которые в целом удовлетворили зарубежных попечителей. Параллельно в ходе переговоров с ЕС Румыния демонстрировала, что всемерно старается выполнять все выдвигаемые условия, а также соответствовать требованиям западных держав в международной политике.

Как же развивалась румынская экономика после 2000 г. при поддержке солидных кредитов и благодаря советам зарубежных экспертов? В «Докладе о переходном периоде 2002» Европейского банка реконструкции и развития говорилось, что Румыния имела положительные результаты за 2000–2002 гг. Правда, оставались проблемы производительности труда, частных инвестиций и реформирования государственного сектора. Среди приоритетных задач фигурировали: ускорение приватизации, привлечение крупных иностранных инвестиций, улучшение финансовой дисциплины, сокращение налогового дефицита, возрастание

компетенции в финансовой области, ликвидация коррупции, укрепление законодательства (см. 11).

Международный валютный фонд также в целом дал положительную оценку экономическим преобразованиям Румынии за 2000–2002 гг. Как отмечалось в его очередном ежегодном докладе, в результате сочетания бюджетной жесткости, адекватных цен на энергию и разумной денежной политики удалось сократить дефицит текущих счетов и давление внутреннего потребления. В то же время возрастание экспорта и ВВП были одними из самых высоких в регионе, что отражало направление частных инвестиций в производство товаров народного потребления, ориентированных на экспорт, а также более высокий уровень конкурентоспособности и повышение реального товарообмена по сравнению с 1999 г. (25).

Достаточно высокие налоги на зарплату, которые привели к росту теневой экономики и сократили налоговые сборы в предшествующий период, были уменьшены на 3% в 2002 г. Монетарная политика привела к снижению инфляции, ускорилось оздоровление банковской системы. Однако экспансия кредитов, направленных в частный сектор, хотя и поддержала процесс инвестирования, являлась настораживающим фактором из-за потенциальных следствий, влияющих на качество кредитных портфелей коммерческих банков.

Достигнутая стабилизация отразила успех сдерживания зарплат на госпредприятиях. Тем не менее, рост зарплат на госпредприятиях опередил такой рост в частном секторе. Дополнительный риск для снижения инфляции создало и увеличение минимальной зарплаты в январе 2003 г.

Отчисления, собранные от крупных государственных производителей, увеличились, но незначительно. При этом цены на природный газ на внутреннем рынке все же оставались значительно ниже импортных.

Медленный рост процесса приватизации, с точки зрения МВФ, продолжал пагубно влиять на румынскую экономику, вследствие чего частный сектор имел одну из самых низких долей в ВВП среди стран-кандидатов в ЕС. Условия перехода государственной собственности в частный сектор, в частности некоторые ограничения, имевшиеся в трудовом законодательстве, сдерживали приватизацию.

Все же макроэкономические сдвиги, произошедшие в 2002 г., в целом обнадеживали, сокращался бюджетный дефицит, в том числе и государственного сектора. Политика властей стимулировала доверие инвесторов, что и позволило ускорить экономический рост. Руководство

МВФ вместе с тем сочло, что стабильные результаты в среднесрочной перспективе возможны при наличии твердых позиций на макроэкономическом уровне и при ускорении структурных реформ.

Благоприятное влияние на экономическую ситуацию оказали сокращение налогов на социальное страхование и реформы, направленные на снижение налога на добавленную стоимость и налога на прибыль. Однако, как подчеркивалось в документе МВФ, необходимо расширить области сбора налогов и улучшить налоговую администрацию в целом. Чтобы достичь этого и предотвратить одновременно нестабильность в сборе налогов, предлагалось выработать детальные планы среднесрочных расходов. Это должно подготовить условия для инвестиций в инфраструктуру в перспективе вступления в ЕС. Рекомендовано проводить более жесткую бюджетную политику, чем это предусмотрено в Экономической программе присоединения, предложенной Евросоюзом в августе 2002 г.

Экономическая стабилизация, подчеркивалось в докладе МВФ, предотвратит потери в государственных компаниях, особенно энергетических. Было рекомендовано ускорить закрытие неэффективных предприятий и предпринять новое повышение цен на газ, а также привести в соответствие со стоимостью цены на электроэнергию и тепло. МВФ приветствовал решение выставить на продажу до конца 2003 г. большинство государственных предприятий неэнергетического сектора.

Вместе с тем вызывала озабоченность политика сохранения рабочих мест и вложение значительных средств в это сохранение. Это выбивало карты из рук инвесторов и тормозило процесс приватизации. Социальные сложности, вытекающие из реструктуризации, предполагалось решать дополнительным усилением мер социальной защиты и стимулированием развития частного сектора, особенно путем устранения барьеров на пути развития мелкого и среднего бизнеса. МВФ предостерег, что увеличение минимальной зарплаты в январе 2003 г. не должно привести к увеличению других выплат, которые могли бы повлиять на рынок труда. Сдвиги в этой области и одновременно соблюдение договора stand-by о предоставлении кредитов МВФ являлись предварительным условием очередной положительной оценки румынской экономики в программе присоединения Румынии к ЕС.

Одновременно МВФ обратил внимание на важность поддержания гибкого рынка труда, призвав румынскую сторону пересмотреть совместно с Мировым банком статьи нового Трудового кодекса, которые пре-

пятствуют этой гибкости и затрудняют развитие малого и среднего бизнеса.

Чтобы увеличить инвестиции частного капитала, необходимы новые институциональные реформы и ускорение борьбы с коррупцией. Необходимо также закончить реформу законодательства и запустить эффективный механизм банкротства. Для большей либерализации внешней торговли необходимо уменьшить таможенные пошлины со странами, не входящими в ЕС. Валютный режим — один из главных факторов, определяющих сокращение инфляции и благоприятствующих конкурентоспособности на внешнем рынке. Продолжавшееся давление денежной массы на внутреннем рынке диктовало, по мнению МВФ, новое постепенное сокращение нормы прибыли (14).

В конце августа 2002 г. МВФ принял Дополнительный меморандум об экономической политике в рамках договора stand-by, который был продлен еще на год. Были открыты два кредитных транша, в сумме составляющих 109 млн. долл. Первоначально договор stand-by предусматривал кредиты на сумму 383 млн. долл. и был завершен в октябре 2001 г. (25).

В апреле 2003 г. МВФ снова обсудил договор stand-by и утвердил предоставление очередного транша в 75 млн. долларов. При этом было отмечено некоторое замедление структурных реформ. После оценки состояния румынской экономики в 2002 г., в программу реформирования были включены меры по улучшению финансовых результатов в энергетике и реструктуризации государственных предприятий.

Перед Румынией ставилась задача скорейшей приватизации Национального коммерческого банка, крупнейшей нефтеперерабатывающей компании «Petrorom», компаний по поддержанию газоснабжения и подачи электроэнергии, а также других компаний, находящихся в портфеле Приватизационного управления (14).

Нефтеперерабатывающая группа «Petrorom» являлась самой большой государственной компанией, подлежащей приватизации. В августе 2003 г. государство объявило о продаже 30–40% ее акций. Процедура приватизации, начатая в сентябре 2003 г., должна закончиться 31 марта 2004 г. «Petrorom» имеет 695 единиц, выставляемых на продажу в Румынии и за рубежом. Оборот производства в первой половине 2003 г. составлял 1,01 млрд. долл. Это на 4,4% больше по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года. В 2002 г. оборот компании составлял 2,2 млрд. долл. при доходе 100 млн. долл. Будущему владельцу

предлагался 51% капитала, 33,34% акций должно быть выкуплено сразу, остальные — в процессе увеличения капитала.

Государство рассчитывало получить от продажи 30—40% акций 1 млрд. долл. Эта сумма возрастет, когда пакет проданных акций увеличится до 51%. Сумма сделки превосходит все когда-либо заключавшиеся Румынией в этой области (24).

Министерство экономики и торговли приняло заявки на участие в конкурсе от 15 компаний и международных консорциумов, четыре из которых были вскоре исключены еще на стадии рассмотрения заявок (10).

Слишком маленькие для мировых нефтяных гигантов, нефтяные компании Центральной и Восточной Европы обычно привлекательны в первую очередь для региональных инвесторов. Впервые крупнейшие нефтяные фирмы проявили такой интерес к инвестициям на рынке ЦВЕ. Среди участников конкурса — самая большая нефтеперерабатывающая компания США «ConocoPhillips», итальянский нефтегазовый концерн «Eni», а также российско-британский консорциум «ТНК-БП», российский «Газпром» (24).

Дальнейшее развитие румынской нефтеперерабатывающей промышленности, ее перспективы связаны с надеждами на прокладывание нефтепровода из Средней Азии в Европу через румынскую территорию. Об этом, в частности, шла речь во время визита президента И.Илиеску в Казахстан.

«Petrorom» планирует получить в 2003—2007 гг. инвестиций на сумму 430 млн. долл. для строительства новых мощностей и модернизации старых в соответствии с нормами, предъявляемыми ЕС в этой области. В первую очередь инвестиции предполагается направить на строительство новых мощностей двух нефтехимических комбинатов: «Arpechim Pitesti» и «Petrobrazii Ploesti». 10 млн. долл. пойдут на модернизацию этих предприятий. При этом стоимость переработки нефти в бензин снизится на 15—20%, повысится качество бензина, решатся экологические проблемы производства (там же).

Не только нефтеперерабатывающая, но и другие сектора энергетики ожидают частных инвестиций, которых пока недостаточно. Итальянская компания «Enel SpA» проявила заинтересованность в электроэнергетических предприятиях «Electrica Dobrogea» и «Electrica Banat». В области атомной энергетики лидирует «Grupul Energetic Tinde», которая инкорпорировала несколько государственных компаний. Появился пер-

вый проект, связанный с нетрадиционными источниками получения энергии. Компания «Energy Holding» объявила, что будет строить совместно с румынской «Petromidia» солнечную электростанцию на юге страны (21).

Как показывает рейтинг, который ежегодно проводит журнал «Biz», многие приватизированные компании быстро становятся прибыльными и продолжают наращивать свой капитал. Список компаний, наиболее динамично развивающихся в результате приватизации, возглавляет «Ispat Sidex» — металлургический комбинат в г. Галац, еще недавно считавшийся черной дырой государственной экономики, именно его в первую очередь называли гигантом на глиняных ногах. Если в 2001 г. потери комбината составляли 311 млн. евро, то в 2003 — лишь 19,8 млн. евро. Эти изменения, как считают румынские эксперты, происходят благодаря новому владельцу — «LNM Holding». Таким образом, румынская черная металлургия, казалось бы, умершая и похороненная многими экономистами, может стать прибыльной при грамотном руководстве на основе рыночных принципов. Естественно, в нее вкладываются капиталы. В 2002 г. «LNM Holding» инвестировал в это предприятие 35,1 млн. долл., план на 2004 г. предусматривает 100 млн. долл.

Недалеко от г. Галац располагается еще один промышленный комплекс, который также успешно развивается благодаря включению в рыночное хозяйство. Эта компания также относится к традиционному для Румынии сектору нефтепереработки. Речь идет о «Rafinarea Petromidia», которая дает 75% общего объема производства нефтеперерабатывающей группы «Rompetrol». «Rafinarea Petromidia» перерабатывает 3,8 млн. т. нефти в год и в 2003 г. заработала 921,1 млн. евро, встав на вторую позицию по темпам развития (4).

Положительные результаты дала приватизация компании «Petroservice SA» — преемницы «Petroserv SNP», раньше бывшей в составе государственного гиганта «SN Petrorom». Компания специализируется на предоставлении услуг нефте- и газоперерабатывающей отраслям и стремится к независимости от «Petroram», которая остается ее главным клиентом. В начале 2004 г. аналитики делали прогноз, что «Petroservice SA» сможет через некоторое время занять первое место по темпам развития, если государству удастся ее продать полностью.

Если успешные результаты приватизации анализировать по группам компаний, то на первом месте — «Rompetrol», которая кроме «Rafinarea Petromidia» включает также «Rompetrol Downstream» и

«Romp petrol SA», которые по темпам развития находятся на 17-м и 21-м местах соответственно. Правительство разрешило конвертировать в облигации старые долги предприятия «Navodari», входящего в группу «Romp petrol», что дает дополнительные шансы для его успешного развития. Долги — в размере 603 млн. долл. — должны быть возвращены государству в течение 20 лет.

«Romp petrol» является самой большой частной компанией, основанной на отечественном капитале. Она была создана румынским предпринимателем Д.Патричиу, а затем получила инвестиции от концерна «OMV» (25,1% акций). Президент «Romp petrol» Д.Патричиу заявил, что возглавляемая им промышленная группа имеет намерение в перспективе превысить производственный оборот ведущего нефтеперерабатывающего концерна «Petrorom», планируется также региональное расширение «Romp petrol» на рынке ЦВЕ за счет увеличения розничных продаж (21).

Все же во главе списка активно развивающихся компаний пока не промышленные предприятия, а торговые фирмы, значительная часть капитала которых принадлежит крупным западным компаниям.

Набирает обороты румынский филиал немецкой компании «Метро» — «Metro Cash & Carry». «Метро» была первой международной торговой сетью, вступившей на румынский рынок. В 1996 г. «Метро» открыла 17 магазинов, из них 3 — в Бухаресте. На протяжении нескольких лет только она представляла румынскому потребителю возможность контакта с западным понятием торговли. За последние годы сеть расширилась за счет супер- и гипермаркетов. В 2003 г. оборот «Metro Cash & Carry» увеличился на 16% по сравнению с 2002 г.

В области телекоммуникаций продолжается конкуренция между «Connex» и «Orange». Для последней 2002 г. был нелегким, так как она сменила название: «Dialog» на «Orange». Эта смена сильно не снизила доходы компании. Она по-прежнему занимает пятую позицию по темпам развития. За ней следует «Connex», который является оператором номер один на местном рынке. «Connex» и «Orange» остаются самыми высокодоходными компаниями Румынии.

Среди наиболее стабильных частных компаний самыми крупными являются «Interbrands Marketing & Distribution» и «Automobile Dacia». Первая — самая большая дистрибьюторская румынская компания, которая реализует товары широкого потребления, производимые международными компаниями. «Automobile Dacia», выкупленная французской фирмой «Renault», пока лишь ожидает лучших времен. Ей не только не

удается избежать потерь, но в 2002 г. они выросли на 30 млн. евро. Правда, и объем ее производства вырос на 40 млн. евро (4).

Согласно ежегодному докладу Европейской комиссии за 2002 г., при явных признаках экономической стабилизации отставание Румынии от других стран-кандидатов по некоторым параметрам даже увеличилось (29). Несмотря на некоторые макроэкономические сдвиги, характерным признаком сложившегося положения по-прежнему являлась нефункциональная экономика. Среди стран-кандидатов Румыния в 2002 г. имела наивысшую инфляцию — 17,8% в год. Правительству не удалось провести реструктуризацию государственных фирм, которые продолжали жить за счет других, используя дотации.

Европейская комиссия приняла в 2003 г. решение предоставить Румынии в период 2004—2007 гг. 3 млрд. евро на поддержку процесса интеграции в рамках программы «ФАРЕ». Это самая большая сумма из тех, которые когда-либо предоставлялись Евросоюзом на эти цели. Однако способы расходования предоставляемых средств, как отмечала парламентская оппозиция, оставляют желать лучшего. Ощутимая часть европейских денег уходит на содержание бюрократического аппарата интеграционных структур, величина которого явно завышена. Наряду с Министерством интеграции образованы соответствующие департаменты и в других министерствах, которые порой дублируют друг друга. Кроме этого, нет достаточной прозрачности расходования предоставляемых средств, в чем оппозиция также неоднократно упрекала правящую Социал-демократическую партию (27).

За последние годы в Румынии проведена большая работа по приведению отечественного законодательства в соответствие с общеевропейским. Это касается буквально всех областей жизни, но работы по-прежнему непочатый край. «С незапамятных времен нестабильность законодательства — притча во языцех» (8). Одним из главных препятствий для расширения инвестиционной базы и привлечения иностранного капитала, в частности, является законодательная неустойчивость в области отношений собственности. Так, например, Закон о приватизации на протяжении восьми лет изменялся 51 раз. В состоянии непрерывной коррекции находятся законодательные акты, касающиеся экономической деятельности (8).

1 марта 2003 г. наконец вступил в силу новый Трудовой кодекс, подготовка которого была осложнена яростными дебатами между профсоюзами и работодателями. Дискуссия длилась шесть лет. Как заявил,

выступая в парламенте, премьер-министр А.Нэстасе, статьи нового нормативного документа «будут способствовать смягчению поляризации румынского общества» (31). Новый кодекс отразил изменившиеся социально-экономические реалии. Так, румынские граждане теперь могут легально работать за рубежом, упраздняется трудовая книжка и вводится регистрация в трудовой инспекции, в случае задержки зарплаты работодатель рискует оплатить нанесенный ущерб, учреждается Фонд гарантии заработной платы, который будет функционировать, правда, только к 2007 г. Этот кодекс будет дополнен целой серией специальных законов. Замечания к новому кодексу имеют международные фонды и организации, курирующие процесс реформирования румынской экономики.

Серьезным препятствием на пути ускорения реформ оставалась недостаточная открытость румынской экономики, что затрудняло проникновение в нее иностранного капитала, в чем в первую очередь и заинтересованы кредиторы. В апреле 2003 г. в Брюсселе в рамках переговоров Румыния—ЕС состоялась встреча, посвященная теме «Свободное движение капиталов». Румыния взяла на себя обязательство пройти два переходных этапа либерализации движения капиталов. В течение 7 лет должны быть подготовлены юридические условия для возможности приобретения гражданами ЕС и европейского экономического пространства (ЕЭП) сельскохозяйственных и лесных угодий в Румынии, а в течение 5 лет — второго места жительства. Постепенность такого перехода обусловлена тем, что в противном случае возможны нежелательные колебания на фондовом рынке и спекуляция землей. Статьи Конституции, запрещающие иностранцам становиться земельными собственниками в Румынии, как настаивали кредиторы, должны быть исключены еще до вступления Румынии в Евросоюз. После присоединения граждане стран ЕС и ЕЭП, являющиеся румынскими резидентами, будут пользоваться всеми правами наряду с гражданами Румынии. Пока Румыния не вошла в ЕС, иностранные физические и юридические лица имели возможность приобрести статус румынского юридического лица и только в таком случае они могли стать земельными собственниками. Еще раньше были узаконены прямые инвестиции и вложения румынских резидентов за границей, а также движение капитала, связанное со страхованием жизни. Кроме этого, были устранены юридические ограничения, касающиеся прямых инвестиций нерезидентов в области горного дела, туризма и разнообразных концессий. Отдельные пункты переходного плана касаются систем платежей и трансграничного перевода кредитов, а также

контроля над денежными потоками и отмыванием грязных денег. Национальный банк Румынии будет уполномочен рассматривать жалобы, касающихся перевода трансграничных кредитов. Румыния обязалась еще до конца 2003 г. поставить под контроль денежные потоки в рамки общеевропейских правил. В январе 2003 г. Евросоюз предоставил Румынии 500 тыс. евро на борьбу с отмыванием денег.

С целью более широкого привлечения иностранных инвестиций румынский Сенат весной 2003 г. принял положение, согласно которому минимальная сумма иностранных инвестиций снижается со 100 тыс. евро до 70 тыс. в случае, если инвестор намеревается стать акционером, и до 50 тыс., если речь идет об участии в обществе с ограниченной ответственностью.

Согласно плану, юридические основания для свободного движения капиталов были подготовлены до конца 2003 г. Для координации и содействия иностранному капиталу на государственном уровне создано Румынское агентство иностранных инвестиций. Его роль состоит в продвижении за рубежом информации о деловой обстановке в Румынии, а также в облегчении вхождения иностранного капитала в национальную экономику. Крупнейшая в мире консалтинговая компания «PriceWaterhouseCoopers» является главным партнером Румынии по консалтингу, предоставляя полную информацию о Румынии для потенциальных и действующих иностранных инвесторов (12).

Увеличения иностранных капиталовложений ожидает не только промышленность, но и сельское хозяйство. Как отмечали эксперты, Румыния «в области пищевой промышленности и сельского хозяйства находится в XVIII веке» (3). К тому же эти области сильно пострадали и в период социалистической индустриализации, и от шоковой терапии посткоммунистических реформ. А ведь именно сельское хозяйство для Румынии, страны преимущественно аграрной традиции, является основополагающим сектором экономики.

Румыния до 2007 г. должна по рекомендации ЕС создать 20 специальных органов, которые будут содействовать аграрной реформе. На эту цель выделено 500 млн. евро, 25% из которых оплачивается Евросоюзом. Такие органы будут заниматься статистикой, представлять политику ЕС в области качества продукции, государственных дотаций, совершенствования работы инспекций в виноделии, садоводстве, овощеводстве и животноводстве, а также мониторинга развития сельских местностей, сбора информации о ценах на сельскохозяйственную продук-

цию и др. Как заявил государственный секретарь Министерства сельского хозяйства В.Стериу, Румыния прилагает усилия, чтобы до конца 2003 г. добиться аккредитации всех мер, предусмотренных программой «SAPARD». Благодаря этой программе Румыния имеет доступ к фондам ЕС в 1 млрд. евро (16).

Сложность аграрных реформ состоит в том, что, принимая в соответствии с рекомендациями ЕС новое законодательство, Румыния зачастую сталкивается с непредвиденными проблемами. Так, следствием принятия законов, направленных на укрепление ферм, на деле стали их распыление и уменьшение в размере. Парадокс состоит в том, что сельское хозяйство времен Чаушеску с его гигантскими кооперативами более отвечает требованиям ЕС, нежели сегодняшний конгломерат мелких и средних хозяйств. Евросоюз оказывает поддержку именно крупным предприятиям (3).

На ЕС приходится 70% внешнеторгового оборота Румынии. Этот оборот не ограничивается сельскохозяйственной продукцией. Одним из пунктов переговоров Румыния–ЕС является политика в области промышленности, слабое звено которой – низкое качество товаров. Для преодоления такого положения правительство выработало Стратегию стандартизации качества промышленных товаров на европейском уровне. Стоимость проекта – 785000 евро, из которых 765000 предоставлено Евросоюзом. Претворение в жизнь этой программы, как надеются ее разработчики, позволит румынским товарам выходить на европейский рынок.

За период 2002–2003 г. принято более ста правительственных решений, направленных на то, чтобы румынские товары могли соответствовать нормативам ЕС. Одно из условий присоединения – подписание Европейского протокола об оценке соответствия (PECA), переговоры о котором Румыния начала в августе 2002 г. Этот протокол к середине 2003 г. уже был подписан Венгрией, Чехией, Латвией, Литвой и Словенией.

Цель институциональной реформы в этой области – учредить единый орган, занимающийся оценкой соответствия качества. Этот орган должен сертифицировать все товары. Его сертификат исключит необходимость дополнительной сертификации в странах-импортерах, где различные министерства имеют свои агентства сертификации. Это дорого, и к тому же порой одни агентства не признают сертификаты других (13).

Важнейшей проблемой румынской экономики продолжало оставаться недостаточное развитие малого и среднего бизнеса. В рамках «Европейской хартии малых предприятий» Румыния по просьбе Еврокомиссии подготовила в 2003 г. Отчет о состоянии малого и среднего бизнеса. Координатором соблюдения «Европейской хартии малых предприятий», подписанной Румынией в 2002 г., является Национальная ассоциация малых и средних предприятий.

8 июля 2002 г. в Бухаресте состоялась встреча руководства этой ассоциации с представителями Европейской комиссии. Как отмечено последними, для развития малого и среднего бизнеса в Румынии необходимо упростить процедуру регистрации коммерческих фирм, введение прозрачного законодательства, единого кодекса идентификации фирм и равного доступа к консультированию. Президент упомянутой ассоциации С.Чорней согласился с мнением, что основной проблемой остается недостаточность источников финансирования. Некоторые банки отказываются финансировать новые предприятия, их капиталовложения невелики, уровень доходов низок. Вместе с тем заемщики часто не могут представить банкам серьезных гарантий, да и вообще имеют смутные представления о бизнесе. Банковская деятельность неэффективна в обеспечении баланса между привлеченными средствами и предоставляемыми кредитами.

Внутренние займы в Румынии составляли в рассматриваемый период 12% от ВВП, что являлось самым низким показателем в Центральной и Восточной Европе. Эта цифра должна снизиться с принятием Закона о банкротстве, который позволит быстрее возвращать долговые обязательства банкам и капитализировать Национальный фонд гарантирования кредитов малым и средним предприятиям (НФГК). Этот фонд был учрежден в июне 2002 г., его начальный капитал составлял 50 млрд. лей. К середине 2003 г. он достиг 394 млрд., а в 2006 должен составить 1100 млрд. лей. Фонд гарантирует 80% кредита для малого и среднего бизнеса, направляемого на инвестиции или поддержку производства заемщика. Комиссионные, получаемые фондом, составляют 1,5% от кредитов, предоставляемых на 12 месяцев, и 2,5% для более длительных сроков.

Показателем некоторой нормализации проблемы кредитов для малых и средних предприятий является эволюция рынка лизинга, в котором работает около 100 фирм. По сравнению с 1998 г. количество контрактов по лизингу возросло в четыре раза.

В ходе бухарестской встречи 2002 г. Европейская комиссия рекомендовала Румынии, чтобы в 2003 г. малыми и средними предприятиями было создано 760 тыс. рабочих мест, чтобы малый и средний бизнес серьезно увеличил свою долю в ВВП, увеличил экспорт приблизительно на 10% в год и привлекал больше средств по международным программам. По данным середины 2003 г., малый и средний бизнес обеспечивает 6% экспорта (30).

Стабилизация румынской банковской системы в целом осуществляется двумя основными путями. Проблемные банки подвергаются банкротству или присоединяются к мощным банковским структурам. Кроме этого корректируются правила банковской деятельности, усиливается контроль за банками со стороны Национального банка Румынии. Сложилось положение, при котором банки предпочитают кредитовать уже известных, преимущественно корпоративных клиентов, однако в последние два года все же наметилась тенденция большего кредитования мелкого и среднего бизнеса, а также частных клиентов (retail banking). Румынская банковская система еще очень слаба. Пока ограниченное число лиц имеет кредитные карточки и депозитные счета. Румынские банки пока еще не могут предоставить клиентам банковские услуги в полном объеме, но постепенно расширяют спектр деятельности (6).

Среди прочих европейских программ, направленных на реформирование экономики стран ЦВЕ, Румыния также включена в программу «eContent». В целом она предназначена поддерживать развитие европейских цифровых технологий в глобальной сети, а также содействовать языковому разнообразию в информационном обществе. Эта программа охватывает не только членов ЕС, но и его кандидатов. Румыния подписала об этом специальное соглашение с Европейской комиссией.

Важным направлением реформирования экономики является развитие ипотечного кредитования на рынке жилья. В 2003 г. румынские специалисты по недвижимости, следуя за своими восточноевропейскими коллегами, создали рабочую группу, которая должна определить параметры первичного рынка жилья и возрастания деятельности на основных рынках. Однако для этого необходимо принять ясное законодательство о вторичном ипотечном рынке, создать страховые общества и пенсионные фонды.

Серьезнейшей проблемой румынского общества, пагубно влияющей на деловой климат, остается коррупция. В заключение своего визита в Бухарест в феврале 2003 г. комиссар по расширению ЕС Э.Ферхойген

заявлял, что Румыния рискует задержать свое вступление в ЕС, если в 2003 г. не осуществит глубокую реформу экономики и административного управления, не будет бороться с коррупцией, не укрепит независимость судебной системы и юстиции. Недостаточно привести законодательную базу в соответствие с общеевропейской — законодательные нормы должны применяться на практике, подчеркивал он. «В стране, где можно покупать судей, что-то не в порядке» (32).

Печальное состояние юстиции в Румынии выявляет и мониторинг Института «Открытое общество», согласно которому неверие населения в юридическую систему чрезвычайно велико. Ее политизация и вытекающая отсюда зависимость судебной системы от власти могут явиться главным препятствием на пути Румынии в Евросоюз (19). О неблагоприятном положении дел в юстиции свидетельствует и то, что румынское государство проигрывает дела в Страсбургском суде.

31 марта 2003 г. румынский парламент принял пакет антикоррупционных законов. Это произошло вслед за тем, как не прошел инициированный оппозицией вотум недоверия, известный под названием «Мафия душил Румынию». Оппозиционные лидеры утверждали, что предложенные законы несовершенны, нечетки и полны лазеек. Кроме этого, сама конституционность пакета вызывает сомнения. Не поддержали этот пакет и ведущие гражданские организации. «Это почти ничто, — заявил К.Пэрвулеску, президент организации «Ассоциация за демократию». — Это натуральное очковитительство. Они просто хотят показать чиновникам из ЕС, что приняли антикоррупционные законы, в надежде, что те вычеркнут этот вопрос из длинного списка мер, которые надо принять для вступления в Союз» (1).

Пакет антикоррупционных мер, принятый в марте 2003 г., — не первая решительная попытка Румынии бороться с коррупцией законодательным путем. Некоторые антикоррупционные меры оговаривались законодательным актом 2000 г. За ним последовало создание специальных структур внутри министерств юстиции и внутренних дел. С начала 90-х годов в этих министерствах существуют и другие отделы, полномочные расследовать дела о коррупции.

В феврале 2004 г. Европейская комиссия направила в адрес румынского премьера письмо с предупреждением, что вступление Румынии в ЕС в 2007 г. может оказаться под вопросом, если она не будет выполнять в точности все пункты программы присоединения, касающиеся борьбы с коррупцией, реформирования юстиции и адаптации законода-

тельства о правах детей к европейским нормам. То же самое услышал премьер-министр А.Нэстасе, вскоре прибывший в Брюссель. Председатель Европейского союза Р.Проди потребовал принятия дополнительных мер по борьбе с коррупцией (5).

Позитивные структурные сдвиги в румынской экономике, о которых говорится в оптимистичных рапортах международных организаций, пока что ощутимо не влияют на жизненный уровень рядовых граждан, большинство которых отрицательно относится к реформам. Согласно социологическому опросу на национальном уровне, который проводился с 25 марта по 4 апреля 2003 г., около 60% опрошенных считают, что Румыния идет в ошибочном направлении. В сравнении с опросом, который проводился в начале года, число «пессимистов» выросло (14).

Аналогичные результаты получены Барометром доверия потребителя, который ежеквартально с мая 2002 г. осуществляет румынский филиал немецкой компании «GfK» — «GfK Romania». Эти опросы частично финансируются Евросоюзом. Согласно опросу первого квартала 2003 г., большинство румын предполагает, что финансовое положение их семей и экономическое положение страны в целом в следующем году ухудшатся. Этот опрос также фиксирует, что с января 2003 г. число пессимистически настроенных граждан увеличилось. В апреле 30% опрошенных предчувствовали дальнейшее ухудшение ситуации семьи и только 25% прогнозировали ее улучшение; что касается экономики страны, то здесь аналогичные показатели — 32% и 27%. Для румын, как и для болгар, показывают самые низкие уровни оптимистических прогнозов. Только 17% румын считают свое положение лучшим, чем год назад. 52% заявили, что доходов почти хватает на покрытие текущих расходов, лишь 15% утверждают, что могут откладывать деньги, а 25% — имеют долги. Индекс доверия рынку, который определяется несколькими вопросами, составляет пока величину отрицательную.

Экономический рост, который наблюдается последнее время, не отражается в той же степени на потреблении. Сохраняется большой разрыв в доходах. 10% лиц с высокими доходами потребляют столько же, сколько 50% румын с меньшими доходами. Что касается товаров длительного пользования, то большинство ориентируются на самые дешевые. Как показывает сравнительный анализ, разрыв между доходами в Румынии больше, чем в других странах ЦВЕ (26).

Конечно, положительные сдвиги в макроэкономике не могут вызвать моментального роста жизненного уровня, как и не гарантируют

устойчивого экономического роста сразу же. Инфляция в 2002 г. составила 17,8%. Согласно данным Национального института статистики, в 2003 г. она впервые снизилась до 14,1%. В период 2000–2002 гг. экономический рост в среднем составил 4%. Экспорт за это же время возрос на 27,1%, достигнув цифры 16,4 млрд. долл. Дефицит внешнеторгового баланса сократился с 2,4 млрд. долл. в 2001 г. до 1,6 млрд. долл. в 2002 г. Валютный резерв составил в 2002 г. 6 млрд. евро, тогда как к концу 2001 г. он насчитывал лишь 2,3 млрд. евро (12).

Стремясь в Евросоюз, Румыния после начала реформ не проявляла заинтересованности в экономическом сотрудничестве с Россией. Впрочем, Россия также на какое-то время потеряла интерес к своим восточноевропейским соседям. После распада социалистического блока внешнеэкономические связи между Румынией и Россией почти не развивались более десяти лет. Все это время велись, но почти не продвигались вперед переговоры о подписании базового политического договора: ни одна из сторон не соглашалась на компромиссы. К тому же наша страна как наследница СССР задолжала Румынии 21,7 млн. долл. Проблема разрешилась только в 2000 г., когда был подписан договор о строительстве в Румынии электростанции в счет погашения долга. После этого процесс экономического сотрудничества сдвинулся с мертвой точки, хотя еще в 1991 г. между Россией и Румынией был подписан торговый договор, а в 1993 г. договор об избежании двойного налогообложения и договор о защите инвестиций.

Торгово-экономическое сотрудничество между двумя странами оживлялось по мере продвижения вперед переговоров о базовом политическом договоре. К весне 2003 г. российские предприниматели уже вложили в румынские предприятия больше 400 млн. долл. В Румынии в этот момент работало более 200 компаний с участием российского капитала; самыми крупными инвесторами являлись «Газпром», «Лукойл», «Объединенные металлургические заводы», «Русал», «Мечел» и другие компании. Несмотря на то, что товарооборот между Россией и Румынией неуклонно рос (в 2002 г. он вырос на 4,7%, достигнув 1,32 млрд. долл.), обе стороны были недовольны его структурой. Ввозные и вывозные пошлины к середине 2003 г. оставались серьезным барьером для развития торговли между нашими странами.

3 июля 2003 г. в Москве состоялось подписание базового Договора о дружественных отношениях и сотрудничестве между Россией и Румынией. За рамки договора удалось вывести как проблему румынского

золота, так и осуждение пакта Молотова—Риббентропа 1939 г. и его последствий, на чем первоначально настаивала румынская сторона.

Во внешнеторговом обороте Румынии Россия занимает всего лишь 53-е место. Правда, эта цифра весьма условна. При подсчете доли российских компаний не учитывался тот факт, что некоторые из них, например «Лукойл», из-за особенностей российского законодательства предпочитают работать с Румынией через третьи страны.

В настоящее время Румыния — лидер среди стран бывшего соцлагеря по присутствию в экономике страны российского бизнеса. Географически Румыния очень привлекательна для последнего, ведь она является своего рода перевалочным пунктом хозяйственных, в первую очередь сырьевых, потоков в другие европейские страны. Поэтому не случайно, что основными российскими партнерами Румынии являются крупные сырьевые компании.

Список литературы

1. Амарией Р. Румыния: Кто кого душит? — Mode of acces: <http://archive.tol.cz>.
2. Гуржий В. Трудная дорога в будущее: Стремление Бухареста к интеграции в ЕС и НАТО не должно мешать отношениям с Россией // Дипкурьер.— М., 2001. — № 10. — 21 июня.
3. Agricultura ecologica — un atu al Romaniei in procesul de integrare in UE // Adevarul. — Buc., 2003. — 20 mai.
4. Analiza topului. — Mode of access: <http://www.bizcity.ro>.
5. Avertismente de la Bruxelles // Jurnalul national. — Buc., 2004. — 26 febr.
6. Banciile gasesc noi oportunitati de afaceri. — Mode of access: <http://www.bizcity.ro>.
7. Blair T. Sunt convins ca UE va lansa initiativa pentru Romania // Adevarul. — Buc., 1999. — N 2959.
8. Bogdan A. Legea privatizarii, modificata de 51 ori in 8 ani // Adevarul. — Buc., 2003. — 4 aug.
9. Castigatori prin privatizare. — Mode of access: <http://www.bizcity.ro>.
10. Cele patru firme respinse la privatizarea Petrrom // Adevarul. — Buc., 2003. — 6 oct.
11. Coruptia si instabilitatea legislative // Curierul national. — Buc., 2002. — 10 dec.
12. Guidul de afaceri PwC in Romania. — Mode of access: <http://www.bizcity.ro>.
13. F.G. Romania nu va mai putea exporta marfuri in UE // Curierul national. — Buc., 2003. — 3 iul.
14. FMI crede ca Romania intr-o directie buna, romanii au alta parere // Curierul national. — Buc., 2003. — 29 apr.
15. Integrarea sau falimentul! — Mode of access: <http://www.bizcity.ro>.
16. 500 milioane euro pentru 20 de noi institutii in agricultura // Adevarul. — Buc., 2003. — 23 apr.

17. Mungiu-Pippidi A. Identitate politica romaneasca si identitate europeana // Revenirea in Europa. Idei si controverse romanesti, 1990–1995. – Craiova, 1996. – P. 281–291.
18. Mungiu-Pippidi A. Vom alunga “Fantomele Balcanilor”? – In.: Ibid. – P. 229–232.
19. Nicolaescu E. Justitia romana. – Mode of access: [hiip://pnl.ro](http://pnl.ro).
20. Pasti V. Romania in tranzitie. – Buc., 1995. – 331p.
21. Piata energiei se prtgatesta de iliberizare.– Mode of access: [hiip://www.bizcity.ro](http://www.bizcity.ro)
22. Planul National de Dezvoltare 2001 – 2005. – Buc., 2001. – 390 p.
23. Potapievici H.-R. Politice. – Buc., 1997. – 358 p.
24. Privatizarea Petrrom // Mediafax.Dosare. – Mode of access: [hiip://www.revistapresei.ro](http://www.revistapresei.ro).
25. Romania reflectata in oglinda FMI // Curierul national. – Buc., 2003. –20 ian.
26. Romanii sunt pesimisti in privinta situatiei personale // Curierul national. – Buc., 2003. – 27 mai.
27. Rusanu D.R. Stadiul negocirilor de aderare la Uniunea Europeana. – Mode of access: [hiip://pnl.ro](http://pnl.ro).
28. Stefan-Scalat L. Cit de democate pot fi elitele romanesti // Sfera politicii.- Buc.,1996. – N 38. – P. 30–32.
29. Stolojan Th. Raportul pe anul 2002 al comisiei Uniunii Europene asupra Romaniei. – Mode of access: [hiip://pnl.ro](http://pnl.ro).
30. Tudorica I. Comisia euvreana nemultumita // Curierul national. – Buc., 2003. – 8 iul.
31. Varvici R. Ce prevede noul Cod al Muncii // Curierul national. – Buc., 2003. – 13 an.
32. Verheugen cere reforma si combaterea coruptiei // Romania libera. – Buc., 2003. – 22 febr.

Е.Ю.ГУСЬКОВА
СЕРБСКИЕ УЧЕНЫЕ О ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ
ПРОЦЕССАХ В СЕРБИИ

Последние годы Сербию и Черногорию сотрясают политические бури. Нестабильность, граничащая с кризисом, стала постоянной характеристикой политического и социально-экономического развития страны. Ее яркими вехами стали смена власти с помощью уличных демонстраций после непризнанных выборов в октябре 2000 г., затяжной конфликт между руководством Сербии и Черногории, продолжающаяся напряженность и процесс продвижения к самостоятельности в Косове и Метохии, убийство премьер-министра З.Джинджича, выдача бывшего президента Югославии С.Милошевича Гаагскому трибуналу, прекращение существования Союзной Республики Югославии, кризис структур власти в Сербии после марта 2003 г. Ученые Сербии еще не анализировали весь кризисный период после 2000 г., однако научный интерес представляют их выводы и оценки, сделанные в первый год существования демократической власти.

В марте 2001 г., через полгода после так называемой революции, в Белграде ученые разных институтов Сербии обсуждали первые итоги перемен и прогнозировали возможный ход событий на научной конференции под названием «Социально-экономические изменения в Сербии/Югославии: перспективы и ограничения»¹.

В оценке характера октябрьских событий 2000 г. большинство ученых в начале 2001 г. были почти единодушны. Большинство определяли их как «демократическую революцию», которая носила массовый и

¹ Revolucija i prodak: O dinanici o promena u Srbiji. — Beograd: Inst. za filizofiju i društvenu teoriju, 2001. — 378 s.

мирный характер¹. Однако ряд авторов все-таки склонны были называть октябрьские события «переворотом». Так, С.Антонић полагает, что в событиях октября 2000 г., когда к власти пришла Демократическая оппозиция Сербии (ДОС), можно заметить разные составляющие — и черты классического путча, и вооруженного восстания, и переворота, близкого по содержанию к революции. В связи с тем, что «октябрь», пишет автор, означал смену не только власти, но и порядка, что авторитарный режим Милошевича, очень похожий на султанский стиль управления, был заменен хоть и слабой, но демократией, то все-таки эти события можно охарактеризовать как демократические, но пока только с уточнением «политические». Если же ДОС сможет осуществить все, что задумала, то тогда можно будет говорить и об их демократическом общественном характере². Л.Секель полагает, что в октябре были лишь созданы предпосылки для создания демократического строя, однако принципы либерально-демократического государства так и остались предвыборными обещаниями ДОСа³. З.Голубович пишет, что следует говорить не о мирной революции или о путче, а о «нараставшем массовом отпоре одному авторитарному режиму, который своими неумеренными амбициями превзошел всякую меру терпения и вызвал такое негодование, которое уже нельзя было остановить»⁴. Речь идет о смене власти через процедуру выборов, «что говорит о демократической направленности наступивших общественных перемен»⁵. При этом З.Голубович полагает, что не следует говорить о революции, которая в социологическом смысле определяется как основательные изменения общественной системы и общественных институтов; в данном случае этого не произошло, а сделан лишь первый шаг в этом направлении.

Пожалуй, особняком стоит мнение ученого З.Обреновича, который полагает, что 5 октября 2000 г. не произошло революции — ни либеральной, ни демократической. «Пятого октября Сербия под гнетом страха от дальнейших санкций и политического давления решила позицию “европейской партии” (Кинкель, Олбрайт) поменять на позицию евро-

¹ Stojanović S. Demokratska revolucija u Srbiji i poredak: O dinamici promena u Srbiji. — Beograd: Inst. za filozofiju i društvenu teoriju, 2001. — S. 24; Goati V. Priroda poredka i oktobarski prevrat // Ibid. — S. 54.

² Antonić S. Priroda petooktobarskog prevrata // Ibid. — S. 36.

³ Sekejl L. Prinudna demokratizacija kriminalizovane države // Ibid. — S. 102.

⁴ Golubović Z. Šta smo zatekli i kuda dalje // Ibid. — S. 168.

⁵ Ibid.

пейского протектората. Это, как верят ее акторы, было решение, которое во имя выживания народа и государства оплачено согласием на ограничение суверенитета»¹. Тем самым Сербия согласилась на неравноправное положение в европейском сообществе. Поэтому свержение режима Милошевича следует рассматривать прежде всего как факт изменения геополитической перспективы, как своеобразное геополитическое изменение курса. В силу прихода к власти некомпетентной политической элиты демократизация и либерализация общества должны были стать второстепенным фактом.

Хотя прошло не так уж много времени после октябрьских событий, некоторые ученые пытались оценить характер происходящих изменений в сербском обществе. В частности, М.Васович писал, что на политической сцене не происходит тех изменений, за которые голосовал «простой народ», ведомый скорее трудностями жизни, чем ясным политическим видением перспектив. Придя к власти, оппозиция «не предложила сколько-нибудь, хотя бы минимально ясной, программы, по которой можно было бы достичь национального консенсуса»². При этом автор видит две группы причин, согласно которым этого не может произойти и в будущем. Первая группа, по мнению автора, носит объективный характер, и связана с тем, что государство все еще не в состоянии решить вопрос своих границ, определить государственные и национальные интересы, которые должны лечь в основу любой программы. Другая группа причин — субъективной природы. Она связана с организацией, устройством и функционированием самой Демократической оппозиции Сербии. Являясь конгломератом небольших политических партий различных, а иногда и противоположных позиций, или «договорной коалицией», ДОС сталкивается с проблемой постоянного согласовывания позиций по любому возникающему вопросу. В связи с этим, по мысли автора, ДОСу трудно будет перейти от предвыборных обещаний к разработанной и согласованной программе. К сожалению, констатирует М.Васович, актуальных сербских политиков отличает полное отрицание каких-либо позитивных моментов в деятельности предшествующей власти. Они строят свои программные подходы на двух тезисах: 1) не быть милошевичами, 2) быть такими, как и весь остальной демократический

¹ Obrenović Z. Sta Srbi treba da rade u narednih 10 godina // Politika. — Beograd, 2003. — 9 jul. — Mode of access: <http://www.politika.co.yu>.

² Vasović M. Promene u Srbiji — promena predznaka // Revolucija i poredak: O domini naci promena u Srbiji. — Beograd: Inst. za filozofiju i društvenu teoriju, 2001. — S. 84.

мир. А без преемственности в определении позитивной политической программы развития общества, без учета национальных и государственных устремлений народа деятельность политической элиты ведет к политической импровизации и волюнтаризму. При этом любая попытка решить конкретный вопрос в процессе экономических или общественных изменений серьезно угрожает единству ДОСа, а тем самым и всей власти. Тогда, в 2001 г., автор прогнозировала, что в связи с вышесказанным реальной становится возможность распада ДОСа, что и произошло в 2004 г.

Л.Секель подробно рассматривает первые результаты деятельности нового правительства под руководством З.Джиджича, высказывая достаточно критическое мнение. Он называет ДОС властью без оппозиции с полностью подчиненными ей средствами массовой информации. Ученый констатирует, что:

- в Сербии живется хуже, чем до 5 октября;
- роль государства — катастрофическая в таких сферах, как здравоохранение, образование, наука;
- организованный криминал крепко связывает экономическую и политическую сферы;
- не проводятся серьезные реформы в правосудии, армии, полиции, здравоохранении, политической системе, образовании;
- политическая система претерпела лишь косметические изменения, радикальные меры осуществлены только в кадровой политике.

Вопросу кадровой политики автор уделяет особое внимание. По его мнению, руководители всех структур власти и управления назначаются по партийно-кумовской линии. «Вместо радикальных изменений системы ДОС оставляет систему и радикально меняет кадры. Политбюро или кадровая комиссия соответствующего уровня заседает и принимает решение, а государственное учреждение безропотно проводит его в жизнь, при этом откровенные ошибки вынуждено провозглашать гениальными решениями»¹. Негативно относясь к таким изменениям в обществе, автор подчеркивает, что граждане Сербии в сентябре 2000 г. голосовали за изменение системы, а не за изменение слоя управленцев при сохранении старой системы. При новой власти в обществе расцветают коррупция, криминал, спекуляция, сохраняется бесправие граждан.

¹ Sekejl L. Op. cit. — S. 101.

Л.Секель останавливается не только на негативных моментах существования новой политической элиты. Среди достижений правления ДОС он называет возвращение Сербии в Европу и мир, умеренную политику в отношении албанского национального меньшинства на юге Сербии и в отношении черногорского сепаратизма. Ученый, однако, подчеркивает, что достижений могло бы быть и больше, если бы власть имела более способных дипломатов¹.

Не менее критичен в своих оценках Й.Тркуля. Он отмечает, что в послеоктябрьской эйфории казалось, что Сербия под руководством В.Коштуницы, этакого «сербского Аденауэра», с неожиданной быстротой выходит из изоляции в широкие европейские ворота. Для этого лишь необходимы:

- полное освобождение от авторитарной системы,
- решительное размежевание с политикой и личностями, доведшими страну до столкновения с целым светом и самими собой,
- консенсус политических сил о мирном выходе из кризиса и принципах, на которых будет строиться союз Сербии и Черногории,
- ускоренная демократизация и обновление страны,
- установление правового государства,
- предоставление свободы средствам массовой информации и университету,
- решение косовского вопроса и определение основ отношений с Черногорией,
- принятие соответствующих законов и гармонизация законодательства с европейскими стандартами,
- реинтеграция Сербии и СРЮ в мировое содружество².

Ожидалось, что ДОС, получивший на выборах две трети голосов, сможет объединить весь демократический потенциал страны для выполнения вышеперечисленных целей. Необходимо было, по мнению ученого, лишь определить через открытое обсуждение общую платформу выхода из кризиса, а также скомплектовать правительство и другие органы из наиболее компетентных профессионалов. Однако вскоре стало ясно, что этот путь намного труднее, чем казалось, что досовская демократия — хрупкая и ранимая, так как ее слабости намного сильнее достоинств.

¹ Ibid. — S. 103.

² Trkulja J. Srbija na istorickoj prekretnici // Revolucija i poredak: O dinaminaci promena u Srbiji. — Beograd: Inst. za filizofiju i društvenu teoriju, 2001. — S. 125.

Очень быстро растаяла иллюзия о возможности быстрого выхода из отчаянного положения. «Более того, можно сказать, что весь кризис обострился, ибо главные проблемы не были решены, а еще больше обострились:

- государство Сербия и СРЮ де-факто не существуют;
- экономика разрушена и испускает дух;
- социальное напряжение и конфликты нарастают;
- решения косовского вопроса и отношений с Черногорией не видно»¹;
- нет готовности взглянуть в глаза правде о самих сербах и о «преступлениях, которые они совершали»;
- на ответственные места в обществе назначаются не специалисты, а партийные кадры по принципу преданности;
- исследования показывают, что складывается атмосфера создания нового вождя;
- расширяются старые и появляются новые очаги напряженности (беженцы, потеря территории, стычки в Косове и на юге Сербии и т.д.).

Все это позволяет автору сделать вывод о том, что новая сербская демократия упустила свой шанс возродить страну с разоренной экономикой, и если такое состояние продлится, то народ снова бросится в объятия радикалов, социалистов или неонацистов.

З.Голубович полагает, что новой власти следует обратить внимание на две вещи: на ответственность перед общественностью и на создание климата критического отношения к деятельности руководства ради более полного контроля властных структур. Кроме того, автор предлагает новой власти произвести следующие изменения, чтобы механизмы предшествующей власти не стали символами новой:

1. Произвести демократическую реконструкцию всех институтов бывшего режима на макро- и микроуровнях.
2. Воспитать в общественности чувство критики, чтобы избежать соблазна безусловного авторитета власти.
3. Мотивировать активное участие граждан в политической жизни и общественной сфере, а представителей власти учить демократическим принципам управления.

¹ Ibid. – S. 126.

4. Более последовательно строить сектор гражданского общества, только с которым современное государство становится правовым демократическим государством.

Оценивая деятельность новой власти, автор не видит у нее ни разработанной стратегии развития, ни спланированных действий в области экономики и политики. «Создается впечатление, что ДОС больше занята распределением мандатов..., чем созданием долгосрочной политики развития»¹.

Самые серьезные размышления ученых связаны с прогнозированием развития событий и деятельностью новой демократической власти. По мнению С.Антонича, если учитывать, какое наследство осталось новой власти от старой, и какими средствами оппозиция добилась власти, то «нас должно было бы охватить отчаяние»². Утешает, по его словам, только то, что могло быть и хуже. Автор предупреждает, что предстоит большая работа по претворению недостатков в преимущества. Если же новый режим будет ленивым, глупым или алчным, то его позже обязательно назовут «квислинговским либерализмом». В.Гоати также говорит о доставшейся новой власти тяжелой социально-экономической ситуации. Он предполагает, что новая власть столкнется с большими трудностями, поскольку на политической сцене остались силы, которые не принимают демократические правила игры³.

Оптимистическое отношение к будущему новой власти выражал на научной конференции Д.Мичунович, ученый и депутат парламента. По его мнению, у ДОСа светлое будущее, поскольку она существует вопреки предсказаниям и функционирует на основе консенсуса. Поэтому «ДОС существует, ДОС будет существовать... И только следующие выборы будут первым искушением для ДОСа»⁴, — подчеркивал Д.Мичунович.

Д.Вуядинович был готов видеть перспективу дальнейшего развития Сербии только в том случае, если в республиках и в целой Югославии будет создано правовое государство, если будут функционировать автономные от власти средства массовой информации, автономные институты в сфере образования и культуры, если будут гарантии граждан-

¹ Golubović Z. Op. cit. — S. 171.

² Antonić S. Op. cit. — S. 39.

³ Goati V. Op. cit. — S. 54.

⁴ Mićunović D. Pogled na promene iz perspektive političara // Revolucija i poredak: O dinamici promena u Srbiji. — Beograd: Inst. za filozofiju i društvenu teoriju, 2001 — S. 197.

ских свобод и прав. Только тогда можно будет говорить о повороте страны к либерально-демократической системе.

Так видели перспективу развития своей страны сербские ученые в самом начале демократических перемен. Но они не могли предполагать, с какими трудностями столкнутся в ближайшие годы. Напомним, что в 2000 г. перед Югославией стояло два пути демократического развития, которые представляли два лидера демократической оппозиции. Первый путь — мягкой демократии с бережным отношением к национальным чувствам, с надеждой на установление правового государства. Это направление представлял Воислав Коштуница, избранный позже президентом страны. Второй путь был путем жесткой или прагматичной демократии, с отказом от любой попытки проявления национальной самобытности или провозглашения национальных интересов, отличных от общеевропейского стандарта. Не отрицалась и возможность уступки большей части национального и государственного суверенитета, поскольку о равноправном сотрудничестве с Западом речь не шла. Неоспоримым лидером этого направления был Зоран Джинджич, занявший пост премьер-министра Сербии.

С самого начала победы над Милошевичем в октябре 2000 г. между этими двумя направлениями и их лидерами шла постоянная политическая борьба, из которой В.Коштуница не вышел победителем. Методы борьбы были жесткие. Уравновешенный, спокойный и верящий в силу закона президент не смог противостоять напору хитрого и виртуозного в политических интригах премьер-министра, который использовал методы компрометации близких сподвижников президента, создания дополнительных структур, расширяющих сферу его влияния, жесткого контроля над расстановкой кадров на всех уровнях политической и экономической структур. В политике З.Джинджича отчетливо прослеживалась попытка сконцентрировать власть в своих руках. Условно период с октября 2000 г. по март 2003 г. можно назвать «временем Зорана Джинджича» (12 марта 2003 г. З.Джинджич был убит).

Именно с его, а не президентским, именем связывают важные политические события. В этот период распалась Югославия, и на ее обломках возникло «государственное образование» Сербия и Черногория (СиЧ). Косово и Метохия семимильными шагами продвинулись к независимости. Активизировалось сотрудничество с МТБЮ и был арестован и предан Международному трибуналу бывший президент Югославии С.Милошевич. Западное сообщество через систему консультантов, со-

ветников, представителей международных организаций, а также используя средства давления на руководство страны, стало не только предлагать, но и решать большинство вопросов на территории Югославии, включая кадровые, военные, и даже существования самого государства. Национальная, культурная идентичность Сербии, а также патриотизм стали в средствах массовой информации нежелательными понятиями. Была также сделана попытка поставить под контроль правительства армию, спецслужбы, МВД. В армии началась реформа, затронувшая, прежде всего, офицерские и генеральские кадры. В Сербии и Черногории произошел пересмотр результатов и содержания войн в Хорватии, БиГ, Косове. Он ознаменован процессом самобичевания, признанием вины Сербии за многочисленные жертвы в войнах на территории Хорватии, Боснии и Герцеговины. Это привело к тому, что насилие над Сербией и сербским народом (от санкций до бомбардировок) молчаливо воспринималось как применение заслуженного наказания за политику 90-х годов. Кроме того, такая позиция морально оправдывала действия агрессора на Балканах. Несмотря на то, что 73% населения Сербии негативно относилось к НАТО, а 52% — против программы «Партнерство во имя мира», правительство открыто говорило о сотрудничестве с Североатлантическим блоком¹. Условия же присоединения к программе «Партнерство во имя мира» достаточно жесткие: сотрудничество с Международным трибуналом, реформа вооруженных сил и всей системы обороны, а также прекращение всех связей с армией Республики Сербской.

Как считают сербские ученые, три года деятельности новой политической элиты по интеграции СиЧ в западное общество не дали положительных результатов ни в одной сфере — экономической, правовой, политической или государственной. Страну захлестнули безработица (около 1 млн. человек), падение промышленного производства, закрытие предприятий. В декабре 2002 г. внешний долг СиЧ составлял 8,6 млрд. долл.². Начавшаяся приватизация проходит с трудом и воспринимается большинством населения как антinationальная деятельность. Народ ощущал бесперспективность, безнадежность, потерю национальных ориентиров.

¹ Богдановић С. Хаг је najori // НИН. — Београд, 2003. — 20 фебр. — Режим доступа: <http://www.nin.co.yu>.

² Staje nacije: Svi Srbi pod jednom šljivom // Artel. — Београд, 2002. — 10 nov. — Mode of access: <http://www.artel.co.yu>.

3. Обренович достаточно критически оценивает результаты правления ДОСа в 2000–2003 гг. По его мнению, стратегия включения в западную интеграцию ни в одной сфере (экономической, правовой, политической, государственной) не впечатляет. Напротив, «Сербия и как государство, и как общество и дальше остается тяжелым больным. И не только из-за внешнего давления, но намного больше из-за внутренних разногласий и отсутствия базового политического консенсуса по основным вопросам собственного будущего. Отсутствие элементарного согласия по вполне конкретным вопросам (разговоры о правовом государстве, демократии, плюрализме — слишком общего характера и много не помогают), благодаря унижению, которое принесло правление клиентурной элиты, по указке великих сил, превратило Сербию в слабое и анемичное общество, способное только терпеть и исполнять»¹. Внутренняя политика страны почти полностью стала элементом внешней политики, а тезис «сила дает право», во всяком случае, когда речь идет об отношении других крупных держав к Сербии, становится официальной идеологией новой власти. Сербское общество, по мнению ученого, находится в состоянии глубокого невроза и страха перед будущим, которые проявляются в отказе от открытого определения интересов Сербии и ее граждан. Чтобы не разгневать международное сообщество, ДОС открыто проповедует «политику согнутой спины и лукавства», которые должны заменить политику гордости.

За время существования ДОСа в стране произошли серьезные изменения. И главное — 4 февраля 2003 г. после утверждения в Союзном парламенте Конституционной хартии официально перестала существовать Югославия и начали формироваться органы нового государственного содружества «Сербия и Черногория».

Скупщина нового государства состоит из представителей многих партий. Сербии принадлежит 91 место, Черногории — 35. Среди сербских главную скрипку в начале 2003 г. играли партии, входящие в коалицию ДОС (47 мест). Из них 18 мест отдано Демократической партии, пять — Социал-демократической партии, по четыре — Гражданскому союзу Сербии и Новой демократии, по три — Демохристианской партии Сербии и Лиге социал-демократов Воеводины, по два — Демократическому центру, Союзу воеводинских венгров и Демократической альтернативе. Более мелкие партии получили по одному мандату. Социалисты

¹ Obrenović Z. Op. cit.

получили 12 мест, 17 — Демократическая партия Сербии В.Коштуницы, 8 — радикалы В.Шешеля.

25 февраля Скупщина Сербии избрала всех своих 91 посланника в новую Скупщину Сербии и Черногории. Черногорию представляли 35 посланников — представители 6 партий. 15 мест получили члены Демократической партии социалистов, 9 — Социалистическая народная партия, 4 — Социал-демократическая партия. Албанские партии из Черногории отказались иметь своих представителей в парламенте содружества из-за того, что в преамбуле Конституционной хартии записано, что Косово и Метохия является автономным краем в составе Сербии.

28 февраля состоялось последнее заседание двух палат Скупщины СРЮ, а первое заседание нового парламента прошло 3 марта. Тем самым завершился этап создания законодательных предпосылок функционирования государственного содружества Сербии и Черногории — приняты Конституционная хартия, Закон о ее применении и Закон о правах человека и национальных меньшинствах.

2003 г. войдет в историю страны также тем, что в марте был убит премьер-министр Зоран Динджич, что повлекло за собой серьезный кризис политической системы. Эта трагедия стала и началом конца правящей коалиции, которая так и продолжала называть себя оппозицией. Сербия много месяцев существовала без президента, премьер-министра, правительства.

Внутриполитическая обстановка в стране после убийства З.Динджича была крайне сложной. Борьба с мафией, которая якобы убила премьер-министра, переросла в полноценную «перетруску» многих экономических и политических структур. Это позволило «временному» правительству задержаться у власти до следующих выборов, которые постоянно откладывались. Политическая элита была обезглавлена. Две политические партии (Социалистическая партия Сербии и Сербская радикальная партия) остались без лидеров, которые находятся под следствием в Международном трибунале, лидер Демократической партии убит, Демократическая партия Сербии была отстранена от принятия решений, а В.Коштуница остался без государственной должности. Левое движение было расколото и никак не могло достичь единства. Большое количество маленьких партий, входивших в правящую коалицию ДОС, были ослаблены, удалены от власти, не имели шансов войти в парламент. Многие избиратели были пассивны и политически не определены, поскольку слабо верят в благополучие и радужные перспективы. Сербии предстоя-

ло выбрать парламент и президента, менять в очередной раз конституцию.

Мировое сообщество внимательно следило за событиями в бывшей Югославии. Сербии неоднократно напоминали, что перед ней два пути — один в Брюссель, другой — в Белоруссию. Но чтобы попасть в Брюссель, надо до конца выполнить ряд условий — показать серьезность в сотрудничестве с Гаагским трибуналом и арестовать Младича и Караджича, прекратить вмешательство в дела Косова и Метохии, продолжить реформу и усилить гражданский контроль над армией. Югославию призывали к гибкости и компромиссу по всем вопросам, которые интересуют Запад. Последний был озабочен «возвращением Балкан» в лоно Европы.

На парламентских выборах в Сербии 28 декабря 2003 г. так решительно поддерживаемая Западом сербская демократия потерпела сокрушительное поражение. Из 19 участвовавших в предвыборной борьбе партий в парламент прошли только шесть. 27,6% избирателей проголосовали за радикалов, 17,7% — за Демократическую Партию Сербии (ДПС) и бывшего президента Югославии В.Коштуницу. Демократической партии (ДП), надежде демократической Европы, голоса отдали только 12,5% избирателей, небольшой партии «Г-17 плюс», которую называют прозападной правой партией центра, — 11,46%. Социалисты во главе со Слободаном Милошевичем (СПС) смогли набрать лишь 7,6% голосов. Вук Драшкович, возглавляющий Сербское движение обновления (СДО), вернулся в политику также с 7,6% голосов¹.

Важным итогом выборов стало то, что ДОС, которую Запад пестовал и взращивал, чтобы свергнуть Милошевича, не получила поддержки избирателей. Из 18 партий, входивших ранее в ДОС, в парламент вошла только одна — Демократическая партия, лидером которой после убийства З.Джинджича стал молодой министр обороны Б.Тадич. Почему же сербы не проголосовали за партии бывшего ДОСа? По нашему мнению, выборы стали протестом против навязываемых Западом решений, принимавшихся правительством беспрекословно, против бесконечных унижительных условий, угроз и ограничения суверенитета, против складывающейся системы протектората, низкого жизненного уровня, безработицы и варварских условий приватизации, против реформ по западному образцу, против уничтожения сербской армии, против сотен «запад-

¹ Гуськова Е.Ю. Новые выборы или «внешнее управление»: Европу шокируют сербские реалии // Независимая газета. — М., 2004. — 19 янв. — С. 6.

ных советников», наводнивших все структуры власти. Не имея большого выбора, голосовали за свободу принятия решений, за последовательность в политике, за «твердую руку», наконец. Как особый вид протеста за невозможностью большего стало появление в списках двух политиков, находящихся в Гаагском трибунале — лидера радикалов Воислава Шешеля и лидера социалистов Слободана Милошевича. Возглавляющий третий список (Павкович) обвинен Трибуналом, но пока находится в Сербии.

Формирование правительства в Сербии затянулось. Запад настаивает, чтобы демократические партии ради получения большинства в Скупщине объединились, не допустив к власти радикалов. Поэтому в политических структурах Сербии наблюдалась растерянность. Возможность создания парламентских блоков для формирования правительства была сведена к минимуму. Политический кризис в Сербии преодолевался медленными темпами.

Ю.А.ЩЕРБАКОВА

СЛОВАЦКАЯ РЕСПУБЛИКА НА ПУТИ В ЕС – ИЗ XX В XXI В.
(Аналитический обзор)

Интеграция Словацкой Республики в европейские структуры является важнейшим направлением ее внешнеполитической стратегии в XXI в. Словацкий путь к членству в ЕС не был простым. Концептуальные основы, ориентиры и приоритеты внешней политики независимого словацкого государства начали вырабатываться с самого начала 90-х годов прошлого века. Фоном для их обсуждения являлись глобальные геополитические изменения, произошедшие в мире на рубеже 1989–1991 гг. В тот период в Европе, США и СССР, по мнению словацкого публициста Д.Шмигулы, существовали пять-шесть различных концепций внешнеполитической стратегии по отношению к бывшим социалистическим странам Центральной Европы. Распад СССР и ослабление позиций России как сверхдержавы повлекли за собой ситуацию, при которой победители «холодной войны» — страны НАТО и ЕС — получили возможность единолично решать вопрос по существу. Ими была выбрана концепция «селективного» приема отдельных постсоциалистических стран в западноевропейские и атлантические интеграционные структуры при условии строгого выполнения вполне конкретных требований. Остальным предлагалось неопределенное время довольствоваться различными формами международного и регионального сотрудничества в рамках ОБСЕ, программы «Партнерство во имя мира», договоров об ассоциированном членстве в ЕС (12, с. 36).

Политическое руководство Словацкой Республики с первых дней выхода из состава ЧСФР выступало за проевропейский размер внешнеполитической ориентации, за интеграцию своей страны в европейские

экономические структуры. Эти позиции разделяли все парламентские партии и, что особенно важно, политический лидер словацкого общества и безусловный победитель парламентских выборов 1992 г. Движение за демократическую Словакию (ДЗДС). Одной из первых постсоциалистических европейских стран в октябре 1993 г. Словацкая Республика подписала с ЕС договор об ассоциированном членстве, который после ратификации его всеми парламентами государств—членов ЕС вступил в силу в феврале 1995 г. После досрочных парламентских выборов 1994 г. словацкие парламент и правительство, в которых, как и прежде, первенствовали представители ДЗДС, заявляли о сохранении внешнеполитической стратегии Словацкой Республики, целью которой являлась полная интеграция в европейские экономические структуры. В июне 1995 г. словацкий премьер-министр В. Мечиар на сессии Европейского союза в Каннах подал официальную просьбу о приеме СР в ЕС. В период 1994—1998 гг. он неоднократно заявлял, что приоритетом словацкой внешней политики является целенаправленная интеграция с ЕС, с тем чтобы к 2000 г. стать его полноправным членом (8, с. 48).

В 1997 г. Европейский Совет одобрил на своем заседании в Люксембурге концепцию расширения ЕС за счет приема в него ассоциированных членов и Кипра. Процедуру приема было предложено начать ЧР, Венгрии, Польше, Словении, Эстонии и Кипру. Словацкая Республика не вошла в эту группу. Ранее на саммите НАТО в Мадриде Словакия не стала членом НАТО в отличие от своих соседей Чехии, Польши и Венгрии.

Задаваясь вопросом, почему же Словакия была остановлена на пути в Европу, исследователи называют и конкретно-политические, и идеолого-философские причины. В.Лешка считает, что «Словакия не выполнила основные политические условия для интегрирования в европейские и трансатлантические структуры, которые были сформулированы на копенгагенском саммите ЕС. В соответствии с этими критериями на членство может рассчитывать только та страна, в которой институты, гарантирующие демократию, достигли стабильности, государство имеет правовой характер, соблюдаются права человека и национальных меньшинств» (8, с. 48). В Словакии в 1994—1998 гг., пишет он, проявились последствия глубоких деформаций парламентской демократии, неравных условий для честной конкуренции политических сил и сознательного нарушения конституции парламентом, в котором главенствовало ДЗДС. Перманентный конфликт между словацкими президентом и премьером

отрицательно сказывался на образе Словакии за границей. Политики демократических государств с большим опасением следили за ухудшением ситуации в области соблюдения прав граждан, особенно прав национальных меньшинств. Попытки правительства следовать по так называемому словацкому пути трансформации привели к остановке реформ в экономике, откладыванию реструктуризации банковского сектора и снижению объема инвестиций иностранного капитала в словацкую экономику (8, с. 49).

Под иным, более широким углом рассматривает причины, приведшие Словакию к проблемам на ее пути в ЕС, Д.Шмигула. Идеологической особенностью, повлиявшей на формирование внешнеполитической стратегии Словацкой Республики в 90-е годы XX в., он называет феномен словацкого изоляционизма. Словаки, пишет он, в ходе своего исторического развития долгое время были вынуждены противодействовать ассимиляционным устремлениям своих соседей. Прежде всего это относится к венграм. «Все граничащие со словаками народы превосходили их по численности. За исключением моравян и русинов. Последние были поглощены соседними народами, что со всей очевидностью подтверждает тезис о том, что малый народ, не обладающий достаточной ксенофобией, неизбежно исчезает» (12, с. 36). У словаков сформировался комплекс, который в социальной психологии получил название «комплекс осажденного города». Этот комплекс трудно изжить длительное время. «Масарик в свое время замечал, что многие русские обосновывали имперскую политику угнетения в отношении поляков патологическим страхом, оставшимся с того отдаленного времени, когда польские захватчики обосновались в Москве» (12, с. 36).

Опыт насильственной мадьяризации стал травмирующим фактором при формировании современного словацкого народа. Недоверие к венграм трансформировалось в подсознательное недоверие ко всему чужеродному, иноземному. Определенную роль в складывании идеологии изоляционизма сыграло отсутствие у словаков традиций собственной государственности и опыта самостоятельной и ответственной внешнеполитической деятельности: словацкая политическая элита в лице, например, министров иностранных дел лишь принимала участие в проведении внешней политики государств, частью которых была Словакия, но никогда самостоятельно не определяла государственный внешнеполитический курс. Укреплению феномена изоляционизма способствовало и то, что ни в США, ни в Западной Европе Словакия не имела положительно-

го имиджа, ее отделение от Праги, «от государства Вацлава Гавела» не вызывало в мире большого энтузиазма (12, с. 37).

Феномен словацкого изоляционизма послужил идеологической базой доктрины внешнеполитического нейтралитета Словакии, получившей распространение в начале — середине 90-х годов XX в. Некое влияние эта концепция оказала даже на взгляды представителей евроориентированных правых политических сил. Так, тогдашний лидер правого консервативного Христианско-демократического движения Я.Чарногурский, сторонник политики интеграции СР в ЕС, заявлял, что среди четырех (Чехия, Польша, Венгрия, Словакия) центральноевропейских стран наибольший простор для маневра имеет словацкая внешняя политика: Словакия ни разу в своей истории не вступала в конфликты ни с Россией, ни с Западом, что позволяет ей стать центром коммуникаций между ними. По его мнению, Словакия должна была занять в новой Европе место, аналогичное тому, которое Австрия занимала в Европе, разделенной на блоки (7). В 1996 г. словацкая общественная организация «Ассоциация сторонников нейтралитета» провела симпозиум «Международные отношения и феномен нейтралитета», участники которого высказались за принятие СР статуса нейтрального государства (3.). Во внешнеполитических взглядах лидера ведущей политической силы Словакии в 1992–1998 гг. Движения за демократическую Словакию, неоднократно премьер-министра СР В.Мечиара также можно было заметить отголоски концепции о словацком нейтралитете. В своей внешнеполитической практике В.Мечиар пытался балансировать между «Востоком и Западом», так как считал, что малое европейское государство может сохранить свою самостоятельность лишь лавируя между интересами России и Запада (12, с. 38).

Д.Шмигула пишет, что правительственное заявление 1995 г. об интеграционных намерениях Словацкой Республики не принималось всерьез самими представителями словацкой политической элиты. «Более того, тогда как политические элиты соседних государств подчинили все свои действия главной цели — интеграции — верхушка ДЗДС сосредоточилась на укреплении собственной экономической и политической власти» (12, с. 38). Конкретными виновниками неудач СР на пути европейской интеграции Д.Шмигула считает тогдашнего лидера страны В.Мечиара и его сподвижников, которые на словах выступали за интеграцию Словакии в европейские структуры, а по существу сосредоточили все усилия на распределении государственной собственности в рамках

приватизации. Представители словацкой политической элиты отрицали правила, которые были установлены для постсоциалистических стран государствами Западной Европы. Они отрицали их, потому что видели в них угрозу своей власти. Словацкие политики считали, что если они на внешнеполитической арене «покорятся Западу», то Запад не будет вмешиваться во внутренние дела Словакии и позволит им действовать внутри страны так, как они хотят (12, с. 38).

В.Лешка считает, что неудачи Словакии на пути европейской интеграции послужили одной из веских причин для объединения после парламентских выборов 1998 г. парламентских партий, сформировавших правительство во главе с М.Дзуриндой. В состав правительственной коалиции вошли Словацкая демократическая коалиция (СДК), Партия левых демократов (ПЛД), Партия венгерской коалиции (ПВК), Партия гражданского согласия (ПГС). Представители всех этих партий относились к числу последовательных критиков внешней политики кабинета В.Мечиара. «Укреплению международного положения правительства М.Дзуринды во многом способствовало участие в нем представителей ПВК, выразивших интересы венгерского меньшинства» (8, с. 49).

Партиям правительственной коалиции не всегда удавалось достичь согласия по вопросам о способах исправления ошибок и незаконных действий в экономической области правительства В.Мечиара. Между членами коалиции нарастала и личная неприязнь. Последствия борьбы внутри правительственной коалиции, с одной стороны, угрожали внутриполитической стабильности и значительно затрудняли реализацию правительственной программы, в том числе и в сфере интеграционных планов Словакии относительно европейских структур, а с другой — вызывали сомнения в возможности ее сохранения на следующих парламентских выборах (8, с. 49).

Тем не менее в Словакии после выборов 1998 г. начались позитивные перемены: последовательно применялись на практике принципы парламентской демократии, независимости судов и торжества права и закона. «Признаки коррупции и широко освещавшиеся в средствах массовой информации случаи взяточничества, которые в значительной степени ослабили авторитет правительства М.Дзуринды, свидетельствовали о начальном этапе, первой незрелой стадии строительства основ демократического общества. Кроме того, они являлись доказательством успешной активизации защитных демократических механизмов» (8, с. 50).

И хотя правительство М.Дзуринды во внутривластической деятельности не избежало ошибок и недостатков, в достижении интеграционных целей, в отличие от своих предшественников, оно проводило целенаправленную и вызывающую доверие политику. В стремлении вернуть Словакию в группу бывших коммунистических стран, наиболее вовлеченных в европейский интеграционный процесс, объединилось все руководство Словацкой Республики. Премьер-министр, председатель парламента, вице-премьер по вопросам европейской интеграции, министр иностранных дел, министр обороны, председатели соответствующих комитетов словацкого парламента проявляли значительную внешнеполитическую активность в контактах со всеми государствами Европейского союза, которые могли бы повлиять на путь Словакии в евроатлантические структуры. М.Дзуринда посетил с визитами Австрию (декабрь 1998 г. и март 1999 г.), Германию (апрель 1999 г.), Италию (март 1999 г.), Францию (май 1999 г.). Министр иностранных дел Е. Кукан — Францию (январь 1999 г.), Великобританию (январь 1999 г.), Германию (февраль 1999 г.), Данию (февраль 1999 г.), Грецию (февраль 1999 г.), Португалию (март 1999 г.). В Братиславе он принимал своих коллег из Финляндии (февраль 1999 г. и июнь 1999 г.), Австрии (февраль 1999 г.), Люксембурга (апрель 1999 г.) и Франции (март 1999 г.).

Представители Словакии из политических соображений подчеркивали неизбежность подготовки своей страны прежде всего к вступлению в НАТО. «Акцент на шаги, связанные с подготовкой к членству в оборонительном союзе демократических государств основывался на убеждении, что Словакии легче выполнить требования в сфере обороны, чем в экономической области. Словацкие представители предполагали, что органы Европейского союза будут рассматривать эти усилия как доказательство их решимости руководствоваться ценностями, которые провозглашают европейские и трансатлантические структуры, и их политико-оборонным «критериям». Оправданность такой тактики стала очевидна уже в течение первого года деятельности правительства М.Дзуринды. Мероприятия, которые оно проводило с целью добиться приема СР в НАТО, положительно повлияли на оценку готовности Словакии к ее приему в ЕС» (8, с. 54).

В своей внутренней политике правительство М.Дзуринды также предприняло целый ряд шагов, свидетельствовавших о серьезности намерений Словацкой Республики присоединиться к европейским экономическим структурам. Был принят закон о применении языков нацио-

нальных меньшинств в местах их компактного расселения, что смягчило напряжение, существовавшее между правительством и венгерским меньшинством. Последовательно стал осуществляться принцип свободы слова и плюрализма информации, произошли позитивные изменения во взаимоотношениях церкви и государства. Правительство провозгласило курс на возобновление экономических реформ, на ускорение законодательской деятельности по подготовке соответствующих нормативных актов и внедрение правовых норм во все сферы общественной жизни.

На изменения во внутренней и внешней политике Словакии первыми позитивно отреагировали представители Европейского парламента, выразив в ряде своих заявлений и резолюций поддержку кабинету М.Дзуринды. Они также потребовали от исполнительных органов Европейского союза, чтобы те как можно скорее переместили Словацкую Республику в группу посткоммунистических государств, с которыми ведутся переговоры об их вступлении в ЕС.

Октябрь 1999 г. стал месяцем осуществления интеграционных планов Словакии. 13 октября 1999 г. Европейская комиссия официально заявила о готовности Словакии к вступлению в Европейский союз. В «Обобщающем документе — Докладе о прогрессе в подготовительном процессе каждой из стран-кандидатов» Словакия получила весьма позитивные оценки. В нем констатировалось, что «за прошедший год произошел значительный прогресс в достижении Словакией необходимых политических критериев... Страна приняла амбициозную программу политических реформ... Глубина и успешность процесса реформирования позволяют отнести Словакию к странам, соответствующим копенгагенским критериям» (8, с. 56).

Окончательное решение о начале переговорного процесса со Словацкой Республикой о ее вступлении в ЕС было принято на заседании Европейского Совета в Хельсинки в декабре 1999 г. «Словакия подошла к черте, которую ее соседи достигли на два года раньше. Для ее достижения ей пришлось удвоить свои усилия» (8, с. 57). Вступление в Европейский союз одновременно с соседними государствами является жизненно важным для СР, пишет В.Лешка. Не будучи членом ЕС, в окружении государств Европейского союза, Словакия несла бы огромные потери: строгие правила Евросоюза по перемещению товаров и граждан наносили бы интересам словаков значительный ущерб. В значительной степени пострадали бы отношения с Чешской Республикой, прекратил бы свое существование словацко-чешский таможенный союз, а послед-

ствия невступления Словакии в ЕС негативно сказались бы на жизни граждан обоих государств.

Достигнув в конце 90-х годов XX в. значительного прогресса на пути в ЕС, Словакия ставила перед собой задачи закрепления успехов. В марте 2000 г. были начаты переговоры с Европейской комиссией по проблемам малого и среднего бизнеса, науки и техники, образования, внешней политики, оборонной политики, правового обеспечения свободной экономической конкуренции, статистики и культуры, средств массовой информации. «Уже на этом этапе стало очевидно, что Европейский союз на практике придерживается принципа дифференцированного подхода к отдельным кандидатам, что темпы переговорного процесса будут прямо зависеть от способностей правительства, гибкости в работе парламента и качества внутривластного развития. Все эти три условия были тесно взаимосвязаны. Их общим знаменателем была степень единства и дееспособности правительственной коалиции» (8, с. 58).

Внутренние противоречия в СДК, крупнейшей партии правительственной коалиции, привели к созданию в 2000 г. нового политического субъекта — Словацкого демократического и христианского союза (СДХС). Инициатором этого стал премьер-министр словацкого правительства и председатель СДК М.Дзуринда. Свои действия он объяснил желанием с новым «фирменным знаком» и с прежними идеями бороться за голоса избирателей на следующих парламентских выборах. Партнеры СДК по коалиционному соглашению попытались воспользоваться ситуацией, чтобы пересмотреть его принципы, в частности, ПЛД, считая, что теперь она стала наиболее сильной партией правительственной коалиции, заявила свои претензии на пост премьер-министра. Статус-кво тем не менее был сохранен.

Оппозиционные партии, и прежде всего ДЗДС, попытались использовать политические разногласия в лагере коалиционных партий в качестве аргумента для проведения досрочных парламентских выборов.

«Зарубежные наблюдатели, политические представители стран — членов ЕС и НАТО проявляли живой интерес к возможным последствиям возникновения нового политического субъекта на словацкой политической сцене. Они опасались распада действующей правительственной коалиции и прихода к власти В.Мечиара» (8, с. 59). Продвижение Словакии по пути в ЕС, помимо проблем, вызванных отношениями внутри правительственной коалиции, осложняли также три фактора — цыган-

ский вопрос, высокий уровень безработицы и позиция соседней Австрии в отношении развития словацкой ядерной энергетики (8, с. 59).

В парламентских выборах в сентябре 2002 г. ДЗДС получило 19,5% голосов избирателей и соответственно 36 депутатских мест, больше чем какая-либо из 26 партий, участвовавших в выборах. Однако поддержка со стороны избирателей не была настолько широкой, чтобы стать условием прихода Мечиара и его ДЗДС к власти. Практически все политические силы Словакии высказались против сотрудничества с ДЗДС. В Словацкой Республике было сформировано коалиционное правительство. Коалиционное соглашение заключили Словацкий демократический и христианский союз, Партия венгерской коалиции, Христианско-демократическое движение и Альянс нового гражданина (АНО), которые можно охарактеризовать как партии правого центра. Новое правительство СР заявило о намерениях продолжать курс на европейскую интеграцию. Преемственность во внешней политике обеспечивалась и тем, что М.Дзуринда сохранил за собой должность премьер-министра страны.

Создание правоориентированного правительства положительно сказывалось и на внешнеполитическом имидже Словакии. Наблюдатели отмечали, что из 15 государств — членов ЕС только два имеют левые правительства, тем самым у словацкого правительства образовалось в ЕС неплохое лобби (10).

В апреле 2003 г. Европейский парламент утвердил вступление Словакии в ЕС без каких-либо сложностей. «За» проголосовал 521 депутат, «против» — 21, воздержались 25 депутатов. Как заявил председатель Европарламента Пэт Кокс, согласие, подтвержденное голосованием, очень символично и имеет глубокое политическое содержание. Впервые парламент голосовал по каждому кандидату в отдельности, и поэтому апрельское заседание 2003 г. войдет в историю ЕС (2).

Одобренный Европейским парламентом договор о вступлении Словакии в ЕС был подписан в Афинах 16 апреля 2003 г. После этого знаменательного события в СР началась подготовка к референдуму по вопросу о вступлении Словакии в Европейский союз. В предваряющих его дискуссиях ведущие политические силы страны проявили редкостное единодушие. Все политики открыто высказывались за интеграцию и подчеркивали важность данного исторического момента. Представители правящей коалиции делали акцент в основном на преимущества вступления в Евросоюз. Проевропейски настроенным политиком в этой дискус-

сии проявил себя и председатель оппозиционного ДЗДС В.Мечиар. Он заявил: «Не быть в ЕС, значит самих себя наказать», и подчеркнул заинтересованность в том, чтобы «в большом европейском пространстве, в котором будет находиться и СР, наши политические партии заняли единые позиции по главным европейским вопросам» (1). Лидер словацких коммунистов Й.Швец весьма своеобразно высказался в поддержку интеграции СР в ЕС: «Мы объединим левые силы против европейского капитала» и подчеркнул, что после вступления в ЕС Словакию ожидает шок — рост безработицы и новый виток цен (1). Председатель оппозиционной партии «СМЕР» Р.Фицо выступил с критикой правительства за неэффективное использование еврофондов: «После встреч с нашими партнерами в Лондоне и Брюсселе мне стало совершенно ясно, что если СР не будет эффективно использовать еврофонды, то в ЕС мы всегда будем находиться на втором плане» (1). Повторя неоднократно, что его партия сделает со своей стороны все, чтобы Словакия стала членом ЕС, Фицо подчеркивал, что легкой жизни от вступления в ЕС ожидать не приходится, ее не почувствует даже следующее поколение словаков. Негативные последствия прежде всего коснутся словацкого сельского хозяйства (5). Лидер коалиционной партии АНО Руско, наоборот, выражал уверенность в том, что ситуация имеет заметную тенденцию к улучшению (1). А наиболее оптимистично на интеграцию Словакии в ЕС смотрел председатель СКДС, премьер М.Дзуринда. По его мнению, интеграция Словакии в ЕС будет способствовать быстрому экономическому развитию страны.

В мае 2003 г. референдум состоялся¹, и большинство словаков выразили согласие на вступление СР в ЕС. Словакия стала членом ЕС в мае 2004 г.

Оценивая возможные риски, связанные с интеграцией Словацкой Республики в Евросоюз, исследователи выделяют несколько уровней: риски на уровне ЕС и на уровне СР. Они отмечают, что расширение Европейского союза происходит в сложной политической атмосфере, обусловленной несколькими обстоятельствами. Во-первых, заблокировано принятие новой общеевропейской конституции, во-вторых, шесть наиболее богатых европейских стран (Германия, Франция, Великобритания, Голландия, Швеция и Австрия) предложили снизить взносы в бюд-

¹ В Словацкой Республике четыре раза объявлялось всенародное голосование по различным вопросам и только в 2003 г. оно впервые состоялось (Прим. Ю.Щ.)

жет ЕС на 2007 – 2013 гг. до 1% ВВП. Это означает, что после расширения Евросоюза до 25 членов его бюджет будет меньше, чем нынешний, когда членами ЕС являются 15 государств (6).

Высказываются также опасения, что на уровне ЕС возможны элементы дискриминации по отношению к Словакии, которой вследствие низкого уровня экономического развития, малых размеров и открытости экономики будет нелегко отстаивать свои национально-государственные интересы (11).

На уровне Словакии возможны недостаточно быстрое и эффективное приспособление словацкого производства к конкуренции, вызванной интеграционными эффектами; преобладание бюрократических подходов в сфере управления; несовершенство словацких национальных финансовых институтов, которое может затруднить эффективное использование финансовых средств, получаемых из структур ЕС; недостаточное соответствие проводимых в Словакии реформ условиям ЕС и их социальные последствия, которые могут временно заблокировать интеграционные преимущества (11).

Ответы на вопрос, что ожидает словаков после вступления в ЕС, содержатся также в исследовании Словацкой академии наук, посвященном экономическим и социальным последствиям вступления страны в ЕС. Словакия, как и ее соседи по Вышеградской четверке, не смогут избежать некоторых социальных потрясений. Например, вопреки надеждам многих словаков, после вступления в ЕС не следует ожидать стремительного роста зарплаток. Средняя зарплата в 2010 г. повысится не более чем на 1000 словацких крон, что представляет собой примерно 25 евро. Однако благодаря интеграции в европейское сообщество в Словакии планируется создать около 80 тыс. новых рабочих мест. Ухудшение своей ситуации почувствуют работники сельского хозяйства, фермеры, особенно животноводы (4).

По мнению аналитиков, после вступления в Евросоюз нельзя ожидать быстрых перемен к лучшему. Преимущества заключаются в том, что ведущие страны Европы дают Словакии шанс, который она должна использовать. На многие вопросы нет единственного ответа. Так, к факторам риска часто относят сокращение притока в страну прямых иностранных инвестиций после ее вступления в ЕС. Но существует и противоположное мнение, представляющее более оптимистичный вариант, согласно которому иностранный капитал увеличится с нынешних 418 млн. до 1,5 млрд. долларов США. Все будет зависеть от транснацио-

нальных корпораций, которые заинтересованы в освоении нового экономического пространства. А потому Словакия должна создать для этого благоприятные условия, и словацкий бизнес должен стать частью мирового бизнеса. Особенно это касается химического и машиностроительного производств (4).

К фактам риска относят также большую разницу в развитии регионов Словакии. Известно, что наиболее развитой в экономическом отношении является западная Словакия. В ее восточных регионах, напротив, отмечается высокий уровень безработицы, тенденция к закрытию предприятий и отставание в сельском хозяйстве.

Специалисты предполагают, что нынешнего уровня стран-членов ЕС Словакия может достигнуть в 2018 – 2020 гг., а в случае невступления в ЕС – не ранее 2030 г. (3). Оставшись вне ЕС, Словакия превратится в «европейского аутсайдера» (11).

Список литературы

1. В Словакии проходит агитационная компания по вступлению в ЕС. — Режим доступа: <http://www.slovakradio.sk>.
2. Европарламент проголосовал за вступление СР в ЕС. — Mode of access: <http://www.slovakradio.sk>.
3. Словакия задумывается о политике нейтралитета // Пульс планеты/ ИТАР-ТАСС. — Сер. «СЕ». — М., 1996. — 29 января. — С. 11.
4. Что ожидает словаков после вступления в ЕС? — Mode of access <http://www.slovakradio.sk>.
5. Bednar M. SMER vyzyva vladu hovorit aj o negativach vstupu SR do EU. — Mode of access: <http://www.slobodka.org>.
6. Butora D. Evropská unia: historické rozšírenie v zlej politickej atmosfere. — Mode of access: <http://www.slobodka.org>.
7. Čarnogurský J. O Rusku, Mečiarovi a českem afektu // Lidové noviny. — Pr., 1995. — 22. list. — S. 10.
8. Leška V. Dostihne Slovensko své sousedy na ceste do Evropske unie // Mezinarodní vztahy. — Pr., 2000. — N 2. — S. 47–61.
9. Politická kriza. — Mode of access: <http://www.sme.sk/>
10. Pravicová vláda je dobrým východiskom pre integračne ambície. — Mode of access: <http://www.infovolby.sk>
11. Slovensko v Eurupskej únii. — Mode of access: <http://eusk.webpark.sk>

12. Šmihula D. Postoje slovenskej verenosti a politických elit k zahraničnej politike a eurupskej integrácii // Mezinarodní vztahy. – Pr., 1999. – N 4. – S. 34–44.
13. Žitny M. Aka bola zahraničná politika Slovenska v roku 2003? – Mode of access: <http://www.slobodka.sk>.

**ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ХОРВАТИИ. –
ЗАГРЕБ, 2001. – 283 С.**

**Globalizacija i njene refleksije u Hrvatskoj. –
Zagreb: Ekon. institut, 2001. – 283 s.**

Книга представляет собой сборник статей сотрудников Экономического института, рассматривающих тему глобализации в рамках проекта «Исторический простор, общественное время и постмодерная капитализация». Сборник состоит из четырех разделов, названия которых составлены в виде вопросов, на которые авторы предлагают свои ответы: 1) Знаем ли мы, о чем идет речь?; 2) Где мы во всем этом?; 3) Ошибочные или правильные шаги?; 4) Обманчивая реальность?

В первом разделе авторы рассматривают, главным образом, теорию глобализации, и здесь основной представляется статья Желько Шпорера «Противоречия глобализации». Автор разъясняет, что глобализация является последней стадией в постоянном процессе общественных изменений, а термин появился более двадцати лет назад для объяснения новой волны перемен в экономике, технологии и обществе. При этом многие авторы согласны с тем, что в глобализации, понимаемой как комплекс реформ, нет ничего нового. Для описания происходящих в мире изменений ученые давно употребляют специальные названия — индустриализация, модернизация, постиндустриализация, постмодернизм — которые и сегодня можно услышать в употреблении наряду с глобализацией.

Причины начала процесса глобализации автор пытается выявить в экономических, идеологических и технологических изменениях в мире. Он говорит о признаках истощенности европейской экономической модели, которые проявились в течение 70-х годов, о необходимости появ-

ления более гибких экономических моделей. Это потребовало разработки теории (идеологии) изменений. Эту роль на себя взяли Международный валютный фонд и Мировой банк, которые заговорили о мировой экономической реформе. Она включала в себя широкую приватизацию, снижение общественных затрат, ликвидацию барьеров для торговли, изменение трудового законодательства, уменьшение государственного вмешательства в экономику. Все эти изменения должны были носить глобальный характер, перерасти в универсальную модель, отвергающую уровень местных привычек, требований и условий. Эта неolibеральная идеология появилась из противостояния двух идеологий — коммунизма и капитализма, из кризисов и реформ каждой системы, из их взаимных переплетений, из необходимости применения новых технологий, которые стали объединять средствами связи и коммуникаций нового уровня уже большинство, а не отдельные страны. Быстрое расширение обмена информацией через Интернет, спутниковую связь позволили сделать мир более интегрированным. Так, процесс глобализации уже стал узнаваемым, видимым. Каждому человеку становилось близким то, что происходило далеко от него. «Классическую закрытость нации-государства заменило ощущение, что границ больше нет. Через Интернет текут потоки торговли, капиталов, денег, а также проявляется тенденция культурной унификации» (с. 11).

Среди экономических изменений в мире автор главными в процессе глобализации считает: более успешный экономический рост тех стран, которые открыли свои экономические системы Западу и процессу глобализации, рост всех показателей международной торговли, построение глобальной «финансовой архитектуры», включая банковскую систему, рост рабочих мест в отраслях высокой технологичности, уверенность работающих в завтрашнем дне. К противоречивым сторонам мировой глобализации относятся большие расхождения в уровне заработной платы в развитых и неразвитых странах, а также значительное сокращение числа бедных в развитых странах, в то время как в менее развитых странах число бедняков растет. Автор подчеркивает, что транснациональные экономические силы угрожают экономической мощи национальных государств, ослабляют способность государства решать социальные проблемы. Это влечет политические изменения: переход правительств с «национальных» позиций на «корпоративные», потерю государствами части своего суверенитета и автономии. Поэтому начало процесса для многих стран было болезненным, связанным с серьезными проблемами в финан-

совой, монетарной, фискальной и социальной сферах, которые привели к высокой инфляции, безработице, спаду покупательной способности.

Во втором разделе хорватские ученые в ряде работ рассматривают, как отражаются на их государстве изменения в Европе и мире, когда Хорватия «приближается к миру свободы и плюрализма» (с. 65). А.Шундалич полагает, что Хорватия еще только выбирает свой путь к капитализму, только формулирует задачи, которые предстоит решать, как бы сдавая «вступительный экзамен» в Европу. Этот экзамен имеет комплексный характер: его надо сдавать сразу по всем предметам — политике, демократии, экономике, торговле, культуре и религии. В этот период случаются ошибки, кризисы, но они, полагает автор, являются закономерным явлением для стран, которые впервые сталкиваются с капитализмом (с. 65). Для хорватского общества трудным стало идеологическое дистанцирование от социалистической реальности — переход к многопартийности, демократии парламентаризма, свободе выбора, частной собственности. При этом общество достаточно поляризовано по вопросам стратегии общественного развития, приоритетов во внутренней и внешней политике, бюрократизма и авторитаризма власти, последствий социального кризиса для разных слоев общества. Результатом этого стали утрата социального единства общества и социальной солидарности, чувства гражданского долга. Народ понимал приватизацию как причину появления богатых и бедных, способ обогатиться для тех, кто находится у власти, грабеж общественной собственности. Социологи приходят к выводу, что назрела необходимость бороться за новые моральные ценности и социальный мир, который не должен быть только предвыборным обещанием. При ориентации на капитализм рыночного типа в хорватском обществе именно политические институты должны нести ответственность за его негативные последствия. Автор ратует за «индивидуальную автономию» как моральную ценность нового общества в условиях глобализации. Именно пестование индивидуальной автономии должно стать предпосылкой появления нового класса, который не будет занят «служением» правящей структуре, а останется приверженцем вечных ценностей индивидуальной свободы и истины.

Хорватский исследователь Эмил Хершак ставит под сомнение тезис о принадлежности Хорватии Западу (с. 88). По его мнению, такая постановка вопроса была оправдана во время войны 1991 г., а также понятна как экономическое устремление. Однако сейчас в период глобализации нельзя не обратить внимание на то, что вновь возникают условные

границы времен «холодной войны», разделение на Запад и Восток, поэтому Хорватия должна найти свое место и не остаться за границами «шенгенской зоны». Но когда это произойдет, перед страной возникнут другие вопросы: как сохранить идентичность Хорватии, превратить ее культурные и общественные особенности в преимущества как внутри Европы, так и шире — во всем мире. Именно эта проблема, считает Э.Хершак, является основной в процессе глобализации. Автор предупреждает о необходимости избавиться от комплекса неполноценности и провинциальности малых народов, какими хорваты себя представляли перед Европой в начале 90-х годов, что ведет к устойчивому малодушию. Хорваты достаточно многочисленный народ с богатой историей и могут стремиться к великим целям европейской и мировой интеграции в рамках глобализации по примеру Швейцарии.

По мнению Дага Стрпича, в последние двадцать лет Хорватия сталкивается с проблемами конституционных, идеологических и политико-правовых изменений, которые по масштабу сравнимы с таким явлением, как достижение государственной независимости. Но в Хорватии присутствует проблема, которая ставит под вопрос дальнейший прогресс государства и даже его существование — это человеческий фактор, в частности, знания и умения хорватских политиков. У Хорватии, полагает автор, есть все шансы стать социальной проблемой всего ЕС. Чтобы этого не произошло, Хорватия должна вернуть к жизни собственные силы и опереться на национальные ценности, на развитие собственных сил, правда, для этого необходимо самое благоприятное европейское окружение.

Третий раздел посвящен процессам в экономике страны. Иван Теодорович полагает, что земли, вставшие на путь изменений, должны были предпринять ряд мер, направленных на создание первоначальной рыночной структуры:

- приватизацию предприятий государственной собственности,
- реструктуризацию предприятий,
- либерализацию торговли и цен,
- создание рынка труда,
- создание рынка капитала,
- обеспечение финансовой стабильности,
- введение конвертируемой домашней валюты,
- создание институтов поддержки рыночной ориентации национальной экономики (с. 135). Рассматривая хорватский путь экономиче-

ских реформ, Иван Теодорович отмечает, что Хорватия имела шанс пройти путь реформ ускоренными темпами, но его упустила. Главные причины имеют политическую и экономическую природу. «Из-за партии, которая вышла победителем на выборах, ее идеологии, которая вела к конфликтам с европейскими стандартами, Хорватия постепенно сползала к международной изоляции. Это намного замедлило процесс присоединения к европейским политическим и экономическим институтам» (с. 140). Этот политический фактор, а точнее, приход к власти партии Хорватского демократического содружества под руководством Ф.Туджмана, повлиял и на отклонения от закономерностей в экономических реформах. Такие явления как коррупция, бюрократизм, неуважение экономических законов серьезно влияли на темпы и содержание экономических процессов. Кроме того, вместо радикальных реформ руководство выбрало половинчатый вариант реформ, что вело к второразрядным решениям и субъективизму. Экономический рост стал результатом, прежде всего, развития внутреннего производства, а не экспорта, хотя после 1995 г. в экономике наметился спад. Внешний долг составил в 1999 г. 9,5 млрд. долл. (с. 141), а уровень инвестиций едва превышал уровень амортизации.

По мнению И.Теодоровича, Хорватия должна встать на ускоренный путь реформ и в 2001–2004 гг. заложить макроэкономические основы для стабильного экономического роста в следующие 15 лет. В этот период темпы экономического роста составили бы 4%. В следующий период (2005–2010) были бы созданы условия для иностранных инвестиций. В этот же период Хорватия должна стать полноправным членом ЕС, а ее экономические показатели будут соответствовать европейским стандартам. В течение третьего периода (2010–2015) экономическая политика была бы скоординирована с ЕС и позволила бы достичь экономического роста от 4,5 до 5% в год.

Звонимир Балетич подчеркивает, что настоящими управляющими глобализации являются сильные мультинациональные корпорации, а также небольшие группы международных финансовых посредников и инвестиционных фондов. Первые через различные объединения, перемещения производств увеличивают свою власть над управлением размерами производства и распределения, а вторые управляют финансами. Самые мощные государства мира втянуты в эту систему и играют в ней ключевую роль. Особую роль в этой системе играют США. Малым и менее развитым странам предлагается принять существующие правила, а

их амбиции собственными средствами устранить негативные последствия внешнего вмешательства встречаются без симпатий. В связи с этим изменяются функции национальных государств. Они отдают свои территории под действие организаций и критериев капиталистического рынка, а также часть своих законодательных функций передают союзу государств, международным организациям и т.д. При этом очень трудно определить, в какой степени национальные правительства являются жертвой глобализации, а в какой — добровольными сторонниками. От этого страдают, прежде всего, такие сферы, как здравоохранение, просвещение, социальная защита.

Из четвертого раздела выделим статью Зорана Маленицы, в которой рассматриваются изменения социальной структуры хорватского общества в результате экономических и политических изменений после приобретения независимости. Важной проблемой для страны является социальное расслоение общества. По данным международных организаций, к черте бедности приближаются 170 тыс. жителей Хорватии, а за чертой бедности находятся от 310 до 413 тыс. человек из 4378 тыс. общего числа населения (с. 231).

Рассматривая новые явления в хорватском обществе, автор выделяет в нем следующие слои и подслои:

1. Правящая политическая и экономическая элита или высшие слои, внутри которых различаются:

- а) политическая номенклатура;
- б) капиталистический класс;
- в) слой менеджеров.

2. Средние общественные слои:

- а) мелкие предприниматели (так называемая мелкая буржуазия);
- б) слой высоких профессионалов (судьи, адвокаты, врачи, преподаватели вузов, офицеры, ученые, работники сферы искусств и т.д.);
- в) профессионалы более низкой квалификации (воспитатели детских садов и яслей, работники школьного просвещения, медсестры, работники социальной сферы, большая часть технической и гуманитарной интеллигенции и т.д.);

г) низшие слои среднего класса (чиновники и администраторы, продавцы магазинов и универмагов и т.д.);

3. Низшие общественные слои:

- а) рабочий класс;
- б) крестьяне;

в) смешанный слой (промышленные рабочие в сельском хозяйстве);

г) пенсионеры;

д) безработные;

е) попрошайки, бомжи.

Рассматривая каждый из этих слоев, автор приходит к выводу, что хорватское общество разделено на малочисленную элиту богатых людей, находящихся у власти, и на многочисленный слой бесправных и бедных при полном исчезновении среднего класса, который только предстоит восстановить. Данные о социальных процессах в обществе убеждают ученого, что Хорватия скорее приближается к странам третьего мира, и поэтому вряд ли следует ожидать быстрого экономического развития страны в ближайшие годы.

Е.Ю.Гуськова

Я.ШИМОВ (ПРАГА)
ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИЛЫ СОВРЕМЕННОЙ ЧЕХИИ
И ПРОБЛЕМЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

1 мая 2004 г. Чешская Республика (ЧР) в числе десяти стран Центральной и Юго-Восточной Европы (ЦЮВЕ) вступает в Европейский союз в качестве его полноправного члена. С этого момента она получила такие же права, но и взяла на себя те же обязанности, что и 24 остальных государства, входящих ныне в ЕС. На Чехию, ее народ, ее политическую элиту легла часть ответственности за будущее уже не только своей страны, но и всего уникального по масштабам и размаху проекта европейской интеграции. Каким путем шла Чешская Республика к этому историческому моменту и насколько готова она к выполнению новых задач и решению новых проблем, которые ставит перед ней вступление в Евросоюз?

Вопрос о перспективах интеграции в западноевропейские структуры — прежде всего в НАТО и ЕС — был поднят в Чехии (тогда еще находившейся в рамках чехословацкого федеративного государства) в начале 90-х годов сразу после распада социалистического лагеря и ликвидации организаций, в рамках которых осуществлялось военно-политическое и экономическое сотрудничество между его членами — Варшавского договора и Совета экономической взаимопомощи (СЭВ). Курс на всемерное сближение с Западом был сохранен и даже усилен после распада Чехословацкой федерации и образования самостоятельной Чешской республики, в то время как в Словакии ситуация развивалась несколько по-иному¹. Как и в других странах ЦЮВЕ, в Чехии в 90-е годы новая политическая элита рассматривала такое сближение, во-первых, как символ окончательного отказа от коммунизма и расставания с эпохой зависимо-

сти от СССР; во-вторых (это относится прежде всего к отношениям с НАТО), как гарантию безопасности в условиях геополитической нестабильности, свойственной периоду, начавшемуся сразу по окончании «холодной войны»; в-третьих, как залог укрепления собственных хрупких и неустоявшихся демократических институтов; в-четвертых, как дополнительный стимул при проведении радикальных экономических реформ; и, наконец, в-пятых, — как историческое возвращение в семью европейских демократических наций, в своей принадлежности к которой у правящих кругов ЧР и большей части общества сомнений, как правило, не возникалоⁱⁱ.

Положительное восприятие чешской общественностью (за исключением прокоммунистических и ультранационалистических кругов) идеи сближения с Западом и созданными им международными организациями позволило властям Чехии в 90-е годы совершить ряд конкретных шагов в этом направлении. После того как в январе 1994 г. на саммите НАТО в Брюсселе было объявлено о начале программы сотрудничества между Североатлантическим альянсом и странами бывшего социалистического лагеря под названием «Партнерство во имя мира» (Partnership for Peace), Чешская Республика стала одним из активных участников этой программы. В 1995 г. НАТО выработало рамочные критерии для стран, претендующих на членство в альянсе. На базе программы «Партнерство во имя мира» были разработаны индивидуальные программы партнерства (individual partnership programs) с отдельными странами, в том числе с ЧР. Наконец, после того как выяснилось, что Чехия вместе с Венгрией и Польшей в наибольшей степени соответствуют критериям НАТО, в 1997 г. на саммите альянса в Мадриде эти три страны получили официальное приглашение вступить в Организацию Североатлантического договора. Прием всех трех государств в члены НАТО состоялся в апреле 1999 г. на саммите в Вашингтонеⁱⁱⁱ. Несомненно, свою роль в ускоренной интеграции Венгрии, Польши и Чехии в НАТО сыграл и геополитический фактор, так как регион ЦЮВЕ имеет очень большое стратегическое значение, и западные политические и военные лидеры хорошо понимают это^{iv}.

Взаимодействие Чехии и других стран ЦЮВЕ с Европейским союзом носит более сложный и противоречивый характер, поскольку в данном случае, в отличие от интеграции в рамках НАТО, помимо политической воли сторон решающую роль играют объективные экономические факторы. Разрыв в социально-экономическом развитии между

ЦЮВЕ и Западной Европой остается весьма значительным, и для его преодоления (или по крайней мере значительного сокращения) необходим довольно длительный срок. Так, по данным британского еженедельника «Экономист», ВВП на душу населения в год составляет: в Словении — 18 тыс. долларов, в Чехии — 15 тыс., в Венгрии — около 14 тыс., в Словакии и Эстонии — 12 тыс., в Польше и Литве — чуть более 10 тыс., в Латвии — 9 тыс., в то время как средний показатель по ЕС — 26 тысяч долл.^v К тому же между «старыми» и «новыми» членами Евросоюза существует немало объективных противоречий, связанных, например, со способами финансирования сельского хозяйства, приспособлением финансовой системы стран-кандидатов к западноевропейским параметрам (особенно после образования в 1999 г. зоны единой европейской валюты — евро, в которую вошли 12 стран ЕС), либерализацией рынка труда и т.д.^{vi}

Тем не менее с 1997 г. Чешская Республика постепенно приводит большинство положений своего законодательства в соответствие с законами ЕС и ведет активные консультации по всему спектру вопросов, связанных с ее будущим вступлением в союз^{vii}. В декабре 2001 г. на саммите ЕС в Ницце был принят окончательный график приема в Евросоюз так называемой «первой волны» стран-кандидатов^{viii}. Год спустя в Копенгагене с этими странами были подписаны соглашения о приеме в члены ЕС, после чего в течение 2003 г. во всех странах-кандидатах (за исключением Кипра, где этот вопрос решал парламент) были проведены референдумы, на которых граждане этих стран высказывались «за» или «против» присоединения своего государства к ЕС. В Чехии результат референдума был однозначным: 77,33% избирателей, участвовавших в голосовании (явка превысила 60% граждан, имеющих право голоса), поддержали вступление в ЕС, 22,67% были против^{ix}.

Для чешских земель участие в крупном многонациональном сообществе не является чем-то новым. Опыт пребывания в составе государства Габсбургов^x и историческая память о нем, однако, носят неоднозначный характер. С одной стороны, современная Чехия заявляет о себе как о преемнице и продолжательнице традиций Чехословацкой республики, возникшей на обломках австро-венгерской монархии. С другой стороны, в последние годы все большее распространение в чешском обществе получают уравновешенные, объективные оценки австро-венгерского периода истории чешских земель, не отрицающие того положительного, что несло с собой взаимодействие различных народов и

культур в рамках единого государства. Более того, федерализм, как и национализм, имеет в Чехии свои традиции. Оба этих идейных течения в определенной мере смыкаются на фигуре историка и политика, одного из столпов чешского национального возрождения Ф.Палацкого, который еще в 1861 г. отмечал, что небольшие народы Европы, в том числе и чешский, «чем далее, тем более должны искать спасения в ассоциациях, в союзах, в федерациях...»^{xi}.

Таким образом, идеи европейской интеграции имеют в Чехии историческую базу. Нужно также отметить, что на современном этапе, в отличие от времен Габсбургов или «социалистического содружества», речь идет об интеграции добровольной, которая осуществляется на демократической основе и не является следствием подчинения небольших стран и народов Центральной и Юго-Восточной Европы безжалостному политическому, а нередко и силовому давлению более крупных и сильных наций и государств. Хотя ЦЮВЕ как стратегически важный регион и служит ареной геополитического соперничества (правда, в куда меньшей степени, чем в первой половине XX в. или в годы «холодной войны»), на сей раз, в отличие от указанных периодов, страны региона не лишены свободы выбора. Однозначность этого выбора — в пользу Западной Европы и США — обусловлена, на наш взгляд, не только историческими и социально-психологическими факторами, но и тем, что реальной, выгодной и привлекательной альтернативы интеграции в рамках НАТО и Европейского союза для стран региона после крушения коммунистических режимов не появилось. Это в определенной степени связано и с чрезвычайной пассивностью российской внешней политики в Центральной и Восточной Европе в 90-е годы^{xii}.

Тем не менее в Чехии, как и в большинстве стран ЦЮВЕ, существует весьма широкий спектр взглядов на то, как именно должна протекать европейская интеграция и какую роль призвана играть в новой Европе эта страна. Это неудивительно, поскольку и на самом Западе отсутствует, по выражению британского ученого Ф.Шле-зингера, «убедительный рецепт современной европейской идентичности»^{xiii}. Чешский исследователь М.Поволни пишет об этом так: «...Вопрос, который встает перед все большим числом заинтересованных наблюдателей за развитием Европы после Маастрихта^{xiv}, есть вопрос о цели этого развития... Послание из ведущих европейских столиц и Брюсселя звучит неубедительно: “Мы не знаем, куда идем, но мы в пути”^{xv}. Дискуссии о конечной форме европейской интеграции, о разграничении полномочий между на-

циональными государствами и наднациональными органами и структурами, о европейской и национальной идентичности не только не прекращаются, но и становятся все более оживленными».

Превалируют, однако, аргументы экономического характера. В последнее время, когда само вступление Чехии в Евросоюз стало делом решенным, политики, эксперты, СМИ, представители общественности все большее внимание уделяют хозяйственным и социальным диспропорциям, возникающим в рамках пространства «расширенного» ЕС. В частности, когда на саммите Евросоюза в Копенгагене в декабре 2002 г. обсуждался вопрос об отчислении этой организации своим будущим членам, достигнутые результаты не слишком удовлетворили большинство стран-кандидатов, особенно Чехию. Согласно копенгагенским договоренностям, до 2006 г. (т.е. в первоначальный, наиболее сложный период пребывания в ЕС) из специального фонда, покрывающего две трети всех расходов на расширение, ежегодно будет тратиться следующее количество средств (в пересчете на душу населения): для Польши — 60 евро, Венгрии — 45, Словении — 42, Чехии — 29 евро. Для сравнения приведем размеры дотаций, полученных наименее благополучными членами ЕС из брюссельской кассы в 2000 г. (также на душу населения): Греция — 437 евро, Ирландия — 419, Испания — 216, Португалия — 211 евро^{xvi}. Европейская комиссия утверждает, что небольшая величина дотаций для ЦЮВЕ в первую очередь связана с относительно невысоким уровнем доходов и покупательной способности населения в этих странах — по сравнению с Западной Европой. Однако это объяснение удовлетворяет далеко не всех. Кроме того, целым секторам экономики региона придется после 2004 г. весьма непросто. В частности, сельское хозяйство стран-кандидатов в течение как минимум пяти лет после вступления будет получать от ЕС дотации, составляющие не более половины (первоначально Брюссель настаивал на 25%) уровня дотаций, перепедающих западноевропейским фермерам. Многие экономисты полагают, что такое положение приведет к массовым банкротствам в аграрном секторе Польши, Венгрии, Словакии и Чехии.

Есть и другие, не менее важные факторы — геополитические. В разгар кризиса вокруг Ирака (2003) выяснилось, что отношения с США могут стать катализатором нового раскола Европы. Американский министр обороны Д.Рамсфелд, сделав в своей известной речи реверанс в сторону «новой Европы», под которой подразумевались в первую очередь страны ЦЮВЕ, придерживающиеся проамериканской ориентации, вы-

звал волну воодушевления у политических элит этих стран. И хотя общественное мнение в государствах региона на протяжении всего конфликта в Ираке оставалось устойчиво антивоенным, некоторые «новые» европейцы, в первую очередь Польша, получили от этой войны немалые геополитические дивиденды. Позиция Чехии в данном случае оказалась сбалансированной, хотя некоторые наблюдатели упрекали чешскую политическую элиту в желании «усидеть сразу на двух стульях». Левоцентристское правительство В.Шпидлы весной 2003 г. пусть в осторожных выражениях, но все же одобрило военную операцию в Ираке, однако президент В.Клаус выразил несогласие с действиями США как противоречащими международному праву. Кроме того, многими политиками высказывались опасения по поводу того, что солидарность с США может стоить Чехии добрых отношений с занявшими антивоенную позицию Францией и Германией — наиболее влиятельными членами ЕС.

Как видим, уже на первоначальном своем этапе европейская интеграция поставила перед ЧР ряд принципиально новых политических и экономических проблем. Это стимулировало ведущуюся в чешском обществе дискуссию о перспективах единой Европы и роли в ней Чехии и других небольших государств ЦЮВЕ. О том, насколько причудливой может быть эволюция взглядов представителей чешской политической элиты (и поддерживающих их широких слоев общества) на проблемы европейской интеграции, свидетельствует, например, анализ высказываний лидеров крупнейшей праволиберальной партии страны — Гражданской демократической (ГДП).

Стоит напомнить, что первый этап сближения Чехии с западноевропейскими и евроатлантическими структурами пришелся на период доминирования ГДП на чешской политической сцене (1992–1997). В эти годы евроинтеграция рассматривалась правящими кругами ЧР не только как необходимая и возможная, но и как легко достижимая для страны цель. В одном из своих выступлений в 1993 г. премьер-министр Чехии, лидер гражданских демократов В.Клаус отмечал, что «Чешская Республика, чье развитие в последние годы лишено черт катастрофичности, присущих большинству других государств бывшего коммунистического блока, имеет наибольшие основания [из всех стран ЦЮВЕ] рассчитывать на скорую и органичную интеграцию в Европу»^{xvii}. Однако экономическое и политическое развитие страны во второй половине 90-х годов не подтвердило оптимистические ожидания чешских правых и покончило с созданным ими мифом о некой «исключительно-

сти» ЧР и ее более выгодной по сравнению с соседями по региону стартовой позиции при интеграции в западноевропейские структуры^{xviii}. Тем не менее правые считают одной из своих основных заслуг участие Чехии в программе «Партнерство во имя мира», сближение с НАТО и начало переговоров с ЕС — шаги, которые были инициированы правящей коалицией ГДП и христианских демократов.

Однако в конце 90-х, после ухода в оппозицию, подход ГДП к проблеме евроинтеграции начал меняться. Хотя гражданские демократы по-прежнему положительно оценивают членство ЧР в НАТО, а о вступлении в ЕС в программных документах партии говорится как о «стратегическом приоритете внешней политики Чешской Республики, ответственность за которую стремится взять на себя Гражданская демократическая партия»^{xix}, в выступлениях членов руководства ГДП, материалах конференций и совещаний все более отчетливыми становятся евроскептические мотивы. Гражданские демократы осознают важность проблемы, которая встает перед объединяющейся Европой — проблемы, так сформулированной известным немецким философом и социологом Ю.Хабермасом: «Вопрос заключается не в изобретении чего-то совершенно нового, а в сохранении достижений современных национальных государств и вынесении этих достижений за государственные границы; новой является лишь форма, которую этот процесс примет»^{xx}. Чешские гражданские демократы, подчеркивающие свою идейную близость к британским консерваторам, делают однозначный выбор в пользу национального государства.

Вот что говорил об этом В.Клаус, выступая на международной конференции «Европейские проблемы конца XX столетия» в июне 1999 г.: «...Нынешние [европейские] тенденции к унификации являются, с моей точки зрения, опасным и обманчивым проектом, который реализуется вместо другого, куда более необходимого проекта — последовательной либерализации Европы в духе принципов классического либерализма. Сегодняшняя форма интеграции представляет собой, как мне кажется, продукт либо непродуманности и наивности, либо идеологии «третьего пути» в европейской политике... Весь нынешний облик Европейского союза носит черты такого проекта. Попытка создать the universal welfare state (государство всеобщего благосостояния. — Я.Ш.) представляет собой реализацию концепции «третьего пути», об опасности которого я считаю нужным предупредить»^{xxi}. Почти пять лет спустя, уже находясь на посту президента ЧР, В.Клаус опубликовал нашумев-

шую в Чехии статью «Почему я не “европеист”», в которой отмечал: «Сегодняшний Европейский союз (особенно в том случае, если будет одобрена его Конституция, подготовленная Европейским конвентом) стремится подчинить правовые системы отдельных государств своим собственным законам, что является отражением идеологии интернационализма и универсализма. Другой стороной той же медали является априорное недоверие “европеистов” к политическим процессам внутри демократических национальных государств, поскольку логика демократии такова, что предвидеть и контролировать ее развитие крайне проблематично. Отсюда — лишь один шаг до легитимизации рационалистической, бюрократически нейтральной, “экспертной” позиции никем не избранных универсалистов, до признания ее всеобщего характера и обязательности... Следствием этого является конфликт между демократией и международным правом, возникающим неполитическим путем. Особенно остро он протекает у нас в Европе, где одни стремятся к Европе демократий, в то время как другие уповают на европейскую демократию. Одни опасаются элитарности и неподконтрольности европейских законодателей и политиков, другие, наоборот, радуются приходу Европы как “демократического супергосударства”»^{xxii}.

Противоречивость подхода гражданских демократов к проблеме европейской интеграции ярко отразилась в словах Я.Заградилы — заместителя председателя ГДП, министра иностранных дел в теневом правительстве, сформированном этой партией: «...Пока невозможно договориться о нашем вступлении в ЕС на основе равноправия. Об этом свидетельствует весь подход ЕС, особенно в вопросах сельского хозяйства»^{xxiii}. Евросоюз намерен обращаться со своими новыми членами как неполноценными, странами “второго сорта”... ЕС не готов предоставить нам все права члена союза сразу после вступления в него. Это печально и кажется мне нечестным. С другой стороны, оттягивание времени нашего вступления в ЕС только ухудшило бы наши позиции... До сих пор мы отделены от единого рынка ЕС рядом таможенных барьеров. Если не вступим в союз, то будем иметь с этим дело и дальше. Тем самым мы бы оттолкнули потенциальных инвесторов, которые в таком случае не пойдут в [нашу] страну»^{xxiv}. Гражданские демократы, заявляющие о себе как о единственных “еврореалистах” на чешской политической сцене, заслужили репутацию евроскептиков — как в самой Чехии, так и за ее пределами. Критически настроенный по отношению к ГДП политолог Р.Кучера так характеризует мотивы, которые привели эту партию в вопросах евроин-

теграции к более консервативной позиции, чем занимаемая ею в начале и середине 90-х: «ГДП, по сути дела, является антиевропейской политической силой, не имеющей ничего общего с “еврореализмом”. Речь идет скорее о “еврофобии” гражданских демократов, которая выражается в... инсинуациях и даже оскорблениях в адрес ЕС... У этой фобии есть свои причины: в рамках Евросоюза ГДП не играла бы заметной роли, поскольку там у нее нет настоящих политических партнеров...»^{xxv}.

При всей резкости этой оценки в ней есть рациональное ядро. Однако нельзя отрицать и тот факт, что ГДП как наиболее значительная праволиберальная политическая партия в Чехии является выразителем настроений той части чешского общества, которая испытывает опасения в связи с предстоящим вступлением своей страны в ЕС. Это весьма широкая и пестрая в социальном смысле группа. В нее входят многие представители национального капитала, опасющиеся конкуренции крупных западных фирм; мелкие предприниматели, которым возможная концентрация капитала после вступления ЧР в Евросоюз грозит банкротством; наконец, значительная часть людей со средними и низкими доходами, полагающих, что рост цен, связанный с включением чешской экономики в единый европейский рынок, негативно отразится на их жизненном уровне. Такие настроения в сегодняшней Чехии весьма распространены, и, хотя противники вступления ЧР в ЕС составляют меньшинство граждан страны, их число в последние годы растет.

Для Чехии европейская интеграция тесно связана также с имеющей глубокие исторические корни проблемой отношений с Германией — крупнейшим экономическим партнером ЧР, отношения с которым в сфере политики, однако, отнюдь не безоблачны. Наиболее ярко это проявилось в 2001–2002 гг., когда предвыборная кампания в ЧР совпала по времени с неожиданно возникшей полемикой между правящими кругами Чехии, Германии и Австрии по вопросу о послевоенной депортации судетских немцев в соответствии с так называемыми «декретами Бенеша»^{xxvi}. В совместной Чешско-германской декларации, подписанной тогдашним премьер-министром Чехии В.Клаусом и канцлером ФРГ Г.Колем в 1997 г., прямо говорится: «...Стороны провозглашают, что не будут отягощать свои взаимоотношения политическими и правовыми вопросами, корни которых уходят в прошлое»^{xxvii}. Это, однако, не помещало националистически настроенным кругам по обе стороны чешско-германской и чешско-австрийской границ возобновить споры о правомерности высылки судетских немцев из Чехословакии в 1945–1946 гг., о

неоднозначном историческом наследии тогдашнего чехословацкого президента Э.Бенеша. Наиболее радикальные представители судетонемской общины ведут разговоры о реституции (возвращении) имущества, конфискованного у них или их предков при депортации, и даже о возврате судетским немцам гражданских и политических прав в Чехии. Следует, однако, отметить, что эту позицию не разделяют ни официальное руководство Германии и Австрии, ни ведущие представители Европейского союза, не раз заверявшие Чехию в неприкосновенности ее государственных границ, а также в том, что решение имущественных вопросов на территории ЧР находится всецело в ведении властей этой страны^{xxviii}.

Кампания по защите национальных интересов, начатая ГДП в первую очередь в собственных предвыборных целях, приобрела весной 2002 г. общенациональный характер. К ней подключились и другие политические силы, в том числе известные своей проевропейской ориентацией и стремлением к сохранению добрососедских отношений с Германией и Австрией. Так, председатель Чешской социал-демократической партии (ЧСДП), с июня 2002 г. — премьер-министр ЧР В.Шпидла заявил о депортации немцев: «Их высылка не была мстью... Она явилась следствием осознания того, что эти меньшинства (немецкое и венгерское. — Я.Ш.) служили источником нестабильности в Центральной Европе и одной из основных причин возникновения напряжения, которое в конечном итоге разожгло пожар войны... К сожалению, утраченные человеческие жизни реституции не подлежат, поэтому нельзя говорить и о какой-либо иной реституции»^{xxix}. Заместитель председателя либеральной Унии свободы, депутат парламента К.Кинл отметил, что «в Европарламенте есть небольшая группа депутатов из Германии и Австрии, которые выступают с экстремистских позиций» (т.е. требуют официальной отмены «декретов Бенеша» и переговоров о возможной компенсации высланным и их потомкам)^{xxx}.

Итогом усиленного разыгрывания «национальной карты» стало единогласное принятие Палатой депутатов парламента ЧР следующего заявления:

- «Палата депутатов Парламента Чешской Республики,
- не признавая попыток открыть вопросы, связанные с окончанием и результатами Второй мировой войны,
- отмечая позитивное значение Чешско-германской декларации и выраженного в ней стремления не отягощать будущее двусторонних от-

ношений политическими и правовыми вопросами, корни которых уходят в прошлое,

— подтверждая, что добрососедские отношения и полноправное членство в Европейском союзе остаются внешнеполитическими приоритетами Чешской Республики,

— исходя из того, что содержание и условия законодательства о реституции всецело и полностью находятся в ведении чешских конституционных органов,

провозглашает, что:

1) чехословацкое законодательство 1940 — 1946 гг., в том числе декреты президента республики, возникло, как и в других европейских государствах, в результате войны и поражения в ней нацизма;

2) послевоенные законы и декреты президента республики были реализованы в период после их издания таким образом, что в настоящее время на их основании не могут возникнуть какие-либо новые правовые отношения;

3) правовые и имущественные отношения, вытекающие из указанных законодательных актов, являются действительными, неприкосновенными и неизменными»^{xxxі}.

Умеренный тон постановления вызвал позитивную реакцию руководства Европейского союза, хотя со стороны правых немецких и австрийских политиков по-прежнему звучали критические высказывания. Не было единодушия и в оценках чешских аналитиков. Реальным результатом кампании по защите национальных интересов стало — к счастью, временное — ухудшение отношений между ЧР и ее западными соседями (нужно еще раз отметить, что ни в ФРГ, ни в Австрии античешская кампания в 2002 г. не велась с такой остротой и последовательностью, как националистическая кампания в Чехии). Кампания подтвердила правоту суждения, высказанного бывшим генеральным секретарем Совета Европы К.Лалюмьер еще в 1992 г.: «Пятьдесят лет стабильности и демократии на западе Европы дали возможность выйти за рамки модели государства-нации, в то время как на востоке пятьдесят лет диктатуры... повернули сознание... обратно к вопросам этнической и национальной идентичности»^{xxxii}. Выяснилось, что обсуждение вопросов, связанных с кризисными моментами истории, прежними этническими конфликтами и проблемами межнациональных отношений, все еще наталкивается на болезненную «мобилизационную» реакцию значительной части чешского общества, которую используют в своих интересах националистически настроенные политические силы.

Говоря об интеграции Чехии в Европейский союз, тогдашний премьер-министр ЧР М.Земан в 1998 г. отмечал, что ЧСДП, лидером которой он являлся, рассматривает ЕС «не просто как зону свободной торговли, а как многонациональное сообщество с собственной политикой в области безопасности, экологии, социальной сферы и, конечно, экономики»^{xxxiii}. Позиция социал-демократов по данному вопросу принципиально не изменилась и после избрания лидером партии, а затем и главой правительства республики В.Шпидлы. Более того, в 2001–2002 гг. вопрос о евроинтеграции стал одним из основных в полемике между социал-демократами и гражданскими демократами. Как подчеркивала заместитель председателя ЧСДП П.Бузкова, «мы (политические силы и все граждане ЧР. — Я.Ш.) должны определиться: либо мы стремимся в ЕС, несмотря на определенные проблемы, которые это решение повлечет за собой, — стремимся, потому что этот путь представляется нам наиболее перспективным; либо мы отвергаем вступление в союз... Сказать “да” или “нет” — это сегодня вопрос ответственности каждого чешского политика. Только на основе четкого решения по этому вопросу может развиваться нормальная, непопулистская дискуссия о рисках, с которыми сопряжено членство в ЕС. Их немало, но мы будем тем лучше готовы к ним, чем скорее представители ГДП перестанут уходить от четкого ответа на вопрос: да или нет? Мы (в данном случае имеется в виду ЧСДП. — Я.Ш.) свой выбор уже сделали»^{xxxiv}.

В то же время позицию чешской социал-демократии, играющей ключевую роль в коалиции, правящей в ЧР после июньских выборов 2002 г., отличает не только приверженность принципам европейской интеграции, но и, как уже отмечалось выше, собственные представления об оптимальных путях общественного развития как Чехии, так и Европы в целом. Это представления о «социальном государстве» скандинавского типа как модели, наилучшим образом способствующей реализации потенциала различных слоев общества. Как заявил в одном из интервью В.Шпидла, «необходимо далее расширять конструкции социального государства, которое своим вмешательством решительно выравнивает возможности [разных групп общества]. Такой подход не противоречит свободе, так как равенство есть составная часть свободы... Эта система не имеет ничего общего с революцией, мы не собираемся прибегать к национализации, но социальную сферу необходимо всемерно развивать и улучшать... Лично мне ближе всего шведская модель, так что наш путь лежит на север!»^{xxxv}.

Однако при всем еврооптимизме ЧСДП реализация подобной программы может парадоксальным образом осложнить перспективы интеграции Чехии в Евросоюз. Ведь эффективность модели «шведского социализма» еще в начале 90-х годов была поставлена под вопрос серьезными финансово-экономическими проблемами, с которыми столкнулась сама Швеция. Не случайно социалистические и социал-демократические правительства практически всех стран ЕС придерживаются в последнее время в экономических вопросах прагматичного центристского курса, приносящего куда большие плоды по сравнению как с ультрарыночной либеральной политикой, так и с непродуманными экспериментами в социалистическом духе. Кроме того, многие экономисты указывают на то, что экономических ресурсов и особенно финансовой базы Чешской Республики явно недостаточно для воплощения в жизнь широкомасштабных социальных проектов ЧСДП^{xxxvi}. В 2002–2004 гг. в этом пришлось убедиться и самому левоцентристскому правительству, вынужденному начать бюджетно-финансовую реформу, направленную на экономии государственных средств^{xxxvii}.

Несмотря на победу на последних парламентских выборах, социал-демократы сознавали, что без тесного сотрудничества с другими политическими силами, выступающими за скорейшее вступление страны в Европейский союз, им будет сложно решить эту задачу в течение ближайших двух лет. Именно эти соображения сыграли решающую роль при формировании кабинета В.Шпидлы. Для двух небольших партий – христианских демократов (Христианско-демократическая уния – Чешская народная партия, ХДУ – ЧНП) и особенно либералов из Унии свободы – Демократической унии (УС – ДУ) – проевропейская позиция ЧСДП оказалась основным фактором, подтолкнувшим их к сотрудничеству с ней. «Будущее правительство должно быть однозначно проевропейским», – заявила тогдашний лидер УС – ДУ Г.Марванова в ноябре 2001 г.^{xxxviii}. В совместной программной декларации демохристиан и либералов «Приведем дела в порядок» (2002) отмечалось, что «интеграция стала крупнейшим и наиболее успешным проектом в истории европейского континента. Она исходит из общеевропейских ценностей, способствует преодолению исторических травм, приносит множество практических выгод, расширяет пространство индивидуальной свободы, прав человека и равных шансов для всех... Скорейшее вступление Чешской Республики в Европейский союз полностью соответствует нашим национальным интересам»^{xxxix}.

Суть разногласий между либерально-консервативным (представленным гражданскими демократами) и «чисто» либеральным (УС — ДУ, отчасти и демохристиане) лагерем в чешской политике лаконично сформулировал сенатор от Унии свободы, экс-министр иностранных дел Чехии Й.Желенец: «Для Вацлава Клауса Европейский союз — это чуть ли не тюрьма народов. Согласно его представлениям, нации могут раствориться в единой Европе, как сахар в чае. Но в той же мере, в какой для отдельного человека наилучшей гарантией свободы является правовая среда, так и для любого народа оптимальным представляется единое правовое пространство. В прошлом Европа слишком часто была местом, где единственным правом, действовавшим в отношениях между нациями и государствами, было право силы»^{xi}. Следует отметить, что с организационной точки зрения ХДУ — ЧНП и УС — ДУ ушли дальше остальных чешских политических субъектов по пути взаимодействия с западноевропейскими партнерами: с 2001 г. обе партии являются коллективными членами Европейской народной партии (ЕНП), объединяющей несколько десятков партий христианско-демократического и либерального направления из разных стран Европы. (По результатам последних выборов в Европарламент фракция ЕНП является крупнейшей.)

Заметное усиление влияния коммунистов в 2002–2003 гг.^{xli} и некоторые признаки их возможного выхода из политической изоляции заставляют внимательнее присмотреться к позиции Коммунистической партии Чехии и Моравии (КПЧМ) по вопросу о европейской интеграции и членству ЧР в международных структурах. Коммунисты были и остаются последовательными противниками НАТО. В «Программе обновления», принятой на V съезде КПЧМ (1999), отмечается стремление партии «в сотрудничестве с левыми силами других стран способствовать ликвидации агрессивных военно-политических блоков, добиваться приостановления членства Чехии в НАТО и последующего выхода из этого пакта»^{xlii}. По отношению к ЕС позиция коммунистов менее однозначна: они не поддерживают этот шаг, но и не выступают открыто против него. В программе КПЧМ, принятой в 1992 г., говорится: «Мы не хотим, чтобы наша страна находилась в зависимости от какой-либо державы или группы держав... Мы против экономической аннексии, но за интеграцию на основах равноправия... Мы за Европу равноправных народов, Европу, которая создавалась бы “снизу”, а не была бы плодом усилий монополий и евробюрократов»^{xliii}. В предвыборной программе КПЧМ (1998) содер-

жалось требование того, чтобы вопрос о вступлении Чехии в ЕС «был решен на основе результатов референдума, накануне которого должна быть проведена объективная кампания, разъясняющая гражданам как выгоды, так и риски, связанные с этим шагом»^{xliv}. То же требование фактически было повторено в предвыборных документах партии и четыре года спустя^{xlv}.

«Я не отношусь к тем, кто выступает против объединения Европы, — утверждает лидер КПЧМ М.Гребеничек. — Важно, однако, в какие сроки и на каких условиях будет осуществляться этот процесс... Сейчас не хватает подробного анализа тех последствий, которые может повлечь за собой быстрое вступление Чешской Республики в ЕС. Нет оснований предполагать, что развитые западные государства искренне стремятся поделить свои богатством с бедными странами-кандидатами... Я опасаясь [также] того, что быстрое и безусловное вступление Чехии в Евросоюз принесет выгоды лишь тем нашим согражданам, чьи доходы и сегодня во много раз превышают средние по стране»^{xlvi}. Таким образом, подход чешских коммунистов весьма гибок: не высказываясь прямо против интеграции, они играют на опасениях средних и малоимущих слоев населения перед дальнейшим социальным расслоением, которое может принести с собой вступление в ЕС. В этом отношении самая левая из ведущих политических партий Чехии парадоксальным образом смыкается с самой правой — гражданскими демократами, что позволило представительнице

УС — ДУ Г.Марвановой заявить вскоре после выборов, что в новом составе нижней палаты парламента политический водораздел между правительственным блоком и оппозицией проходит по линии «еврооптимизм — евроскептицизм»^{xlvii}. Политолог И.Пеге развивает эту мысль: «Обе партии (коммунисты и гражданские демократы — Я.Ш.) отлично понимают друг друга, как только речь заходит о национализме и ксенофобии, что продемонстрировали недавние дебаты вокруг “декретов Бенеша”. Хотя лидеры ЧСДП и других партий также разыгрывали национальную карту, они выражали при этом куда более умеренные взгляды и... не использовали “чешские национальные интересы” для аргументации против нашего членства в ЕС»^{xlviii}.

После 1 мая 2004 г. дальнейшее обсуждение проблем интеграции будет, судя по всему, протекать в Чехии в рамках общеевропейской дискуссии о будущем единой Европы. Перспективы европейского проекта далеко не безоблачны: экономический рост в последние годы замедлился

(особенно в Германии, долгое время считавшейся «мотором» ЕС), разница в жизненном уровне, традициях, социокультурных укладах «старых» и «новых» членов Союза не исчезнет еще долго, какие бы усилия по ликвидации этого разрыва ни прилагали как брюссельская евробюрократия, так и правительства отдельных европейских стран. С институциональной точки зрения Евросоюз находится на распутье: пойти ли по пути дальнейшей централизации и унификации, предлагаемому, в частности, разработчиками проекта первой Конституции ЕС, который обсуждают лидеры «расширенного» Союза, — или же повременить с центростремительными тенденциями, дав простор прежде всего экономическому сотрудничеству с облегченной политической надстройкой, что в принципе означало бы реализацию концепции «Европы отечеств». Существует и множество иных вопросов, ответы на которые даст только будущее, — о роли регионального сотрудничества (например, «Вышеградской четверки», объединяющей Чехию, Венгрию, Польшу и Словакию) в новых условиях, о темпах либерализации европейского рынка труда^{xlix}, о целесообразности новых «волн» расширения ЕС и т.д.

Чешской общественности, политическим силам ЧР, как и представителям других стран Центральной и Юго-Восточной Европы, остается надеяться на то, что их голос будет услышан, а их мнение будет учитываться при решении сложных проблем взаимодействия различных государств и народов, их экономик, культур и государственно-политических механизмов в рамках формирующейся наднациональной европейской общности.

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ При премьер-министре В.Мечияре (1993—1998) нарушились политические связи Словакии как со странами Запада, считавшими режим Мечияра недемократическим, так и с некоторыми соседями, в том числе и с Чехией. После 1998 г., когда к власти пришла правоцентристская коалиция во главе с М.Дзуриндой, Братислава взяла прозападный курс. С 30 марта 2004 г. Словацкая Республика — член НАТО, с 1 мая — член ЕС.

ⁱⁱ В массовом сознании народов ЦЮВЕ после крушения коммунизма возникло устойчивое представление о самих себе как о европейцах, насильственно оторванных от западной цивилизации в результате вначале гитлеровской агрессии, а затем — четырех десятилетий коммунистического господства, во время которого суверенитет государств

региона был ограничен СССР, чьими сателлитами они являлись. Собственная «европейскость», особенно в том, что касается традиций демократии и правового государства, при этом зачастую сильно переоценивалась — учитывая тот факт, что до конца 30-х — середины 40-х годов во всех странах ЦЮВЕ (за исключением Чехословакии в 1918–1938 гг.) существовали авторитарные режимы, которые сменились в конце 40-х монополией коммунистических партий на власть. Что касается межвоенной Чехословацкой Республики, то ее 20-летний демократический опыт был недолг и неоднозначен, особенно в том, что касается решения национального вопроса. Как отмечает — несомненно, с некоторой долей преувеличения — чешский политолог и публицист Б.Долежал, «чешское западничество обусловлено психологическим синдромом лучшего ученика. Первая Чехословацкая Республика пользуется у чешской общественности репутацией бастиона европейской демократии в отсталом и враждебном окружении. Это представление, несомненно, вытекает из понимания Т.Г.Масариком миссии чешского народа, которая, по его мнению, заключается в реализации идеалов гуманизма... Вульгаризация этой мысли привела чешское общество к представлению о том, что от соседей оно отличается именно осуществлением на практике гуманистических и демократических идей» (Doležal B. *Česká republika před branami EU // Střední Evropa*. — Pr., 2001. — Č. 108. — S. 38).

ⁱⁱⁱ Подробнее см., напр.: Кобринская И. Россия и Центральная Восточная Европа после «холодной войны». — М., 1997. — С. 73–94; Šedivý J. *Dilema rozšiřování NATO*. — Pr., 2001. — S. 23–26.

^{iv} См., напр.: Бжезинский З. Великая шахматная доска. — М., 1998. — С. 94–108.

^v *The Economist*. — L., 2003. — Aug. 16–22. — P. 21. Данные приведены с учетом так называемого паритета покупательной способности, позволяющего сравнивать реальные доходы и жизненный уровень в разных странах.

^{vi} См., напр.: Šafaříková K. *Evropská unie od Nice k euru. Co bude dál? // Mezinárodní politika*. — Pr., 2002. — Č. 2. — S. 4–5.

^{vii} См.: Lazarová M. *Za jakých podmínek vstoupí Česká republika do Evropské unie? // Střední Evropa*. — 2000. — Č. 102. — S. 83–99.

^{viii} Венгрия, Кипр, Латвия, Литва, Мальта, Польша, Словакия, Словения, Чехия и Эстония.

^{ix} *Lidové noviny*. — Pr., 2003. — 15.VI.

^x В 1804–1867 гг. — Австрийская империя, в 1867–1918 гг. — Австро-Венгрия.

^{xi} Palacký F. *Úvahy a projevy*. — Pr., 1977. — S. 272.

^{xii} Подробнее см., напр.: Шимов Я. «Другая» Европа // Россия: третье тысячелетие. Вестник актуальных прогнозов. Pr., 2001. — № 3. — С. 15–16.

^{xiii} Schlesinger Ph. *Europeanness: A new cultural battlefield? // Eds: Hutchinson J., Smith A.D.* — Oxford, 1992. — P. 320.

^{xiv} То есть после Маастрихтского договора (подписан 7 февраля 1992 г., вступил в действие после ратификации парламентами стран — членов Европейского сообщества 1 ноября 1993 г.). Договор стал важным этапом европейской интеграции, преобразовал Европейское сообщество в Европейский союз и значительно расширил полномочия союзных органов.

^{xv} Povolný M. *Evropa národů // Politologický časopis*. — Pr., 2001. — Č. 2. — S. 181.

^{xvi} Статистические данные приведены по: L.Urban. Náklady nadcházejícího rozšíření: vysoké, nebo nízké? // Mezinárodní politika. — Pr., 2003. — Č. 3. — S. 6.

^{xvii} Цит. по: Klusáková J. Václav Klaus: Nadoraz. O osmi letech ve svobodném státě. — Pr., 1998. — S. 101.

^{xviii} См., напр.: Kopecký P., Mudde C. Explaining different paths of democratization: The Czech and Slovak Republics // Journal of communist studies and transition politics. — L., 2000. — Vol. 16. — No. 3. — P. 63 — 84.

^{xix} Prohlášení V. Sjezdu Občanské demokratické strany (projekt). Interní materiál ODS. — Olomouc, 2001. — S. 3.

^{xx} Habermas J. Warum braucht Europa die Verfassung? // Die Zeit. — B., 2001. — No. 27.

^{xxi} Цит. по: Lidové noviny. — Pr., 1999. — 7.VI.

^{xxii} V.Klaus. Proč nejsem „evropeistou“ // Lidové noviny. — Pr., 2004. — 14.II.

^{xxiii} Имеется в виду возникший в 2002 г. между Евросоюзом и странами-кандидатами конфликт вокруг объема дотаций сельскому хозяйству стран ЦЮВЕ после их вступления в ЕС.

^{xxiv} Interview s J.Zahradilem. Stínový ministr zahraničních věcí a místopředseda ODS odpovídá na otázky k tématu «ODS volí EU». — Mode of access: http://www.ods2002.cz-/ods2002/asp/clanek_tisk.asp?id=dVLNG0kSkB90.

^{xxv} Kučera R. Malé národy a státy by se měly chtít stát součástí velké evropské federace // Střední Evropa. — Pr., 2001. — Č. 108. — S. 29.

^{xxvi} Инициировал полемику в январе 2002 г. тогдашний премьер-министр Чехии М.Земан, который в интервью австрийскому еженедельнику «Профиль» назвал судетских немцев «пятой колонной Гитлера» и выразил однозначное одобрение послевоенной депортации немецкого меньшинства из Чехословакии. (Интервью было перепечатано чешской прессой: см.: Mladá fronta dnes. — Pr., 2002. — 11.III.) Ответом на эти высказывания была резкая критика со стороны австрийских политиков (канцлера В.Шюсселя, вице-канцлера С.Рисс-Пассер, лидера ультраправой Партии свободы Й.Хайдера), а затем и немецких политиков — премьер-министра Баварии, кандидата на пост канцлера ФРГ Э.Штойбера, председателя Судетонемецкого землячества Б.Поссельта и др. Был отменен намеченный на апрель 2002 г. визит в Прагу германского канцлера Г.Шредера. Президент Чехии В.Гавел был вынужден на переговорах со своими коллегами Й.Рау (ФРГ) и Т.Клестилем (Австрия) дезавуировать наиболее резкие высказывания М.Земана. Тем не менее дипломатический конфликт вызвал новую волну интереса к судетонемецкой проблеме и оживленные дискуссии как в чешских, так и в немецких и австрийских СМИ.

^{xxvii} Цит. по тексту декларации, опубликованной на официальном Интернет-сайте министерства иностранных дел ЧР: <http://www.mzv.cz/archiv/1997/deklarace.html>

^{xxviii} См., в частности, заявление по этой проблеме Г.Ферхойгена — члена Европейской комиссии (исполнительного органа Евросоюза), ответственного за вопросы расширения ЕС: Hospodářské noviny. — Pr., 2002. — 25.IV.

^{xxix} Právo. — Pr., 2002. — 23.II.

^{xxx} Lidové noviny. — Pr., 2002. — 27.III.

xxxі Уsnesení sнѣmоvny k poválečným prezidentským dekretům // Parlamentní zprávodaj. — Pr., 2002. — 25.IV.

xxxіі Lalumiere C. The Council of Europe's Place in the New European Architecture // NATO Review. — 1992. — Vol. 40. — No. 5. — P. 8.

xxxііі Земан М. Будущее Чешской социал-демократической партии // Будущее европейской социал-демократии. — М., 1998. — С. 416.

xxxіv Lidové noviny. — Pr., 2001. — 28.VI.

xxxv Lidové noviny. — Pr., 2002. — 27.V.

xxxvi См., напр.: Švedsko: Špidlův sen // Mladá fronta dnes. — Pr., 2002. — 9.VII.

xxxvii Подробнее см., напр.: Týden. — Pr., 2004. — Č. 8. — S. 16–24.

xxxviii Lidové noviny. — Pr., 2001. — 30.XI.

xxxix Dáme věci do pořádku. Programové prohlášení Koalice. Volby 2002. — Mode of access: [http://www.4koalice.cz/v2clanek.html?PID=VolebniProgram&pHtml=full&pDate=&pD](http://www.4koalice.cz/v2clanek.html?PID=VolebniProgram&pHtml=full&pDate=&pDautor.) autor.

xl Hospodářské noviny. — Pr., 2001. — 22.XII.

xli На парламентских выборах в 2002 г. коммунисты получили 18,6% голосов — лучший их результат за весь период после «бархатной революции» 1989 г. По данным социологического центра CTEM, в марте 2004 г. рейтинг КПЧМ достиг еще более высокой отметки в 19,8%.

xlii Dokumenty V. sjezdu KSČM // Haló noviny. — Pr., 1999. — 27.XII.

xliii Program KSČM // Dokumenty III. Sjezdu KSČM. Interní materiál KSČM. — Pr., 1992. — S. 55.

xliv Volební program KSČM pro předčasné volby do Poslanecké sněmovny Parlamentu České republiky. — 1998 (место издания не указано). — S. 7.

xlv См.: S lidmi pro lidi. Volební program KSČM pro volby do Poslanecké sněmovny (2002). Pr., 2002. S. 18–20. — Mode of access: http://www.kscm.cz/show.php?leve_menu-/aktuality/volby_2002/vp_2002.htm.

xlvi Právo.m — Pr., 2002. — 24.I.

xlvii CTK News Report. — Pr., 2002. — 24.VI.

xlviii Mladá fronta dnes. — Pr., 2002. — 21.V.

xlix Большинство из 15 «старых» членов ЕС приняли временные меры по защите своего рынка труда от предполагаемого наплыва дешевой рабочей силы из стран, вступивших в Евросоюз в 2004 г. В течение нескольких лет граждане «новых» стран-членов не получают возможности свободно работать на всей территории ЕС — хотя изначально, в ходе переговоров о расширении, такая возможность предполагалась. Премьер-министр Чехии В.Шпидла в феврале — марте 2004 г. несколько раз подверг критике такую политику западноевропейских партнеров, назвав ее «дискриминационной».